

Д-р Рудольф Штайнер

Духоведение

Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека

GA 9

Перевод с двадцатого издания 1922 г.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЯ

- К новому изданию этой книги
- Предисловие к девятому изданию
- Предисловие к шестому изданию
- Предисловие к третьему изданию

ВВЕДЕНИЕ

СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

- I. Телесное существо человека
- II. Душевное существо человека
- III. Духовное существо человека
- IV. Тело, душа, дух

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ ДУХА И СУДЬБА

ТРИ МИРА

- I. Мир душ
- II. Душа в мире душ после смерти
- III. Страна духов
- IV. Дух в стране духов после смерти
- V. Физический мир и его связь со страной душ и духов
- VI. О мыслеформах и человеческой ауре

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Предисловия

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ ЭТОЙ КНИГИ

Перед выходом в 1918 году девятого издания этой книги я подверг ее тщательной переработке. С тех пор количество сочинений, направленных против выраженного в ней антропософского мировоззрения, значительно возросло. Издание 1918 г. было значительно расширено и дополнено. Проработка настоящего издания этого не потребовала. Кто захотел бы обратить внимание, как я, в разных местах своих трудов, сам себе делал возможные возражения для того, чтобы определить их вескость и лишить их силы, тот, в основном, сумел бы узнать мои ответы на труды оппонентов. Внутренних оснований подобным же образом дополнять содержание, как в 1918 году, «а этот раз не было, несмотря на то, что с тех пор антропософское мировоззрение в моей душе, именно за четыре последних года, со многих сторон расширилось, и мне дано было его также углубить. Но это расширение и углубление привело меня не к сомнениям относительно изложенного в этой книге, а к взгляду, что найденное с тех пор дает полное право в содержании этого основополагающего изложения ничего существенного не изменять.

*Рудольф Штайнер
Штутгарт, 24 ноября 1922 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДЕВЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Как перед выпуском предыдущих изданий этой книги, так и на этот раз я вновь проработал ее изложение. И эта проработка привела предстоящее новое издание к довольно большому числу дополнений и пояснений. В особенности сильно переработана глава «Перевоплощение духа и судьба». Во всем том, что было дано в предыдущих изданиях, как духовно-научные выводы, я ничего изменять не нашел нужным. Поэтому ничего существенного из того, что имело в книге место прежде, не опущено. Напротив, многое добавлено. — В духовно-научной области постоянно испытывается потребность довести уже высказанное однажды до большей ясности, освещая изложение по возможности с разных сторон. Как видишь себя принужденным для нахождения меткого слова, для выработки выражения использовать то, что принес дальнейший душевный опыт, об этом я уже говорил в предисловии к шестому изданию. В этом новом издании я в особенности придерживался этой необходимости. Поэтому именно оно может быть обозначено, как «значительно расширенное и дополненное».

*Рудольф Штайнер
Берлин, июль 1918 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

Почти каждый раз, когда являлась потребность в новом издании этой книги, я вновь тщательно перерабатывал то, что изложено в ней. И в этот раз я совершил ту же работу. Относительно новой переработки мне пришлось бы сказать подобное тому, что было сказано относительно третьего издания. Поэтому содержанию книги я предпосылаю «предисловие к третьему изданию». — Но **на этот раз** я особенно тщательно постарался привести **многие детали изложенного** к еще большей ясности, чем я смог это сделать в прежних изданиях. Я знаю, что в этом отношении надо бы сделать еще очень и очень многое. Но при описании духовного мира, поскольку дело касается того, чтобы найти меткое слово, соответствующий оборот для выражения какого-либо факта, переживания, находишься в зависимости от путей по которым идет душа. На этих путях, когда «настало время», само собой является выражение, которое напрасно ищешь, когда хочешь преднамеренно его найти. Я думаю, что именно по отношению к важным деталям в познании духовного мира мне было дано в некоторых местах этого нового издания достичь значительного. Кое-что представляется мне лишь теперь выраженным так, как должно. Я могу сказать, что эта книга приняла некоторую долю участия в том, что со времени ее первого появления, 10 лет тому назад, пережила моя душа, стремясь к дальнейшему познанию духовного мира. Пусть план и даже само изложение этого издания во всем существенном еще и соответствуют вполне первому изданию, все же из многих мест книги можно увидеть, что она для меня являлась чем-то **живым**, чему я дал часть того, что, как полагаю, я завоевал себе в продолжении десяти лет духовных исследований. Раз книга должна была стать не чем-то совершенно новым, а новым изданием старой, то естественно, что переработка ее должна была ограничиться скромными рамками. Я старался также путем отдельных «дополнений и пояснений» позаботиться о том, чтобы на тот или иной вопрос, могущий возникнуть у читателя, был дан ответ в самой книге.

В тревожное время, с взволнованной душой пишу я эти строки, которые должны предшествовать шестому изданию этой книги. Она была напечатана уже до 163 стр., когда над Европой разразилось роковое событие, переживаемое теперь человечеством. Сейчас,

когда я пишу это предисловие, мне представляется невозможным пройти мимо того, что обрушивается на душу в подобное время.

*Рудольф Штайнер
Берлин, 7-го сентября 1914 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

То, что было сказано по поводу выхода второго издания этой книги, может быть высказано также и относительно третьего. И на этот раз в отдельных местах были вставлены «дополнения и пояснения», которые кажутся мне важными для более точного формулирования изложенного; необходимости же в существенных изменениях того, что заключалось в первом и втором издании, как мне казалось, нигде не было. — Не требует в настоящее время изменения также и то, что было сказано по поводу задачи этой книги уже при ее первом появлении и прибавлено в предисловии ко второму изданию. Поэтому здесь будет повторено предисловие первого издания, а также и то, что было добавлено в предисловии ко второму изданию.

В этой книге будет дано описание некоторых областей сверхчувственного мира. Тот, кто хочет признавать один лишь чувственный мир, сочтет это описание за несуществующее порождение фантазии. Но кто хочет искать пути, ведущие за пределы чувственного мира, тот скоро научится понимать, что человеческая жизнь приобретает цену и значение только через прозрение в иной мир. Таким прозрением человек не отчуждается — как опасаются многие — от «действительной» жизни. Ибо лишь благодаря ему научается он твердо и уверенно стоять в этой жизни. Он знакомится с **причинами** жизни, между тем, как без этого прозрения он, как слепой, ощупью пробирается через **следствия**. Лишь через познание сверхчувственного, чувственно «действительное» получает смысл. Поэтому, через такое познание человек становится пригоднее для жизни, а не наоборот. Действительно «практическим» человеком может стать лишь тот, кто понимает жизнь.

Автор этой книги не описывает ничего, чего бы он не мог засвидетельствовать на основании опыта, такого рода опыта, какой возможен в этих областях. Лишь пережитое им самим в этом смысле будет здесь изложено.

Как обыкновенно в наше время читаются книги, так эту книгу читать нельзя. В известном отношении каждая страница, даже каждая фраза этой книги должна быть **проработана** читателем. Это было сознательно поставленной задачей. Ибо только так эта книга может стать для читателя тем, чем она должна стать. Тот, кто только прочитает ее, не читал ее совсем. Ее истины должны быть пережиты. Лишь в этом смысле Духоведение имеет ценность.

Эту книгу нельзя судить с точки зрения общепринятой науки, если точку зрения для такого суждения не взять из нее же самой. Если критик станет на эту точку зрения, то он, конечно, увидит, что в изложенном нет ничего такого, что противоречило бы истинной научности. Автор знает, что ни одним словом он не желал вступить в противоречие со своей научной добросовестностью.

Кто захотел бы еще на ином пути искать изложенные здесь истины — найдет его в моей «Философии Свободы». Различным образом обе эти книги стремятся к одной и той же цели. Для понимания одной из этих книг вовсе нет необходимости в прочтении другой, хотя для иных, конечно, и полезно.

Кто в этой книге станет искать «самых последних» истин, тот, может быть, отложит ее неудовлетворенным. Но из всей области Духовной науки сначала необходимо было дать **основные истины**.

Конечно, человеку по самой его природе свойственно сразу ставить вопросы о происхождении и конце мира, о цели бытия и о существовании Бога. Но кто стремится найти не одни лишь слова и понятия для рассудка, а истинные познания для жизни, тот знает, что в сочинении, в котором идет речь о начале Духовного познания, он не **вправе** говорить о вещах, принадлежащих к высшим ступеням мудрости. Лишь понимание этого начала уяснит, как должны ставиться высшие вопросы. В другой книге того же автора, непосредственно следующей за этой, именно в «Тайноведении», можно найти дальнейшие сообщения о рассматриваемой здесь области.

В предисловии ко второму изданию было добавлено: Кто в настоящее время дает изображение сверхчувственных фактов, тот должен уяснить себе две вещи. Во-первых, что наше время нуждается в развитии сверхчувственных познаний; а во-вторых, что теперь в духовной жизни встречается множество представлений и ощущений, которые делают для многих такое изложение прямо-таки дикой фантастикой и мечтательностью. Настоящему времени необходимы сверхчувственные познания, ибо все то, что человек узнает о мире и жизни обычным путем, пробуждает в нем бесчисленные вопросы, на которые ответ могут дать лишь сверхчувственные истины. Ибо в этом не следовало бы себя обманывать: то, что может быть сообщено об основах бытия внутри теперешнего духовного течения, для более глубоко чувствующей души является не ответами, а **вопросами** о великих загадках мира и жизни... Человек может некоторое время придерживаться мнения, что в том, что дают «строго научные факты» и выводы иного современного мыслителя, он имеет разрешение загадок бытия. Но когда душа доходит до тех глубин, которых она должна достичь, если она поистине понимает самое себя — тогда то, что сначала казалось ей решением, открывается ей лишь как побуждение к истинному вопросу. И ответ на **этот** вопрос не должен идти навстречу одному лишь человеческому любопытству, но от него зависит внутренний покой и цельность душевной жизни. Достижение такого ответа удовлетворяет не только стремление к знанию, оно делает человека работоспособным и созревшим для жизненных задач, тогда как отсутствие разрешения соответствующих вопросов обессиливает его душевно, а в конце концов также и физически. Познание сверхчувственного дает нечто не только для теоретических вопросов, но и для истинной жизненной практики. Именно вследствие характера современной духовной жизни познание духа является необходимой областью познания для нашего времени.

С другой стороны, мы стоим пред фактом, что многие сейчас с наибольшей силой отвергают именно то, что для них всего необходимее. Принудительная власть многих мнений, которые строятся на основании «достоверных научных опытов», для многих так велика, что они неизбежно должны отнестись к содержанию такой книги, как эта, как к беспочвенной бессмыслице. Тот, кто излагает сверхчувственные познания, может без всякой иллюзии отнестись к этому. Конечно, легко поддаться искушению потребовать от такого автора «непреложных» доказательств того, что он излагает. Но только при этом не принимают в соображение, что здесь сами впадают в заблуждение, ибо требуют — конечно, сами того не сознавая, — не доказательств, лежащих в самой вещи, но таких, какие желают признать сами, или же какие он в состоянии признать. Автор этой книги знает, что в ней нет ничего, чего не мог бы признать каждый, кто стоит на почве современного естествознания. Он знает, что можно отдать должное всем требованиям естествознания и именно **потому** признать само по себе обоснованным примененный здесь способ изображения сверхчувственного мира.

Да, именно подлинный научный способ представления и должен был бы почувствовать себя в этой книге как дома. И кто так думает, на того многие споры произведут то впечатление, которое охарактеризовано в глубоко верных словах Гете: «Ложное учение не поддается опровержению, ибо оно основывается на убеждении, что ложь есть истина». Споры бесплодны с тем, кто допускает лишь доказательства, соответствующие его собственному складу мышления. Кто знаком с сущностью «доказывания», для того ясно, что человеческая душа находит истину иначе, чем путем спора. — В силу этих взглядов пусть эта книга будет выпущена в свет и во втором издании.

Рудольф Штайнер

Введение

Когда осенью 1813 г. **Иоганн Готтлиб Фихте** выступил со своим «Учением», как зрелым плодом своей жизни, всецело посвященной служению истине, то в самом начале его он высказал следующее: «Это учение предполагает совершенно новый внутренний орган чувства, которым будет восприниматься новый мир, вовсе не существующий для обыкновенного человека». И затем он показал на сравнении, как непонятно должно быть это учение тому, кто хочет судить о нем по представлениям обычных чувств: «Представьте себе мир слепорожденных, которым ведомы лишь те вещи и те соотношения между ними, которые существуют благодаря чувству осязания. Придите к ним и заговорите с ними о красках и об иных соотношениях, существующих лишь благодаря свету и для зрения. Вы будете говорить им о том, чего нет; и самое лучшее, если они скажут вам об этом прямо; по крайней мере вы скоро заметите свою ошибку, и если вы не в силах раскрыть их глаза, то вы прекратите напрасную речь». — И вот, кто говорит людям о таких вещах, как в этом случае Фихте, тот слишком часто оказывается в положении, похожем на положение зрячего между слепорожденными. Но ведь это именно те вещи, которые относятся к истинному существу и высшей цели человека. И кто подумал бы, что необходимо «прекратить напрасные речи», — тот должен был бы, таким образом, отчаяться в человечестве. Напротив, ни одного мгновения не следует сомневаться, что «раскрыть глаза» на эти вещи возможно каждому, кто только сам проявит на то добрую волю. — Поэтому, исходя из этого предположения, говорили и писали все те, кто чувствовал в себе самом выросшим этот «внутренний орган чувства», при помощи которого они могли познать скрытое от внешних чувств истинное существо человека. И потому, с самых древних времен, вновь и вновь говорится об этой «сокровенной мудрости». — Тот, кто что-либо воспринял из нее, чувствует себя в своем знании так же уверенно, как обладающие нормальными глазами в своих красочных представлениях. Поэтому для него эта «сокровенная мудрость» не нуждается в «доказательстве». И он знает также, что не требуется доказательства и для того, у кого, подобно ему, открылось «высшее чувство». С таким человеком он может говорить так, как путешественник говорит об Америке с теми, кто хотя сами и не видели Америки, но способны составить себе представление о ней, так как они увидели бы все то, что видел он, как только им представился бы к тому случай.

Но не только к исследователям духовного мира должен обращаться наблюдатель сверхчувственного. Он должен обращать свои слова ко всем людям. Ибо ему надо говорить о вещах, которые касаются всех людей; ибо он знает, что без познания этих вещей никто не может быть «человеком» в истинном смысле этого слова. И он говорит со всеми людьми, потому что ему известно, что существуют различные степени понимания того, что он может сказать. Он знает, что даже и те, которые еще далеки от мгновения, когда им откроется возможность собственного духовного исследования, все же могут отнести к нему с пониманием. Ибо **чувство и понимание** истины есть в **каждом** человеке. И прежде всего

он обращается к этому пониманию, которое может вспыхнуть в каждой здоровой душе. Он знает также, что в этом понимании есть сила, которая постепенно должна привести к высшим степеням познания. Это чувство, которое сначала может быть **совсем ничего** не видит из того, о чем ему говорят, оно и есть тот волшебник, что раскрывает «око духа». Это чувство поднимается во тьме. Душа **не видит**, но, благодаря этому чувству, она бывает охвачена **могуществом истины**, и затем постепенно истина приблизится к душе и раскроет в ней «высшее чувство». Для одного это может длиться дольше, для другого короче; у кого есть терпение и выдержка — тот достигает этой цели. — Ибо, если и нельзя оперировать каждого физически слепорожденного, то **каждое духовное око** может быть раскрыто; и лишь вопрос времени, когда оно откроется.

Ученость и научное образование не являются непременными условиями для раскрытия этого «высшего чувства». Оно может раскрыться и у простого человека точно так же, как и у высокоученого. То, что ныне часто именуется «единственно-истинной» наукой, может служить скорее даже помехой, чем помощью к достижению этой цели. Ибо эта наука, естественно, считает «действительным» лишь то, что доступно обыкновенным чувствам. И потому, как ни велики ее заслуги в области познания этой действительности, но, объявляя нормой всякого человеческого знания то, что необходимо и плодотворно для ее науки, она в то же время создает множество предрассудков, которые закрывают доступ к высшим действительностям.

Против того, что здесь сказано, часто возражают, что человеческому познанию раз и навсегда поставлены «непреодолимые границы». Эти границы нельзя переступить; поэтому необходимо отклонять всякое познание, нарушающее эти «границы». И крайне нескромным считается тот, кто хочет что-либо утверждать о вещах, относительно которых многие убеждены, что они лежат по ту сторону границ человеческой способности познания. При таком возражении оставляют совершенно без внимания, что высшему познанию должно непременно предшествовать **развитие** человеческих познавательных сил. То, что до этого развития лежит по ту сторону границ познания, после пробуждения тех способностей, которые дремлют в каждом человеке, теперь находится всецело **внутри** области познания. — Правда, при этом нельзя упускать из виду одно обстоятельство. Могут сказать: что пользы говорить людям о вещах, для которых еще не пробуждены их познавательные силы и которые, следовательно, для них самих остаются закрытыми? Однако такое суждение неверно. Необходимы известные способности, чтобы **найти** те вещи, о которых здесь идет речь. Но когда их, после того, как они уже найдены, **сообщают**, то понять их может **каждый** человек, обладающий непредвзятой логикой и здоровым чувством истины. В этой книге не сообщается никаких иных вещей, кроме тех, которые на каждого человека, обладающего всесторонним, незатемненным никаким предрассудком мышлением и непринужденным, свободным чувствам истины, могут произвести впечатление, что при помощи них дается удовлетворительное объяснение загадок человеческой жизни и мировых явлений. Надо только стать на точку зрения вопроса: дает ли это удовлетворительное объяснение жизни, если истинно все то, что здесь утверждается? И мы увидим, что **жизнь** каждого человека дает подтверждение этому.

Для того, чтобы стать «учителем» в этих высших областях бытия, конечно, еще недостаточно, чтобы в человеке просто раскрылось чувство для них. Для этого нужно также «знание» их, как требуется знание и для учительства в области обыкновенной действительности. «Высшее зрение» не делает еще человека «знающим» в духовной области, как здоровые чувства еще не делают его «ученым» в чувственной действительности. И так как, на самом деле, **вся** действительность, низшая равно как и высшая духовная, составляет лишь две стороны одной и той же основной сущности, то невежественный в области низших познаний, по большей части, останется также невеждой

и в высших вещах. Отсюда в том, кто — по духовному призванию — чувствует себя призванным рассказать о духовных областях бытия, рождается чувство неизмеримой ответственности. Оно обязывает его к скромности и сдержанности. Но это никого не должно удерживать от занятий высшими истинами. Даже того, кому его жизнь не дает повода заниматься обычными науками. Ибо можно вполне исполнить свое назначение как человека, ничего не понимая в ботанике, зоологии, математике и иных науках; но невозможно быть «человеком» в полном смысле слова, не приблизившись как-нибудь к сущности и назначению человека, которые раскрываются через знания о сверхчувственном.

Высшее, к чему человек может обратить свой взор, он именует «божественным». И он должен свое высшее назначение мыслить в какой-либо связи с этим божественным. Поэтому и та, выходящая за пределы чувственного, мудрость, которая раскрывает ему его существо, и тем самым его назначение, может быть названа «божественной мудростью» или **Теософией**.

Исследования духовных событий в человеческой жизни и во вселенной можно обозначить, как **Духоведение** (Geisteswissenschaft). Если, в частности, выделить в Духовной науке те изыскания, которые относятся к духовному зерну человеческого существа, как это сделано в этой книге, то для обозначения этой области можно употребить выражение «Теософия», так как в течение столетий оно применялось именно в этом смысле.

Исходя из намеченного здесь образа мыслей, в этой книге дается очерк теософского мировоззрения. Написавший его не излагает ничего, что не являлось бы для него фактом в таком же смысле, как переживание внешнего мира является фактом для зрения, слуха и обыкновенного рассудка. Ведь здесь мы имеем дело с переживаниями, которые становятся доступными каждому, кто решится вступить на «путь познания», очерченный в особом отделе этой книги. В правильное отношение к вещам сверхчувственного мира становятся, когда предполагают, что здоровое мышление и восприятие в состоянии понять все, вытекающее из высших миров, как истинное познание, и что исходя из **этого** понимания и беря **его** за основание, тем самым делают важный шаг и на пути к своему собственному видению; хотя для достижения его нужно присоединить еще и нечто иное. Но, пренебрегая этим путем и желая проникнуть в высшие миры только иным способом, закрывают себе дверь к истинному высшему познанию. Положение, что можно признать высшие миры, лишь увидев их, является препятствием для самого этого видения. Желание же сначала здравым мышлением понять то, что потом можно будет видеть, способствует этому видению. Оно волшебным образом вызывает наружу могучие силы души, ведущие к такому «созерцанию видящего».

Существо человека

Следующие слова **Гете** прекрасно определяют исходную точку одного из путей, на котором может быть познано существо человека: «Как скоро человек замечает вокруг себя предметы, он их рассматривает в их отношениях к себе самому; и он прав, потому что вся его судьба зависит от того, нравятся ли они ему или нет, привлекают ли его или отталкивают, приносят ли ему пользу или вред. Этот вполне естественный способ смотреть на вещи и судить о них кажется столь же легким, как и необходимым; и все же человек подвержен при этом тысяче ошибок, которые часто смущают его и отравляют ему жизнь. — Гораздо более тяжелый труд берут на себя те, чье живое стремление к знанию побуждает наблюдать вещи в природе, каковы они сами по себе и в их взаимоотношениях; ибо они скоро утрачивают то мерило, которое помогало им, пока они как люди рассматривали вещи

то отношению к себе. Теперь им недостает мерил удовольствия и неудовольствия, притяжения и отталкивания, пользы и вреда; они должны совсем отказаться от него; как равнодушные и богоподобные существа, они должны искать, и исследовать то, что есть, а не то, что нравится. Так, настоящего ботаника не должна трогать ни красота, ни полезность растений; он должен исследовать их строение, их отношение к остальному растительному царству; и как все растения вызываются наружу и освещаются солнцем, так должен и он ровным, спокойным взглядом взирать на них и осматривать их все и мерило для этого познания, данные для суждения о них брать не из себя, а из круга наблюдаемых им вещей».

Эта высказанная Гете мысль обращает внимание человека на три области. Первая — это предметы, о которых к нему постоянно притекают вести через врата его чувств, предметы, которые он осязает, обоняет, пробует на вкус, слышит и видит. Вторая — это впечатления, которые на него производят эти предметы и которые сказываются, как его удовольствие и неудовольствие, желание или отвращение, в том, что одни вещи он находит привлекательными, другие — отвратительными, одни — полезными, другие — вредными. И третья — это познания, которые он как «богоподобное существо» получает о предметах; это — тайны действия и бытия этих предметов, которые раскрываются ему.

В человеческой жизни эти три области четко разделяются. И поэтому человек замечает, что он тройко связан с миром. — Первое есть нечто, что он застаёт, что он принимает, как данный факт. Благодаря второму он делает мир чем-то, что касается его самого, что имеет значение для него. Третье — это то, что он рассматривает как цель, к которой он должен неустанно стремиться.

Почему является человеку мир в этом тройком образе? Простое наблюдение может пояснить это. — Я иду по лугу, поросшему цветами. Цветы говорят мне о своих красках при помощи моего глаза. Это — факт, который я принимаю, как данное. — Я радуюсь великолепию красок. Этим я обращаю данный факт в нечто, касающееся меня самого. При помощи моих чувств я связываю цветы с моим собственным бытием. Через год я снова прохожу по этому же лугу. На нем растут другие цветы. Новая радость вырастает во мне при виде их. Моя радость прошлого года возникает вновь, как воспоминание. Она во мне; предмет, который зажег ее, отошел. Но цветы, которые я теперь вижу, того же рода, как и прошлогодние; они выросли по тем же самым законам. Если я постиг этот род, эти законы, то найду их вновь и в этих цветках, как я узнал их в прошлогодних. И, быть может, я подумаю так: цветы прошлого года отошли; моя радость о них осталась лишь в моем воспоминании. Она связана только с моим бытием, но то, что я узнал о цветах в прошлом году и опять узнаю и в этом году, это пребудет, пока растут такие цветы. Это есть нечто, открывшееся мне, но зависящее от моего бытия иначе, нежели моя радость. Мое чувство радости остается **во мне**; законы же, **сущность** цветов, остаются вне меня в мире.

Так человек постоянно связан тройким образом с вещами мира. Не будем пока ничего вкладывать в этот факт, воспримем его таким, каким он нам представляется. Из него следует, что у человека **в его существе** есть **три стороны**. Только это, а не что-либо иное, должно быть пока обозначено здесь тремя словами: **тело, душа** и **дух**. Тот, кто с этими тремя словами соединит какие-либо предвзятые мнения или даже гипотезы, неизбежно поймет превратно дальнейшее изложение. Под **телом** здесь подразумевается то, посредством чего для человека открываются предметы окружающего его мира, как луговые цветы в вышеприведенном примере. Слово **душа** указывает на то, посредством чего человек связывает вещи со своим собственным бытием, посредством чего ощущает он от них удовольствие и неудовольствие, приятное и неприятное, радость и боль. Под **духом** подразумевается то, что открывается в человеке, когда, по выражению Гете, он, как

«богоподобное существо», взирает на вещи. — В этом смысле человек состоит из **тела, души и духа**.

Посредством своего тела человек на мгновение может привести себя в связь с вещами. Благодаря своей душе он сохраняет в себе впечатления, производимые на него вещами; и через его дух открывается ему то, что сами вещи хранят в себе. Только рассматривая человека с этих трех сторон, возможно надеяться постичь его существо. Ибо эти три стороны являют его в тройном различном родстве с остальным миром.

Своим телом человек сродни вещам, которые представляются извне его чувствам. Вещества внешнего мира составляют это его тело, силы внешнего мира действуют также и в нем. И как рассматривает он предметы внешнего мира своими чувствами, так может он наблюдать и свое собственное телесное бытие. Но душевное бытие невозможно рассматривать тем же способом. Происходящие во мне физические процессы, могут также восприниматься телесными чувствами. Но мое удовольствие и неудовольствие, мою радость и боль, ни я, ни кто-либо другой не может воспринять телесными чувствами. Душевное — это область, недоступная телесному созерцанию. Телесное бытие человека открыто взглядам всех; душевное же бытие он несет в себе, как **свой собственный** мир. Через **дух** же человеку открывается внешний мир более высоким образом. Хотя внутри человека раскрываются тайны внешнего мира, но в духе он выступает из себя и предоставляет самим вещам говорить о самих себе, о том, что имеет значение не для него, а для них. Человек поднимает взор к звездному небу: восторг, переживаемый его душой, принадлежит ему; но те вечные законы звезд, которые он постигает в мысли, **в духе**, принадлежат не ему, а самим звездам.

Итак, человек гражданин **трех миров**. Своим **телом** он принадлежит к миру, который он также воспринимает своим телом; своей **душой** он строит себе свой собственный мир; через его **дух** перед ним раскрывается мир, который выше этих обоих миров.

Становится ясно, что, вследствие существенного различия между этими тремя мирами, возможно ясно понять их, а также долю участия, которую может иметь в них человек, только путем трех различных способов исследования.

I. ТЕЛЕСНОЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

При помощи телесных чувств мы познаем тело человека. И способ рассмотрения при этом не может быть иным, чем тот, при помощи которого познаются другие чувственно-воспринимаемые вещи. Как мы рассматриваем минералы, растения, животных, так же можно рассматривать и человека. Он сродни этим трем формам бытия. Подобно минералам, человек строит свое тело из веществ природы; подобно растениям, он растет и размножается; подобно животным, он воспринимает окружающие его предметы и, на основании впечатлений от них, слагает свои внутренние переживания. И поэтому человеку можно приписать бытие минеральное, растительное и животное.

Различие в строении минералов, растений и животных соответствует трем формам их бытия. Это строение — облик (Gestalt) — и есть то, что мы воспринимаем чувствами, и лишь это одно можно назвать телом (Leib). Но человеческое тело отлично от тела животного. Это отличие должен принять каждый, как бы в остальном не думал он о сродстве человека с животным. Даже крайний материалист, отрицающий все душевное, не может не подписаться под следующим положением, которое высказывает Карус в своем «Organon der Erkenntnis der Natur und des Geistes»: «Хотя для физиолога и анатома все еще

остаётся неразрешённой загадкой тончайшее внутреннее строение нервной системы и особенно мозга, но что эта концентрация образований все более и более возрастает в животном мире, и в человеке достигает такой степени, как ни в каком другом существе, это есть твердо установленный факт; это имеет величайшее значение для духовного развития человека, и мы даже можем сказать прямо, является, в сущности, уже достаточным его объяснением. И поэтому, там, где строение мозга недостаточно развито, где обнаруживается малый размер его и скудность, как у микроцефалов и идиотов, там, разумеется, не может быть и речи о возникновении оригинальных идей и о познании вообще — так же, как для человека с совершенно выродившимися и искалеченными органами воспроизведения не может быть речи о продолжении рода. Хотя одно лишь сильное и прекрасно развитое строение всего человека, и в особенности мозга, еще не заменяют гения, однако составляют, во всяком случае, первое необходимое условие для высшего познания»*.

Так же, как нужно было приписать человеческому телу три формы бытия, минеральную, растительную и животную, так нужно приписать ему и четвертую, особенную, **человеческую**. Через свою минеральную форму бытия человек сродни всему видимому; через растительную — всем существам, которые растут и размножаются; через животную — всем, которые воспринимают окружающий мир и на основании внешних впечатлений имеют внутренние переживания; через человеческую форму бытия — он уже и в телесном отношении образует свое особое царство.

II. ДУШЕВНОЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Как **самостоятельный** внутренний мир, душевное существо человека отличается от его телесности. Это самостоятельное обнаруживается сразу же, как только мы обратим внимание на простейшее чувственное ощущение. Никто не может сразу узнать, переживает ли другой человек то же самое простое ощущение совершенно так же, как он сам. Известно, что есть люди, страдающие цветовой слепотой. Они видят предметы лишь в различных оттенках серого цвета. У других бывает лишь частичная слепота к краскам, и потому они не могут воспринимать известных оттенков красок. Картина мира, которую им дают их глаза, иная, чем у так называемых нормальных людей. То же самое можно более или менее сказать и о других чувствах. Из этого непосредственно следует, что уже простое чувственное ощущение принадлежит внутреннему миру. Моими телесными чувствами я могу воспринимать красный стол, который воспринимается и другим человеком; но я не могу воспринимать того ощущения красного цвета, которое есть у другого. Сообразно с этим чувственные ощущения надо обозначить как нечто **душевное**. Если только мы вполне уясним себе этот факт, то мы скоро перестанем смотреть на внутренние переживания, как на исключительно мозговые процессы или нечто подобное. — К чувственному ощущению, прежде всего, примыкает **чувство** (Gefühl). Одно ощущение доставляет человеку удовольствие, другое — неудовольствие. Это — движения его внутренней, его душевной жизни. В своих чувствах человек присоединяет себе еще второй мир к тому, который воздействует на него извне. И еще нечто третье присоединяется к ним: воля. Посредством воли человек действует обратно на внешний мир. И этим он налагает на внешний мир отпечаток своего внутреннего существа. Душа человека в его волевых актах как бы изливается наружу. Поступки человека именно тем отличаются от событий внешней природы, что носят на себе отпечаток его внутренней жизни. Так **душа** противопоставляет себя внешнему миру, как нечто собственное (Eigene) человека. Из внешнего мира он

* Карл Густав Карус род. в 1789 г.; германский естествоиспытатель и врач, известен благодаря своим выдающимся работам по сравнительной анатомии, зоологии и физиологии, а также своими философскими сочинениями. — *Прим. ред.*

получает побуждения. Но в соответствии с этими побуждениями он строит свой **собственный** мир. Телесность становится основой душевного.

III. ДУХОВНОЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Душевное в человеке определяется не только телом. Человек не блуждает без направления и цели от одного чувственного впечатления к другому; также не действует он под влиянием любого раздражения, производимого на него извне, или через процессы его тела. Он **размышляет** о своих восприятиях и о своих поступках. Путем размышления о своих восприятиях он приобретает познание о вещах; посредством размышления о своих поступках он вносит в свою жизнь разумную связь. И он знает, что он как человек лишь тогда достойно исполняет свою задачу, когда руководствуется **верными мыслями**, как в своем познании, так и в действии. Таким образом, душевное стоит перед двоякой необходимостью. Оно определяется законами тела, в силу природной необходимости; и оно дает определять себя законами, приводящими его к верному мышлению, так как свободно признает их необходимость. Законом обмена веществ человек подчинен природой; законам мышления он подчиняется сам. — Через это человек становится членом более высокого порядка, чем тот, к которому он принадлежит благодаря своему телу. И этот порядок **духовный**. Насколько телесное отлично от душевного, настолько последнее, в свою очередь, отлично от духовного. Пока говорят только о частицах углерода, водорода, азота, кислорода, движущихся в теле, не имеют в виду души. Душевная жизнь начинается лишь там, где посреди этого движения появляется ощущение: я ощущаю сладкое или я чувствую удовольствие. Так же мало имеют в виду дух, пока смотрят лишь на душевные переживания, протекающие через человека, когда он вполне предается внешнему миру и своей телесной жизни. Это душевное скорее есть только основа для духовного, как телесное есть основа для душевного. — Естествоиспытатель имеет дело с телом, испытатель души (психолог) — с душой, а испытатель духа — с **духом**. К тому, кто путем мышления хочет уяснить себе существо человека, должно быть предъявлено требование, чтобы путем размышления о самом себе он уяснил различие между телом, душой и духом.

IV. ТЕЛО, ДУША И ДУХ

Человек может правильно понять самого себя, лишь когда он вполне уяснит себе значение **мышления** в своем собственном существе. Мозг есть телесное орудие мышления. Как человек с нормальными глазами может видеть цвета, так и соответственно построенный мозг служит ему для мышления. Все тело человека построено так, что в органе духа, в мозге, оно находит свой венец. Лишь тогда можно постичь строение человеческого мозга, если рассматривать его в отношении к его задаче. Задача эта состоит в том, чтобы быть телесной основой мыслящего Духа. На это указывает сравнительный обзор животного мира. У амфибий головной мозг еще мал по сравнению со спинным мозгом; у млекопитающих он сравнительно больше; у человека он наибольший по отношению ко всему остальному телу.

Против таких замечаний, касающихся **мышления**, какие высказываются здесь, господствует немало предрассудков. Некоторые люди склонны недостаточно ценить **мышление** и выше ставить «внутреннюю жизнь чувств», «ощущение». Говорят даже, что к высшим познаниям поднимаются не «трезвым мышлением», но теплотой чувства, непосредственную силою ощущений. Люди, которые так говорят, опасаются притупить чувство ясным мышлением. Это конечно так при обыденном мышлении, касающемся только области полезного. Но при тех мыслях, которые ведут в высшие области бытия, происходит обратное. Нет такого чувства и энтузиазма, которые своей теплотой, красотой и

возвышенностью могли бы сравниться с теми ощущениями, которые зажигаются чистыми, кристально ясными мыслями, относящимися к высшим мирам. Высшие чувства это совсем не те, которые являются «сами собой», но именно те, которые достигаются путем энергичной работы мысли.

Человеческое тело обладает строением, соответствующим **мышлению**. Те же вещества и силы, что находятся в минеральном царстве, можно найти в человеческом теле в таком сочетании, что через это сочетание может проявляться мышление. Это минеральное, образованное сообразно своей задаче строение, будет называться в последующем изложении **физическим** телам человека.

Это организованное с расчетом на мозг, как на свое средоточие, минеральное строение возникает путем **размножения** и получает свой законченный облик путем **роста**. Размножение и рост человек имеет общим с растениями и животными. Размножением и ростом живое отличается от безжизненного минерала. Живое происходит от живого через зародыш. Потомок примыкает к предкам в ряду живых. Силы, благодаря которым возникает минерал, натравлены на сами вещества, которые его составляют. Горный хрусталь образуется посредством сил, присущих кремнию и кислороду, сил, которые соединены в нем. Силы, образующие дуб, мы должны искать окольным путем, через зародыш, в материнском и отцовском растениях. И **форма** дуба сохраняется при размножении, от предков к потомкам. Существуют **внутренние**, присущие живому условия. — Было грубым воззрением на природу, когда думали, что низшие животные, даже рыбы, могут образовываться из тины. Форма живого воспроизводится путем **наследственности**. Как будет развиваться живое существо, это зависит от того, от каких отцовского и материнского существ оно возникло, или, иными словами, к какому **виду** оно принадлежит. Вещества, из которых оно состоит, сменяются постоянно; **вид** же остается в течение жизни и передается по наследству потомкам. Итак, **вид** есть то, что определяет сочетание веществ. Эта сила, образующая вид, должна быть названа **жизненной силой**. Как минеральные силы выражаются в кристаллах, так образующая жизненная сила выражается в видах или формах растительной и животной жизни.

Человек воспринимает минеральные силы благодаря телесным чувствам. И он может воспринимать лишь то, для чего у него есть такие чувства. Без глаз нет восприятия света, без уха нет восприятия звука. У низших организмов есть из всех имеющихся у человека чувств только род чувства осязания. Сравнительно с человеческим восприятием для них существуют лишь те минеральные силы, которые познаются осязанием. По мере того, как у высших животных развиваются другие чувства, для них окружающий мир, воспринимаемый также и человеком, становится разнообразнее, богаче. Таким образом, от органов самого существа зависит, будет ли и для него также существовать, как восприятие, как ощущение, то, что существует во внешнем мире, то, что в воздухе присутствует как некое движение, становится в человеке ощущением звука. — Проявление жизненной силы человек не воспринимает обыкновенными чувствами. Он **видит** краски растений, он **обоняет** их аромат; жизненная сила остается сокрытой для **такого** наблюдения. Но как слепорожденный не имеет права отрицать краски, так обыкновенные чувства не вправе отрицать жизненную силу. Краски начнут существовать для слепорожденного, как только он будет оперирован; точно также начнут существовать для человека, как восприятие, не только **индивидуумы**, но созданные жизненной силой разнообразные **виды** растений и животных, лишь только в нем раскроется орган для этого восприятия. — Совершенно новый мир встает перед человеком с раскрытием этого органа. Теперь он уже воспринимает не только цвета, запахи и т. д. живых существ, но саму жизнь **этих живых существ**. В каждом растении, в каждом животном он ощущает, кроме физического облика, еще его **духовный, исполненный жизни облик** (Geistgestalt). Чтобы как-нибудь

обозначить его, назовем этот духовный облик **эфирным телом** или **жизненным телом** (Ätherleib oder Lebensleib) *. Для исследователя духовной жизни это представляется следующим образом. Для него эфирное тело не есть только произведение веществ и сил физического тела, но самостоятельная, действительная сущность, которая лишь и вызывает к жизни названные физические вещества и силы. Когда говорят, что простое физическое тело — как например кристалл — получает свой облик (Gestalt) благодаря физическим формообразующим силам, присущим безжизненному, то выражаются в духе Духовной науки; живое тело получает свою форму **не** через **эти** силы, ибо в то мгновение, когда жизнь удалась из него, и оно предоставлено только физическим силам, оно распадается. Жизненное тело есть сущность, благодаря которой в каждое мгновение в течение жизни физическое тело охраняется от распада. — Для того чтобы **увидеть** это жизненное тело, чтобы воспринять его у другого существа, необходимо иметь пробужденное **духовное око**. Без этого можно принять его существование в силу логических оснований. Но его можно **увидеть** духовным оком точно так же, как видят цвет физическим глазом. — Не надо смущаться выражением «эфирное тело». «Эфир» обозначает здесь нечто иное, чем гипотетический эфир в физике. Пусть это будет принято просто, как обозначение для того, что здесь описывается. И как физическое тело человека в своем строении является отображением своей задачи, точно так же дело обстоит с эфирным телом человека. И его можно понять лишь тогда, когда рассматривают его по отношению к мыслящему духу. Своей приспособленностью к мыслящему духу эфирное тело человека отличается от эфирного тела растений и животных. — Подобно тому, как своим физическим телом человек принадлежит к минеральному миру, так своим эфирным телом он принадлежит к миру жизни. После смерти физическое тело растворяется в минеральном мире, тело эфирное — в мире жизни. «Телом» надо обозначить то, что придает существу какую-либо «форму», «облик». Не надо смешивать выражение «тело» с чувственной телесной формой. В этом смысле обозначение «тело» может быть употреблено также и для того, что принимает известный облик, будучи душевным и духовным.

Жизненное тело есть еще нечто внешнее для человека. С первым пробуждением ощущения само внутреннее отвечает на раздражения внешнего мира. Можно проследить как угодно далеко то, что по праву называется внешним миром: ощущения мы не сможем найти. — Лучи света проникают в глаз, они распространяются внутри него вплоть до сетчатой оболочки. Там они вызывают химические процессы (в так называемом глазном пурпуре); действие этих раздражений продолжается через зрительный нерв вплоть до мозга; там

* Автор этой книги, много позже после ее написания, то, что здесь названо эфирным, или жизненным телом, именовал также «телом образующих сил» (сравн. журнал «Das Reich», книга 4-я год 1-ый). Он чувствовал, что такое наименование вынужденно, полагая, что иначе будет недостаточно ясно устранено недоразумение — путаница между подразумеваемым здесь эфирным телом и «жизненной силой» старого естествознания. Там, где, в смысле современного естествознания, речь идет об отказе от этого старого представления о жизненной силе, там автор стоит, в известном смысле, на точке зрения противников подобной силы, так как ею хотели объяснить особенный образ действия в организме неорганических сил. Но то, что в организме действует неорганически, то действует в нем иначе, чем в области неорганического мира. Законы неорганической природы и в организме те же, что в кристалле и т. д. Но в организме существует нечто, что не есть неорганическое: образующая жизнь. В ее основе лежит эфирное тело или «тело образующих сил». Принятие этого эфирного тела не противоречит истинной задаче естествознания: то, что оно наблюдает относительно действия сил в неорганической природе, проследить также и в мире организмов. Отклонить же мышление, представляющее себе эту деятельность измененной в пределах организма посредством особой жизненной силы, это считает правильным и истинная Духовная наука. Духовный исследователь говорит об эфирном теле постольку, поскольку в организме открывается еще нечто иное, нежели в безжизненном. — Несмотря на все это автор этой книги не видит необходимости заменять здесь наименование «эфирное тело» наименованием — «тело образующих сил», так как, в пределах всей данной здесь связи, для каждого желающего видеть, недоразумение исключено. Оно может возникнуть лишь в том случае, если применить это наименование в таком контексте, который этой связи показать не может. (Сравн. сказанное здесь с тем, что говорится в конце книги в «отдельных примечаниях и дополнениях»).

возникают дальнейшие физические процессы. Если бы можно было наблюдать их, то мы увидели бы такие же физические процессы, как и повсюду во внешнем мире. Если я могу наблюдать жизненное тело, то я восприму, что физический процесс в мозгу есть одновременно и жизненный процесс. Но ощущения голубого цвета, которое есть у того, кто воспринимает световые лучи, я этим путем нигде не смогу найти. Оно возникает лишь в душе самого воспринимающего. Таким образом, если бы существо, получающее свет, исчерпываюсь физическим телом и телом эфирным, то не могло бы существовать ощущения. Та деятельность, посредством которой происходит ощущение, весьма существенно отличается от действия жизненной образующей силы. Этой деятельностью из действия жизненной силы; вызывается внутреннее переживание. Без этой деятельности имел бы место лишь жизненный процесс, как он и наблюдается у растений. Представим себе человека, как со всех сторон он получает впечатления. Нужно мыслить его в то же время как источник означенной деятельности, направленной всюду, откуда он получает эти впечатления. Во все стороны на эти впечатления отвечают ощущения. Пусть этот источник деятельности будет назван **душой ощущающей** (Empfindungsseele). Эта душа ощущающая так же реальна, как физическое тело. Когда передо мной стоит человек, и я оставляю в стороне его душу ощущающую, представляя его себе только как физическое тело, то это как раз то же самое, как если бы в картине я представлял себе только одно полотно.

Относительно восприятия души ощущающей должно быть сказано нечто подобное тому, что и относительно эфирного тела. Телесные органы «слепы» к ней. Слеп к ней также и орган, которым может восприниматься жизнь, как таковая. Но как через этот орган созерцается эфирное тело, так внутренний мир ощущений через еще более высокий орган может стать особым видом сверхчувственных восприятий. Человек тогда ощущает не только впечатления физического и жизненного мира, но он созерцает ощущения. Перед человеком с таким органом мир ощущений другого существа лежит как внешняя действительность. Нужно делать различие между переживанием своего собственного мира ощущений и созерцанием мира ощущений другого существа. В свой собственный мир ощущений может заглянуть, конечно, каждый человек; мир ощущений другого существа может **созерцать** только **видящий** с раскрытым «духовным оком». Не будучи видящим, человек знает мир ощущений лишь как **«внутренний»**, лишь как собственные сокровенные переживания своей души; при раскрытом «духовном оке» перед внешним духовным взором вспыхивает то, что иначе живет лишь «во внутреннем» другого существа.

Чтобы предупредить недоразумения, надо ясно сказать, что видящий едва ли переживает в себе то же самое, что имеет в себе другое существо как содержание своего мира ощущений. **Это существо** переживает ощущения с точки зрения своего внутреннего; **видящий** же воспринимает откровение, проявление мира ощущений.

Душа ощущающая в своих действиях зависит от эфирного тела. Ибо ведь из него она черпает то, чему она должна дать вспыхнуть, как ощущению. И так как эфирное тело есть жизнь внутри физического тела, то и душа ощущающая также зависит косвенно от него. Только при условии правильно функционирующего, хорошо развитого глаза возможны соответствующие ощущения красок. Через это телесность влияет на душу ощущающую. Таким образом, в своей деятельности она определена и ограничена телом. Она живет в границах, поставленных ей телесностью. — Итак, **тело** строится из минеральных веществ, оживляется эфирным телом, и само оно ограничивает душу ощущающую. Следовательно тот, у кого есть вышеупомянутый орган для «созерцания» души ощущающей тот познает ее ограниченной телом. — Но граница души ощущающей не совпадает с границей

физического тела. Душа эта несколько выступает над физическим телом. Из этого видно, что она оказывается более мощной, чем физическое тело. Но сила, посредством которой поставлены ей границы, исходит от физического тела. Тем самым между физическим телом и эфирным с одной стороны, и душой ощущающей с другой стороны, вставляется еще один особый член человеческого существа. Это есть **душевное тело** (Seelenleib) или тело ощущений. Можно также сказать: одна часть эфирного тела тоньше, чем остальное, и эта более тонкая часть эфирного тела образует единство с **душой ощущающей**, между тем как более грубая часть образует род единства с физическим телом. Но как уже сказано, душа ощущающая выдается над душевным телом.

То, что здесь называется ощущением, есть лишь часть душевного существа. (Выражение «душа ощущающая» выбрано здесь для большей простоты). К ощущениям примыкают чувства удовольствия и неудовольствия, влечения, инстинкты, страсти. Все это носит тот же характер личной жизни, как и ощущения, и, подобно им, зависит от телесности.

Так же, как с телом, душа ощущающая находится во взаимодействии и с мышлением, с духом. Прежде всего, ей служит мышление. Человек составляет себе мысли о своих ощущениях. Благодаря этому проясняется внешний мир. Ребенок, который обжегся, размышляет и приходит к мысли: «огонь жжется». И своим влечениям, инстинктам и страстям человек не следует слепо; его размышление дает ему возможность удовлетворить их. То, что называется материальной культурой, движется всецело в этом направлении. Она состоит из тех услуг, которые мышление оказывает душе ощущающей. Неизмеримое количество мыслительных сил направлено на эти цели. Эта сила мысли построила корабли, железные дороги, телеграфы, телефоны; и все это в большинстве случаев служит для удовлетворения потребностей души ощущающей. Подобно тому, как жизненная образующая сила пронизывает физическое тело, так сила мысли пронизывает душу ощущающую. Жизненная образующая сила связывает физическое тело с его предками и потомками и этим вводит его в закономерность, которая не касается исключительно минерального. Также и мыслительная сила вводит душу в закономерность, к которой она не принадлежит, как душа ощущающая. Через душу ощущающую человек сродни животному. И у животных мы замечаем присутствие ощущений, влечений, инстинктов и страстей. Но животное следует им непосредственно. У него они не переплетаются с самостоятельными, переходящими за пределы непосредственных переживаний **мыслями**. То же самое, до известной степени, происходит и у неразвитого человека. И потому, собственно душа ощущающая отличается от более высоко развитого члена души, которому служит мышление. Эту душу, пользующуюся услугами мышления, обозначим как **душу рассудочную** (Verstandesseele). Ее можно было бы также назвать душой характера или характером (Gemütsseele).

Душа рассудочная пронизывает душу ощущающую. Тот, кто имеет орган для «созерцания» души, видит поэтому душу рассудочную, как сущность, отдельную от собственно души ощущающей.

Благодаря мышлению человек выводится за пределы своей личной жизни. Он приобретает нечто, что выступает за грани его души. Для него является само собой разумеющимся убеждением, что законы мышления стоят в согласии с мировым порядком. Он чувствует себя в мире как дома потому, что существует это согласие. Это согласие есть одни из

важных фактов, посредством которых человек учится познавать свое собственное существо. В своей душе человек ищет истину, и через эту истину высказывается не только душа, но высказываются вещи мира. То, что через мышление познано как истина, имеет **самостоятельное значение**, имеющее отношение к вещам мира, а не только к собственной душе. Мой восторг перед звездным небом я переживаю в себе; мысли, которые я составил себе о путях небесных тел, имеют для мышления всякого другого человека то же значение, что и для моего. Было бы нелепо говорить о **моем** восторге, если бы я сам не существовал; но совсем не столь же нелепо говорить о моих мыслях, даже **без** всякого **отношения** ко мне. Потому что истина, которую я мыслю сегодня, была истиной и вчера, и будет **истиной** завтра, хотя я занят ею лишь сегодня. Если какое-либо познание дает мне радость, то эта радость имеет значение до тех пор, пока она живет во мне; **истина** познания имеет свое значение совершенно независимо от этой радости. Овладевая истиной, душа соединяется с чем-то, что несет свою ценность в самом себе. И эта ценность не исчезает вместе с душевным ощущением так же, как не с ним она и возникла. То, что действительно есть истина, то не возникает и не исчезает; оно имеет значение, которое не может быть уничтожено. — Этому не противоречит то, что отдельные человеческие «истины» имеют лишь преходящую ценность, так как они в известное время познаются как частичные или полные заблуждения. Ибо человек должен сказать себе, что ведь истина существует в себе самой, тогда как его мысли являются лишь преходящими формами проявления вечных истин. И тот, кто — как Лессинг — говорит, что он довольствуется вечным стремлением к истине, так как полная, чистая истина может существовать лишь для Бога, тот не отвергает вечной ценности истины; напротив, подобными словами он подтверждает ее. Потому что лишь то, что в самом себе имеет вечное значение, может вызвать к себе вечное стремление. Если бы истина не была самостоятельной сама в себе, если бы она получала свою ценность и свое значение через человеческое душевное ощущение, тогда она не могла бы быть **единой** целью для всех людей. Стремясь к ней, мы этим признаем ее как **самостоятельное существо**.

И как обстоит дело с истиной, так же обстоит оно и с **истинным добром**. Нравственно-доброе независимо от склонностей и страстей, поскольку оно не позволяет им управлять собой, а само повелевает ими. Удовольствие и неудовольствие, желание и отвращение принадлежат собственной душе человека; долг стоит выше удовольствия и неудовольствия. Человек может так высоко поставить для себя долг, что жертвует для него жизнью. И тем выше стоит человек, чем больше он облагородил свои склонности, свое удовольствие и не удовольствие, так что они без принуждения, без порабощения, сами следуют признанному долгу. Нравственно-доброе имеет так же, как истина, свою ценность вечности в себе и не получает ее через душу ощущающую.

Позволяя ожить внутри себя независимой истине и добру, человек поднимается выше простой души ощущающей. Ее начинает пронизывать светом вечный дух. В ней восходит свет, который не преходящ. Поскольку душа живет в этом свете, она причастна вечному. Она соединяет свое собственное бытие с вечным бытием. То, что несет в себе душа, как истину и добро, то в ней **бессмертно**. — То, что в душе вспыхивает, как вечное мы назовем здесь **душой сознательной** (Bewusstseinsseele). — О **сознании** можно говорить также и при низших душевных движениях. Самое обыденное ощущение уже есть предмет сознания. Постольку сознание есть и у животного. Под **душой сознательной** мы подразумеваем здесь ядро человеческого сознания, т. е. **душу в душе**. Душа сознательная, как особый член души, отличается здесь от души рассудочной. Эта последняя все еще запутана в ощущениях, порывах, аффектах и т. д. Каждый человек знает, что ему, прежде всего кажется **истинным** то, что он предпочитает из своих ощущений, и т. п. Но лишь **та** истина **пребывающая**, которая освободилась от **всякого** привкуса таких симпатий и антипатий, ощущений и т. д. Истина остается истиной, хотя бы все личные чувства

восстали против нее. Та часть души, в которой живет **эта** истина, должна быть названа душой сознательной.

Таким образом, как в теле, так и в душе надо различать три члена: **душу ощущающую, душу рассудочную и душу сознательную**. И подобно тому, как на душу снизу вверх телесность действует **ограничивающим**, так сверху вниз духовность действует на нее **расширяющим** образом. Ибо чем больше наполняется душа истиной и добром, тем дольше и полнее проникает ее вечное. — Для того, кто может «созерцать» душу, сияние, которое исходит от человека, ибо его вечное распространяется, есть нечто столь же действительное, как действителен для чувственного глаза свет, излучающийся от пламени. Для «видящего» телесный человек есть лишь одна часть **всего человека**. Тело, как самое грубое образование, находится в ряду прочих образований, которые взаимно проникают его и друг друга. Как жизнеформой, физическое тело наполняется телом эфирным; со всех сторон, выступая за его пределы, видно тело душевное (астральный облик). И опять-таки, выступая над ним, видна душа ощущающая, затем душа рассудочная, которая становится тем больше, чем более она воспринимает в себя истину и добро. Ибо истина и добро способствуют расширению души рассудочной. Душа рассудочная человека, живущего исключительно своими склонностями, своими удовольствиями и неудовольствиями, вполне совпала бы с границами его души ощущающей. Эти образования, среди которых человеческое тело является как бы в облаке, можно назвать **человеческой аурой**. Она есть то, чем обогащается «Существо человека», если увидеть его в том смысле, в каком хочет дать представление о нем эта книга.

Во время детского развития в жизни человека наступает момент, когда он впервые чувствует себя как самостоятельное существо по отношению ко всему остальному миру. Для людей, чувствующих тонко, это является значительным переживанием. Писатель **Жан Поль** рассказывает в своем жизнеописании: «Никогда я не забуду то, еще никому из людей не рассказанное мною событие, когда я присутствовал при рождении своего самосознания; я помню даже время и место. Однажды утром, будучи еще совсем ребенком, стоял я у двери дома и смотрел влево на сложенные дрова, как вдруг — внутреннее зрение: я есть Я, как бы луч молнии с неба упало на меня и с тех пор осталось сияющее; тут впервые мое Я увидело само себя и навеки. Едва ли здесь мыслимо предположение обмана памяти, так как никакие чужие рассказы не могли, добавляя, примешаться к происшедшему лишь в сокровенном святая святых человека событию, единственно новизна которого дала сохраниться столь повседневным побочным обстоятельствам». — Известно, что маленькие дети говорят о себе: «Карл хороший», «Мария хочет этого». Они говорят о себе, как о посторонних лицах, потому что они еще не осознали в себе самостоятельное существо, потому что в них еще не родилось сознание самого себя. Путем самосознания человек определяет себя, как самостоятельное, от всего другого отдельное существо, как «Я». В Я человек собирает воедино все то, что он переживает, как телесное и душевное существо. Тело и душа суть носители «Я»; оно действует в них. Как физическое тело имеет свой центр в мозге, так душа имеет свой центр в «Я». К ощущениям человек побуждается извне; чувства проявляются, как воздействие внешнего мира; воля касается внешнего мира, т. к. она осуществляется во внешних действиях. «Я», как истинная сущность человека, остается совершенно невидимым. Поэтому Жан Поль очень удачно называет это сознание своего «Я» «событием, совершившимся лишь в сокровенном святая святых человека». Потому что со своим «Я» человек совсем наедине. — И это «Я» и есть сам человек. Это дает ему право смотреть на это «Я», как на свою истинную сущность. Поэтому он может называть свое тело и свою душу «оболочками» (Hüllen), внутри которых он живет; и он может называть их телесными условиями (Bedingungen), через которые он действует. По мере своего развития

он научается все более и более пользоваться этими орудиями, как слугами своего «Я», как оно, например, употребляется в немецком языке, есть имя, которое отличается от всех других имен. Тот, кто надлежащим образом вдумается в природу этого имени, для того вместе с тем откроется **и** доступ к познанию человеческого существа в более глубоком смысле. Всякое другое имя каждый человек может применить одинаково к соответствующему предмету. Например, стол каждый может назвать «столом», стул — «стулом». С именем «Я» дело обстоит иначе. Никто не может применить его для обозначения другого человека; каждый может лишь себя самого назвать «Я». Имя «Я» никогда не может проникнуть к моему уху извне, если оно означает **меня самого**. Только изнутри, только через **саму себя** может душа определить себя, как «Я». Значит, когда человек говорит себе «Я», в нем начинает говорить нечто, что не имеет ничего общего ни с одним из миров, из которых взяты вышеупомянутые «оболочки». «Я» становится все более и более властелином тела и души. — И это тоже находит выражение в ауре. Чем больше «Я» становится властелином тела и души, тем расчлененнее, разнообразнее, богаче красками аура. Это влияние Я на ауру может воспринимать «видящий». Само «Я» невидимо также и ему; оно поистине заключено в «сокровенном святой святых человека». — Но Я вбирает в себя лучи света, который вспыхивает в человеке как вечный свет. Как человек соединяет в «Я» переживания тела и души, так же дает он влиться в «Я» и мыслям истины и добра. Чувственные явления раскрываются для «Я» с одной стороны, **дух** — с другой стороны. Тело и душа отдаются «Я», чтобы служить ему; а «Я», в свою очередь, отдается духу для того, чтобы он наполнил его. «Я» живет в теле и душе; дух же живет в «Я». И то, что есть в Я от духа, то вечно. Потому что Я получает суть и значение от того, с чем оно связано. Поскольку оно живет в физическом теле, оно подчинено минеральным законам; благодаря эфирному телу — законам воспроизведения и роста; благодаря душе ощущающей и душе рассудочной — законам мира душевного; поскольку оно воспринимает в себя духовное, оно подчинено законам духа. То, что образуется путем минеральных законов и законов жизни, то возникает и погибает; дух же не имеет ничего общего с возникновением и уничтожением.

«Я» живет в душе. Хотя высшее проявление «Я» и принадлежит душе сознательной, все же надо сказать что «Я», излучаясь оттуда, заполняет всю душу и через душу воздействует на тело. И в Я дух полон жизни. Дух излучается в Я и живет в нем, как в своей «оболочке» подобно тому, как Я живет в теле и душе, как в своих «оболочках». Дух образует Я изнутри наружу, минеральный мир — извне вовнутрь. Этот образующий «Я» и живущий как «Я» дух пусть будет назван «Самодухом» (Geistselbst), так как он проявляется как «Я» или «Сам» в человеке. Различие между Самодухом и душой сознательной можно уяснить себе следующим образом. Душа сознательная **соприкасается** с независимой от всякой симпатии и антипатии, существующей самой в себе истиной, Самодух является носителем **той же самой** истины, но только воспринятой и замкнутой через посредство «Я», через него индивидуализированной и воспринятой в самостоятельное существо человека. Благодаря тому, что вечная истина становится, таким образом, самостоятельной и связанной с «Я» в единое существо, само «Я» достигает вечности.

Самодух есть откровение духовного мира внутри Я, подобно тому, как, с другой стороны, чувственное ощущение есть откровение физического мира внутри Я. В том, что является красным, зеленым, светлым, темным, мягким, твердым, холодным, теплым, мы узнаем откровения телесного мира; в том, что истина и добро — откровения духовного мира. В том же смысле, как откровение телесного называется **ощущением**, пусть откровение духовного называется **интуицией**. В самой простой мысли уже есть интуиция, т. к. ее нельзя осязать руками, увидеть глазами: надо принять ее откровение из духа, через Я. —

Когда человек неразвитый и человек развитый смотрят на растение, то в Я одного из них живет нечто совсем иное, чем в Я другого. А между тем ощущения обоих вызваны одним и тем же предметом. Разница в том, что один может образовать гораздо более совершенные мысли об этом предмете, нежели другой. Если бы вещи раскрывались только через одни ощущения, то не могло бы быть прогресса в духовном развитии. Природу чувствует и дикарь; законы природы открываются лишь оплодотворенной интуицией мысли более высоко развитого человека. Раздражения, исходящие от внешнего мира, ощущает и ребенок, как порывы воли; но законы (Gebot) нравственно-добраго раскрываются ему лишь по мере развития, когда он научается жить в духе и понимать его откровения.

Как без глаза не может быть красочных ощущений, так без высшего мышления Самодуха не может быть интуиции. И так же, как ощущение не создает растения, которое видимо в цвете, так и интуиция не создает то духовное, о котором она лишь подает весть.

Через интуицию Я человека, оживающее в душе, добывает себе вести свыше, из духовного мира так же, как через ощущения оно добывает себе вести из физического мира. И благодаря этому оно делает духовный мир собственной жизнью своей души, подобно тому, как благодаря чувствам — мир физический. Душа или вспыхнувшее в ней Я, раскрывает на обе стороны свои врата: в сторону телесного и в сторону духовного.

И как физический мир может давать о себе весть нашему Я лишь благодаря тому, что из своих веществ и сил он строит тело, в котором может обитать сознательная душа, и внутри которого она обладает органами, чтобы воспринимать телесное, которое вне его; так и духовный мир тоже, посредством своих духовных веществ и духовных сил, созидает в себе духовное тело, в котором может обитать Я, и воспринимать духовное через интуицию. (Понятно, что выражения **духовное вещество**, **духовное тело** по самому смыслу содержат в себе противоречие. Они употребляются лишь для того, чтобы навести мысль на то, что в духовном соответствует физическому телу человека).

И так же, как в пределах физического мира каждое отдельное человеческое тело строится как особое существо, так и духовное тело в пределах духовного мира. В духовном мире для человека точно так же существует внутреннее и внешнее, как в мире физическом. Подобно тому, как человек берет вещества из окружающего его физического мира и перерабатывает их в своем физическом теле, так же берет он духовное из окружающего его духовного мира и делает его своим. Духовное есть извечная пища человека. И как человек родился из физического мира, так же родился он и из духа, в силу вечных законов истины и добра. Он отделен от находящегося вне его духовного мира так же, как отделен он, как самостоятельное существо, от всего физического мира. Это самостоятельное духовное существо пусть называется «Духочеловеком» (Geistmensch).

Когда мы исследуем физическое тело человека, мы находим в нем те же вещества и силы, как и вне его в остальном физическом мире. То же самое и с Духочеловеком. В нем пульсируют элементы внешнего духовного мира, в нем действуют силы остального духовного мира. Как в физической коже замыкается в себе существо, которое живет и ощущает, так же и в духовном мире. Духовная кожа, которая отделяет Духочеловека от единого духовного мира, делает его внутри этого мира самостоятельным духовным существом, живущим в самом себе и интуитивно воспринимающим духовное содержание мира, — эта «духовная кожа» пусть будет называться **духо-оболочкой** (Geisteshulle) (аурической оболочкой). Нужно только твердо помнить, что эта «духовная кожа», по мере человеческого развития непрерывно вытягивается, так что духовная индивидуальность человека (его аурическая оболочка) обладает способностью неограниченного роста.

Внутри этой духо-оболочки **живет** Духочеловек. Последний строится духовной жизненной силой в том же смысле, как физическое тело строится физической жизненной силой. Подобным же образом, как мы говорим об эфирном теле, надо говорить об эфирном духе в отношении к Духочеловеку. Этот эфирный дух пусть будет назван **Жизнедухом** (Lebensgeist). Таким образом духовное существо человека расчленяется на три части: на **Духочеловека**, на **Жизнедух** и на **Самодух**.

Для «видящего» в духовных областях, это духовно существо человека, как высшая — собственно духовная — часть ауры, является воспринимаемой действительностью. Он «видит» внутри духо-оболочки Духочеловека, как Жизнедух; и «он видит», как этот Жизнедух постоянно растет, благодаря принятию духовной пищи из внешнего духовного мира. И далее он видит, как благодаря этому постоянно расширяется духо-оболочка, как Духочеловек становится все больше и больше. Поскольку это «возрастание» «видишь» пространственно, постольку, само собою разумеется, это лишь **образ** действительности. Тем не менее в представлении этого образа человеческая душа обращена на соответствующую духовную действительность. В этом и есть разница между духовным и физическим существом человека, что последнее имеет ограниченный размер, тогда как первое может расти безгранично. Ведь то, что воспринимается из духовной пищи, имеет цену вечного. Поэтому человеческая аура составляется из двух взаимно проникающих друг друга частей. Одной части дает окраску и форму физическое бытие человека, другой — духовное.

«Я» делит их таким образом, что физическое в своем своеобразии **отдается** и строит тело, которое дает ожить в себе душе; и Я, в свою очередь, отдает себя и дает ожить в себе духу, который со своей стороны проникает в душу и намечает для нее цель в духовном мире. Благодаря телу, душа замкнута в физическом; благодаря Духочеловеку у нее растут крылья для движения в духовном мире.

Если мы хотим понять всего человека, мы должны представить его себе состоящим из названных составных частей. Тело строится из веществ физического мира так, что это строение соответствует мыслящему Я. Оно пронизано жизненной силой и благодаря этому становится эфирным телом или жизненным телом. Как таковое, оно раскрывается наружу в органах чувств и становится телом душевным. Душа ощущающая проникает его и сливается с ним воедино. Душа ощущающая не только получает впечатления внешнего мира, как ощущения; у нее есть своя собственная жизнь, которая оплодотворяется мыслью с одной стороны так же, как с другой стороны — ощущениями. Так становится она душой рассудочной. Она достигает этого тем, что раскрывается вверх интуициям так же, как вниз ощущениям. Тем самым она становится душой сознательной. Это возможно для нее потому, что духовный мир образует в ней орган интуиции, как физическое тело образует в ней органы чувств. Подобно тому, как чувства, через душевное тело, передают ей ощущения, так и дух, через орган интуиции, передает ей интуиции. Благодаря этому Духочеловек связан воедино с душой сознательной так же, как физическое тело связано с душой ощущающей в теле душевном. Душа сознательная и Самодух образуют единство. В этом единстве **живет** Духочеловек как Жизнедух так же, как эфирное тело образует телесную жизненную основу для тела душевного. И как физическое тело замыкается в физической коже, так замкнут Духочеловек в духо-оболочке. Так весь человек расчленен следующим образом:

- А. Физическое тело.
- Б. Эфирное тело или жизненное тело.
- В. Душевное тело.
- Г. Душа ощущающая.
- Д. Душа рассудочная.
- Е. Душа сознательная.
- Ж. Самодух.
- З. Жизнедух.
- И. Духочеловек.

Душевное тело (В) и душа ощущающая (Г) в земном человеке сливаются воедино; также душа сознательная (Е) и Самодух (Ж). И таким образом мы имеем семь частей земного человека:

1. Физическое тело.
2. Эфирное или жизненное тело.
3. Ощущающее душевное тело.
4. Душа рассудочная.
5. Исполненная духом душа сознательная.
6. Жизнедух.
7. Духочеловек.

В душе вспыхивает «Я», получает импульс от духа и благодаря этому становится носителем Духочеловека. Тем самым человек принимает участие в жизни «трех миров» (физического, душевного и духовного). Физическим телом, эфирным телом и телом душевным он коренится в физическом мире, а Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком он расцветает в мир духовный. А **стебель**, пускающий с одной стороны корни, а с другой цветы, есть сама душа.

Можно в полном согласии с этим дать еще более простое деление человека. Хотя человеческое «Я» вспыхивает в душе сознательной, но оно все же пронизывает все душевное существо. Части этого душевного существа вообще не обособлены так резко, как члены тела; они проникают друг друга в более высоком смысле. Если тогда рассматривать душу рассудочную и душу сознательную как две совместные оболочки Я, а это последнее как их ядро, то тогда можно расчленить человека на физическое тело, жизненное тело, астральное тело и Я. Под выражением астральное тело здесь подразумеваются слитые вместе душевное тело и душа ощущающая. Это выражение мы встречаем в более старых сочинениях и здесь мы свободно можем применить его для обозначения всего того, что в человеческом существе лежит выше чувственно воспринимаемого. Хотя в известном отношении душа ощущающая и пронизана силами «Я», все же она столь тесно связана с душевным телом, что для обоих, если мыслить их соединенными, мы имеем право употребить одно и то же выражение. Когда же «Я» проникается Самодухом, то этот Самодух проявляется в том, что астральное тело перерабатывается воздействием душевного. В астральном теле прежде всего действуют человеческие стремления, вожеления, страсти, поскольку они ощущаются; и в нем действуют чувственные восприятия. Чувственные восприятия возникают через тело душевное, как тот член в человеке, который он получает от внешнего мира. Стремления, вожеления, страсти и т. п. возникают в душе ощущающей, поскольку она пронизана силами изнутри, прежде чем это внутреннее отдало себя Самодуху. Когда «Я» проникается Самодухом, то душа опять-таки пронизывает астральное тело этим Самодухом. Это выражается в том, что стремления, вожеления и страсти просветлены тем, что восприняло Я от духа. Тогда, насколько оно принимает участие в духовном мире, «Я» становится господином в мире стремлений,

вожделений и т. п. И по мере этого Самодух проявляется в астральном теле. И благодаря этому оно преобразуется. Тогда астральное тело само является в виде двучленного, частично не преобразованного, частично преобразованного существа. Поэтому Самодух, в его проявлении в человеке, мы можем обозначить, как измененное астральное тело. Подобное же происходит в человеке, когда он воспринимает в свое Я Жизнедух. Тогда преобразуется жизненное тело. Оно пронизывается Жизнедухом. Последний проявляется в том, что жизненное тело становится иным. Потому можно также сказать, что Жизнедух есть измененное жизненное тело. И когда Я воспринимает в себя Духочеловека, то этим оно получает могучую силу пронизать им физическое тело. Конечно то, что таким образом изменяется в физическом теле, не может быть воспринято физическими чувствами. В физическом теле стало Духочеловеком именно то, что было одухотворено. Для чувственного восприятия оно и теперь осталось чувственным; поскольку же это чувственное одухотворилось, оно должно быть воспринято духовной способностью познания. Внешним чувствам пронизанное духовным физическое является по-прежнему лишь чувственно. — На основании всего этого можно дать также и следующее деление человека:

1. Физическое тело.
2. Жизненное тело.
3. Астральное тело.
4. Я, как зерно души.
5. Самодух, как преображенное астральное тело.
6. Жизнедух, как преображенное жизненное тело.
7. Духочеловек, как преображенное физическое тело.

Перевоплощение духа и судьба

В середине между телом и духом живет душа. Впечатления, которые приходят к ней через тело, преходящи. Они остаются лишь до тех пор, пока тело открывает свои органы предметам внешнего мира. Мой глаз ощущает цвет розы лишь до тех пор, пока роза находится перед ним и пока сам он открыт. Необходимо присутствие предмета во внешнем мире так же, как и существование телесного органа, для того, чтобы могло возникнуть впечатление, ощущение или восприятие. — Но то, что я познал в духе, как **истину** о розе, то не исчезает вместе с настоящим. И в своей истине это совершенно не зависит от меня. Это было бы истиной, если бы даже мне никогда не приходилось видеть розы. То, что я познаю духом, коренится в том элементе душевной жизни, посредством которого душа связана с мировым содержанием, открывающимся в ней независимо от ее преходящих телесных основ. Суть не в том, будет ли открывающееся само во всем непреходящим, а в том, происходит ли это откровение для души так, что при этом играет роль не ее преходящая телесная основа, но то, что в ней независимо от этого преходящего. Непреходящее (Das Dauernde) **в душе** предстает наблюдению именно в тот момент, когда замечаешь, что имеются переживания, не ограниченные ее преходящим, Суть точно также не в том, осознаются ли эти переживания сперва через преходящие отправления телесной организации, но в том, что они содержат нечто, что, хотя и живет в душе, но в своей истинности не зависит от преходящего процесса восприятия. Между настоящим временем и вечностью (Dauer) стоит душа, держа середину между телом и духом. Но она является также **посредником** между настоящим временем и вечностью (Dauer). Она сохраняет настоящее для **воспоминания**. Этим она вырывает настоящее у преходящего и подымает его в вечность своего духовного. Она также запечатлевает вечное во временно-преходящем, когда она в своей жизни не отдается одним только мимолетным возбуждениям, но из самой себя определяет вещи, внедряет свое существо в действия,

совершаемые ею. При помощи воспоминания душа сохраняет вчерашний день; своими действиями она подготавливает себе завтрашний день.

Моя душа должна была бы постоянно снова воспринимать красный цвет розы, чтобы иметь его в сознании, если бы она не могла удержать его через воспоминание. То, что остается во внешнем впечатлении, что может быть удержано душой, то может независимо от внешнего впечатления снова стать **представлением**. Благодаря этому дару душа так претворяет внешний мир в свой собственный внутренний, что может потом посредством **памяти** удержать его — для воспоминания — и затем далее продолжать свою собственную жизнь с ним, независимо от приобретенных впечатлений. Таким образом душевная жизнь становится **длительным следствием** (dauernden Wirkung) преходящих впечатлений внешнего мира.

Но и действие получает длительность, раз оно запечатлелось во внешнем мире. Если я отрезаю ветку дерева, то благодаря моей душе произошло нечто, совершенно изменившее течение событий во внешнем мире. С этой ветвью на дереве произошло бы нечто совсем иное, если бы я не вмешался своим действием. Я вызвал к жизни ряд следствий, которых не было бы без меня. То, что я сделал **сегодня**, остается на **завтра**. Оно получает длительность благодаря **поступку**, подобно тому, как мои впечатления от вчерашнего дня получили длительность для моей души благодаря памяти.

В обыкновенном сознании для этой возникающей благодаря поступку длительности (Dauernwerden) не составляют себе представления такого же рода, как для «памяти», т. е. для возникающей длительности какого-либо переживания, появляющегося на основе восприятия. Но не связывается ли через свой поступок «Я» человека подобным же образом с происшедшей в мире переменной, как и с воспоминанием, возникающим из впечатления? «Я» судит о новых впечатлениях различно, смотря по тому, имеет ли оно или нет то или иное воспоминание. Но как «Я», оно вступило также и в иную связь с миром, смотря по тому, совершило оно или нет тот или иной поступок. Произвел ли я каким-нибудь поступком впечатление на другого человека или нет — от этого зависит, существует ли нечто в отношении мира к моему «Я» или нет. Я в своем отношении к миру уже иной после того, как я произвел на свое окружающее известное впечатление. Если то, что подразумевается здесь, не замечается в той же мере, как изменение «Я» через приобретение воспоминания, то это происходит исключительно оттого, что воспоминание тотчас же при своем образовании соединяется с душевной жизнью, которую человек постоянно и раньше ощущал как свою собственную; внешнее же действие поступка протекает отдельно от этой душевной жизни в последствиях, представляющих собою нечто иное, нежели то, что сохраняется от него в воспоминании. Несмотря на это, следовало бы признать, что после совершенного поступка в мире существует нечто, характер чему напечатлевает «Я». Если действительно продумать то, что здесь подлежит рассмотрению, то придешь к вопросу: не могло ли бы быть так, что последствия совершенного поступка, сущность которых напечатлело им «Я», получают тенденцию вновь подступить к «Я», как и сохранившееся в памяти впечатление опять оживает, если к тому представляется внешний повод? Сохраненное в памяти ждет такого повода. Не могло ли бы и это, сохранившееся с характером «Я» во внешнем мире, точно так же ждать, чтобы подобным же образом подступить **извне** к человеческой душе, как при данном поводе воспоминание подступает к ней изнутри? Здесь это поставлено лишь как вопрос, потому что, конечно, могло бы быть и так, что никогда не явилось бы повода к тому, чтобы последствия поступка, носящие характер «Я», настигли бы человеческую душу. Но что они, **как таковые**, существуют и что они своим существованием определяют отношение мира к «Я», это встает тотчас же, как возможное представление, если мысленно проследить то, что здесь изложено. В

последующих рассмотрениях будет исследовано — существует ли нечто в человеческой жизни, что, исходя из этого «возможного» представления, указывает на действительность.

Теперь прежде всего рассмотрим память. Каким образом создается она? Очевидно совсем иным путем, чем ощущение или восприятие. Без глаза я не могу иметь ощущение «синего цвета». Но благодаря глазу я еще не имею воспоминания о «синем цвете». Чтобы мой глаз дал теперь это ощущение, для этого он должен встретиться с синим предметом. Телесность снова и снова отбрасывала бы в ничто все впечатления, если бы, одновременно с образующимся через акт восприятия **сиюминутным** (gegenwartige) представлением, не разыгрывалось бы в отношении между внешним миром и душой нечто, имеющее в человеке такого рода последствие, что он позже, благодаря процессам в **самом себе**, мог бы снова иметь представление о том что прежде вызвало представление **извне**. Кто приобрел опыт для душевного наблюдения, тот может найти, что совершенно неправильно выражение, исходящее из такого мнения: сегодня мы имеем представление, а завтра, благодаря памяти, **это** представление, побывав за это время где-то в человеке, появляется снова. Нет, это представление, которое я имею **теперь**, есть явление, которое вместе с «теперь» и исчезает. Когда появляется воспоминание, то во мне происходит процесс, который является последствием чего-то, что произошло **сверх** вызванного сиюминутного представления в отношении между внешним миром и мною. Вызванное воспоминанием представление есть новое, а не сохраненное старое. Воспоминание состоит в том, что можно **опять** представлять, а не в том, что представление может опять оживать. То, что **снова** появляется, есть нечто иное, чем само представление. (Это замечание здесь делается потому, что в духовно-научной области необходимо, чтобы об известных вещах составлялись **более точные** представления, чем в обыкновенной жизни и даже в обыкновенной науке). — Я вспоминаю, это значит: я переживаю нечто, чего уже больше нет. Я связываю прошедшее переживание с моей настоящей жизнью. Так бывает при каждом воспоминании. Предположим, я встречаю человека и вновь узнаю его, потому что я вчера встретился с ним. Он был бы для меня совершенно незнакомым, если бы тот образ, который я создал себе вчера путем восприятия, я не мог связать с моим сегодняшним впечатлением. Сегодняшний образ дает мне восприятие, т. е. моя чувственная организация (Sinnesorganisation). Но кто же словно каким-то колдовством заключил вчерашнее в мою душу? То же самое существо во мне, которое присутствовало вчера при моем переживании, присутствует опять при сегодняшнем переживании. В предыдущем оно было названо душой. Без этой верной хранильницы прошлого каждое внешнее впечатление было бы для человека всегда новым. Несомненно, что душа, как бы посредством оттиска, запечатлевает в теле событие, благодаря которому нечто становится воспоминанием; но именно душа должна сделать этот оттиск и затем воспринять этот свой собственный оттиск, как она воспринимает что-либо внешнее. Таким образом, она является хранильницей воспоминаний.

В качестве хранильницы прошлого, душа постоянно собирает сокровища для духа. То, что я могу отличить верное от неверного, зависит от того, что я, как человек, представляю собой мыслящее существо, которое в состоянии охватить истину в духе. Истина вечна; и она могла бы мне снова и снова открываться в вещах, даже если бы я постоянно терял из виду прошедшее, и каждое впечатление было бы для меня новым. Но дух, который во мне, не ограничивается только впечатлениями настоящего; душа охватывает своим кругозором и прошедшее. И чем больше она может прибавить к нему из прошлого, тем богаче делает она этот кругозор. Таким образом, душа передает дальше духу то, что она получила от тела. — Вследствие этого дух человека в каждый момент жизни содержит в себе двоякое. Во-первых, вечные законы истины и добра, и, во-вторых, воспоминание о переживаниях

прошедшего. Все, что человек делает, он совершает под влиянием обоих этих факторов. И если мы хотим понять человеческий дух, мы должны также знать о нем две вещи: во-первых, насколько раскрылось ему вечное, и во-вторых какие сокровища прошлого лежат в нем.

Эти сокровища отнюдь не остаются для духа в неизменном виде. Впечатления, которые человек приобретает из переживаний, понемногу исчезают из памяти. Но не плоды их. Мы не помним все переживания, через которые мы прошли в детстве, пока усваивали себе искусство чтения и письма. Но мы не могли бы ни читать, ни писать, если бы мы не прошли через эти переживания, и если бы их плоды не сохранились в нас в форме способностей. Это и есть то превращение, которое производит дух с сокровищами памяти. Он предоставляет то, что может вести к картинам отдельных переживаний, его судьбе, и берет из него лишь силу для возвышения (Erhöhung) своих способностей. Таким образом, несомненно, что ни одно переживание не проходит бесплодным; душа сохраняет его как воспоминание, а дух извлекает из него то, что может обогатить его способности, содержание его жизни. Человеческий дух **растет** благодаря переработанным переживаниям. — И поэтому, хотя и нельзя искать прошлые переживания в духе, как если бы они хранились в кладовой, но мы находим их **воздействия** в способностях, приобретенных человеком.

До сих пор мы рассматривали дух и душу лишь в тех границах, которые поставлены рождением смертью. Нельзя ограничиться этим. Кто ограничился бы лишь этим, походил бы на того, кто и человеческое тело захотел бы рассматривать лишь в тех же границах. Безусловно, в этих границах можно найти очень многое. Но никак нельзя объяснить **человеческий облик** (Gestalt) на основании того, что лежит между рождением и смертью. Этот человеческий облик не может строиться непосредственно из одних только физических веществ и сил. Он может происходить лишь от подобного ему облика, который получается на основе воспроизведения. Физические вещества и силы строят тело в течение жизни; силы воспроизведения дают возможность рождения от него другого тела, которое может иметь его облик; следовательно, такого, которое может быть носителем того же жизненного тела. — Каждое жизненное тело есть повторение своего предка. Только **потому**, что оно является таковым, оно принимает не любой облик, а тот, что передан ему по наследству. Те силы, которые сделали возможным мой человеческий облик, лежали в моих предках. Но и дух человека является в определенном облике (причем слово «облик», конечно, употребляется в духовном смысле). И облики духа бывают самые различные у отдельных людей. Нет двух людей с одинаковым духовным обликом. Надо лишь так же спокойно и точно наблюдать в этой области, как и в физической. Нельзя сказать, что различия людей в духовном отношении происходят только от различия окружающей их обстановки, их воспитания и т. д. Вовсе нет, ибо два человека развиваются при одинаковых влияниях среды, воспитания и т. д. совершенно различным образом. Поэтому необходимо признать, что они вступили на свой жизненный путь с совершенно различными задатками. — Здесь мы стоим перед важным фактом, бросающим свет на сущность человека, если только вполне признать его значение. Кто свое внимание хочет направлять лишь в сторону материально-происходящего, тот мог бы, конечно, сказать — индивидуальные различия человеческих личностей происходят от различий в свойстве физического зародыша. (И, принимая во внимание законы наследственности, найденные Гр. Менделем и далее разработанные другими, подобное воззрение может сказать многое, что даст ему также и перед научным суждением видимость правоты). Но судящий так обнаруживает лишь, что он не вник в действительное отношение человека к его переживанию. Так как надлежащее наблюдение показывает, что внешние обстоятельства действуют на различные личности

различным образом посредством чего-то, что не вступает **непосредственно** во взаимоотношение с материальным развитием. Для исследователя, действительно точного в этой области, обнаруживается, что происходящее из физических задатков можно отличить от того, что хотя и возникает через взаимоотношение человека с переживаниями, но может получать свой облик только благодаря тому, что сама **душа** устанавливает это взаимоотношение. Душа стоит тут ясно во взаимосвязи с чем-то во внешнем мире, что не может, **по своему существу**, иметь никакого отношения к физическим задаткам зародыша.

Своим физическим обликом люди отличаются от своих животных собратий на земле. Но в известных границах, по отношению к этому облику, они сходны между собой. Есть лишь один человеческий род. Как бы ни были велики различия рас, поколений, народов и личностей: в физическом отношении сходство между человеком и человеком больше, чем между человеком и какой-либо породой животных. Все, что запечатлено в человеческом роде, обуславливается наследственностью от предков к потомкам. И человеческий облик; связан с этой наследственностью. Как лев может унаследовать свой облик лишь от львиных предков, так и человек лишь от человеческих предков наследует свой физический облик.

Насколько очевидно физическое сходство между людьми, настолько для беспристрастного духовного взора обнаруживается различие их духовных обликов. — Существует один очевидный факт, посредством которого обнаруживается это. Это — наличие биографии человека. Если бы человек был просто существом, принадлежащим к известному роду, не могло бы быть биографии. Лев, голубь возбуждают интерес лишь поскольку они принадлежат к львиной и голубиной породе. Мы поймем каждого из них в отдельности во всем существенном, если мы опишем породу. Почти безразлично, имеем ли мы тут дело с отцом, сыном или внуком. То, что нас в них интересует, одинаково общим имеют и отец, и сын, и внук. Значение же человека начинается лишь там, где он является не только существом известного рода или вида, но отдельным существом. Я еще вовсе не понял существа господина Шульце из Крэвинкеля, если я описал его сына или его отца. Я должен узнать его собственную биографию. Тот, кто подумает над сущностью биографии, тот заметит, что в духовном отношении **каждый человек сам по себе есть отдельный род**. — Тот, кто понимает биографию лишь как чисто внешний перечень событий жизни, тот конечно может утверждать, что он совершенно в том же смысле мог бы написать собачью биографию, как и человеческую. Но тот, кто в биографии изображает истинную, самобытную природу человека, тот понимает, что он имеет в ней нечто, соответствующее описанию целого вида в животном царстве. Дело не в том, что — как это само собой разумеется — о животном, — особенно об умном, — можно рассказать нечто подобное биографии, дело в том, что человеческая биография соответствует не этой биографии отдельного животного, но описанию животного вида. Конечно, всегда найдутся люди, которые сказанное здесь захотят опровергнуть, утверждая, что, например, владельцы зверинцев знают, как индивидуально отличаются друг от друга отдельные животные одной и той же породы. Но кто судит подобным образом, тот показывает лишь, что он не в состоянии отличать индивидуального различия от различия, приобретенного исключительно индивидуальностью.

Как вид или род в физическом смысле нам понятны лишь тогда, когда мы их понимаем, как обусловленные наследственностью, точно так же и духовное существо может быть понято лишь путем подобной же **духовной наследственности**. Мой физический человеческий облик я имею вследствие моего происхождения от человеческих предков. Откуда же у меня явилось то, что выражается в моей биографии? Как физический человек я повторяю облик моих предков. Но что же я повторяю, как духовный человек? Тот, кто будет утверждать, что никакого дальнейшего разъяснения не требуется для того, что заключено в моей

биографии, что все это должно просто принять, тот мог бы с таким же правом утверждать, что он где-то видел земляной пригорок, на котором комки земли сами собой складывались, образуя живого человека.

Как физический человек, я происхожу от других физических людей, потому что я имею тот же облик, как и весь человеческий род. Таким образом, свойства рода могли быть приобретены в пределах рода путем наследственности. Как духовный человек, я обладаю своим собственным обликом, так же как и своей собственной биографией. Следовательно, этот облик я не могу иметь ни от кого другого, кроме себя самого. И так как я вошел в мир не с неопределенными, а с определенными душевными задатками, и так как эти задатки определяют мой жизненный путь, как он отражается в моей биографии, то моя работа над самим собой не могла начаться лишь с моего рождения. Как духовный человек, я должен был существовать до моего рождения. В моих предках я очевидно не существовал раньше, потому что, как духовные люди, они отличны от меня. Моя биография не разъясняется их биографией. Как духовное существо, я скорее должен быть повторением такого существа, чья биографией уясняется моя. Другой **еще** допустимый случай был бы тот, что выработкой того, что составляет содержание моей биографии, я обязан **только** духовной жизни до рождения (или зачатия). Но такое представление было бы правильно только в том случае, если допустить, что то, что воздействует на человеческую душу из физического окружения, однородно с тем, что душа имеет лишь из духовного мира. Такое допущение противоречит действительно точному наблюдению. Ведь то, что из этого физического окружения является определяющим для человеческой души, таково, что оно действует, как нечто пережитое в физической жизни позднее на нечто, одинаковым образом пережитое ранее. Чтобы правильно наблюдать эти соотношения, нужно приобрести себе взгляд на существование в человеческой жизни воздействующих впечатлений, которые действуют на задатки души таким же образом, как стояние перед поступком, который должен быть совершен, по отношению к тому, что в физической жизни ты уже совершил; но только такие впечатления встречаются не с тем, что уже выработано в этой непосредственной жизни, а с душевными задатками, столь же восприимчивыми, как и способности, приобретенные упражнением. Кто вникает в эти вещи, тот приходит к представлению о земных жизнях, которые должны были предшествовать данной. Он не сможет в своем мышлении остановиться на чисто духовных переживаниях до **этой** земной жизни. — Физический облик, который носил Шиллер, он унаследовал от своих предков. Но так же как этот физический облик не мог вырасти из земли, так не могла этого и духовная сущность Шиллера. Он должен быть повторением другого духовного существа, биография которого объясняет его биографию так же, как физический облик Шиллера объясняется человеческим воспроизведением. — Итак, подобно тому, как физический облик человека есть постоянное повторение, перевоплощение родовой человеческой сущности, так и духовный человек должен быть перевоплощением **этого же самого** духовного человека. Потому что в качестве духовного человека каждый составляет свой особый род.

Против вышесказанного можно возразить, что это чистейшие измышления ума, и можно потребовать здесь внешних доказательств, к которым привыкло обычное естествознание. Но на это нужно сказать, что перевоплощение духовного человека есть процесс, не принадлежащий к области физических фактов, но происходящий всецело в духовной области. И к этой области не имеет доступа ни одна из наших **обыкновенных** духовных сил, кроме **мышления**. Тот, кто не хочет доверять силе мышления, тот не сможет уяснить себе высшие духовные факты. — Для того, чьи духовные очи открылись, вышеуказанный ход мысли действует с точно такой же силой, как действует какое-нибудь явление, происходящее перед его физическими глазами. Кто признает за так называемыми «доказательствами», построенными по методу обыкновенного естественно-научного познания, больше силы и убедительности, чем за вышеприведенными доводами о значении

биографии, тот может быть крупным ученым в обычном значении этого слова, но от путей истинно духовного исследования он очень далек.

Одним из самых сомнительных предрассудков является тот, когда духовные свойства человека стараются объяснить наследованием от отца или матери, или иных предков. Если, к примеру, кто-нибудь придерживается предрассудка, что Гете унаследовал от матери и отца то, что является его главной сутью, то с таким человеком вряд ли что поделаешь доводами, ибо в нем лежит глубокая антипатия к беспристрастному наблюдению. Материалистический гипноз мешает ему увидеть соотношения явлений в их настоящем свете.

В подобных разъяснениях даны предпосылки, позволяющие проследить человеческое существо за пределами рождения и смерти. В границах, определенных рождением и смертью, человек принадлежит к трем мирам — телесному, душевному и духовному. Душа образует посредствующий член (*Mittelglied*) между телом и духом, пронизывая третий член тела, душевное тело, способностью к ощущениям, и проникая первый член Духа, Самодух, как душа сознательная. Поэтому в течение жизни душа сопричастна как телу, так и духу. Эта сопричастность выражается во всем ее бытии. От организации душевного тела будет зависеть, как сможет развернуть душа ощущающая свои качества. И с другой стороны, от жизни души сознательной будет зависеть, насколько сможет развиваться в ней Самодух. Чем лучше строение душевного тела, тем совершеннее становится взаимодействие души ощущающей с внешним миром. И тем богаче и сильнее становится Самодух, чем больше пищи доставляет ему душа сознательная. Мы уже указали на то, что в течение жизни через переработанные переживания и через плоды этих переживаний Самодух **получает эту** пищу. Ибо указанное взаимодействие между душой и духом, конечно, может быть лишь там, где душа и дух заключены друг в друге, проникнуты друг другом, значит в пределах объединения «Самодуха с душой сознательной».

Прежде всего, рассмотрим взаимодействие душевного тела и души ощущающей. Правда, душевное тело, как выяснилось, есть тончайшее преобразование телесности, но все же оно принадлежит к телесности и зависит от нее. Тело физическое, тело эфирное и тело душевное в известном отношении образуют одно целое. Поэтому и душевное тело подчинено законам физической наследственности, через которую тело получает свой облик. И так как оно есть наиболее подвижное, как бы самая преходящая форма телесности, то оно и обнаруживает самые подвижные и преходящие явления наследственности. Поэтому, в то время, как физическое тело менее всего разнится в расах, народах, поколениях, а в эфирном теле, хотя оно и являет собой большие отклонения для отдельных людей, все же преобладает несомненное сходство — это различие очень велико в отношении тела душевного. В нем выражается то, что мы уже ощущаем как **внешнюю, личную** особенность человека. Поэтому, оно есть также носитель того, что из этих личных особенностей наследуется потомками от родителей, дедов и т. д. Правда, душа, как таковая, как это уже разъяснялось, ведет собственную, вполне обособленную жизнь; она замыкается в себе самой, со своими склонностями и отвращениями, со своими чувствами и страстями. Но все же она действует, как целое, и поэтому это целое выражается и в душе ощущающей. И так как душа ощущающая проникает душевное тело, как бы наполняет его, то оно строится сообразно природе души, и таким образом, как носитель наследственности, оно может передавать склонности, страсти и т. д. от предков к потомкам. На этом факте основано то, что говорит Гете: «От отца у меня осанка, строгий строй жизни: от матери веселость нрава и охота к сочинительству». Но, конечно, его гениальность не от них. Таким образом, нам выясняется, что именно из своих душевных свойств может передать человек по линии физической наследственности. — Вещества и силы физического тела, как таковые, находятся также и во всем круге внешней физической природы. Они постоянно

берутся из нее и снова возвращаются ей. В течение нескольких лет совершенно обновляется состав вещества, образующего наше физическое тело. Что этот состав вещества принимает форму человеческого тела и что он внутри этого тела постоянно обновляется, это зависит от того, что он сдерживается телом эфирным. И форма эфирного тела определяется не только событиями между рождением — или зачатием — и смертью, но она находится в зависимости от законов наследственности, переходящих за грани рождения и смерти. То обстоятельство, что путем наследственности могут передаваться также и душевные свойства, т. е. что при своем продолжении физическая наследственность получает душевный вклад, это имеет свою основу в том, что душевное тело может находиться под влиянием души ощущающей.

Каким же образом складывается взаимодействие между душой и духом? В течение жизни дух связан с душой вышеуказанным образом. Душа получает от духа дар жить в истине и добре и этим приводит к выражению сам дух в своей собственной жизни, в своих склонностях, стремлениях и страстях. Самодух приносит для «Я» из мира духа вечные законы истины и добра. Эти законы через душу сознательную связываются с переживаниями собственной душевной жизни. Сами эти переживания преходящи. Но плоды их остаются. И то, что Самодух был связан с ними, налагает на него неизгладимый отпечаток. Когда человеческий дух подходит к такому переживанию, которое сходно с другим, с которым он уже однажды был связан, то он видит в этом переживании нечто, уже знакомое, и относится к нему иначе, чем если бы он встретился с ним впервые. Ведь на этом основано всякое обучение. И плоды ми обучения являются приобретенные способности. — Таким образом, в вечный дух запечатлеваются плоды преходящей жизни. — И разве мы не воспринимаем эти плоды? На чем основаны задатки, которые изложены выше, как отличительные черты духовного человека? Чем являются они, как не способностями к тому или иному, которые приносит с собой человек, когда он начинает свой земной путь. В известных отношениях эти способности вполне подобны тем, которые мы можем усвоить себе также и в течение жизни. Возьмем гений человека. О Моцарте известно, что он ребенком мог записать по памяти всего раз услышанное им длинное музыкальное произведение. Он был к этому способен лишь потому, что был в состоянии сразу окинуть взором все произведение целиком. И в течение жизни человек в известных пределах расширяет способность все охватывать взором, улавливать связи, так что тем самым он приобретает новые способности. Ведь говорит же о себе Лессинг, что благодаря своему дару критического наблюдения он приобрел себе нечто близкое к гениальности. Если такие способности, основанные на известных задатках, мы не хотим принимать за чудеса, то мы должны их считать плодами переживаний, которые имел Самодух через душу. Они запечатлелись в Самодухе. И так как это случилось не в этой жизни, то значит в какой-либо прежней. Человеческий дух есть свой собственный особый род. И подобно тому, как человек, как физическое существо известного рода, наследует свои свойства в пределах этого рода, так же и **дух** — в пределах **своего** рода, т. е. в пределах себя самого. **В жизни человеческий Дух является повторением самого себя, с плодами своих прежних переживаний в прошлых жизнях.** Таким образом, эта жизнь есть повторение других, и приносит с собой то, что Самодух выработал для себя в прошлой жизни. Когда Самодух принимает в себя нечто, что может стать плодом, то он проникается Жизнедухом. Подобно тому, как жизненное тело из вида в вид повторяет форму, так же точно Жизнедух переносит душу от одного личного бытия в другое.

Благодаря предыдущим рассмотрением, представление, ищущее в повторяющихся земных жизнях основу для известных жизненных процессов в человеке, подымается в область достоверности. Свое полное значение представление это может получить, конечно, только через наблюдение, вытекающее из тех духовных прозрений, которые могут быть добыты благодаря вступлению на путь познания, описанный в конце этой книги. Здесь надлежало

лишь показать, что обыкновенное наблюдение, правильно ориентированное мышлением, уже ведет к этому представлению. Подобное наблюдение даст, конечно, сначала лишь очертание представления. И оно не сможет вполне сберечь представление от возражений неточного, правильно не руководимого мышлением, наблюдения. Но, с другой стороны, верно, что тот, кто приобретает такое представление путем простого разумного наблюдения, тот готовится к сверхчувственному наблюдению. Он как бы вырабатывает нечто, что необходимо иметь **прежде** этого сверхчувственного наблюдения, как необходимо иметь глаза прежде чувственного наблюдения. Тот, кто возражает, что, образуя подобное представление, можно внушить самому себе это сверхчувственное наблюдение, то он только доказывает, что не в состоянии свободным мышлением подойти к действительности и что как раз **благодаря** этому он сам внушает себе свои возражения.

Таким образом, душевные переживания получают длительность не только в границах рождения и смерти, но и сохраняются после смерти. Но не только в духе, который вспыхивает в ней, запечатлевает душа свои переживания, а, как это было указано выше, также и во внешнем мире путем **поступка**. То, что совершил человек вчера, еще существует сегодня в своем следствии. Образ такой связи между причиной и следствием дает в этом отношении аналогия сна и смерти. — Нередко сон именуется младшим братом смерти. Я встаю утром. Ночь прервала мою текущую деятельность. При обыкновенных условиях для меня невозможно утром приняться за свою деятельность каким мне вздумается способом. Чтобы в моей жизни царил порядок и связность, я должен связать ее с моей вчерашней деятельностью. Мои дела вчерашнего дня обуславливают собой те, которые мне предстоят сегодня. Тем, что я сделал вчера, я создал свою судьбу на сегодня. На время я отделился от своей деятельности; но эта деятельность принадлежит мне, и она снова влечет меня к себе после того, как я на время отделился от нее. Мое прошлое остается связанным со мной; оно продолжает жить в моем настоящем и последует за мной в мое будущее. Не **проснуться** сегодня утром должен был бы я, а быть заново сотворенным из ничего, если бы последствия моих вчерашних дел не являлись моей судьбой на сегодня. Ведь было бы нелепо, если бы при нормальных условиях жизни я не поселился в доме, который я построил для себя.

Так же как человек не творится утром заново, так и человеческий дух не создается вновь при начале своего земного жизненного пути. Попытаемся объяснить себе, что происходит при вступлении на этот жизненный путь. Возникает физическое тело, которое получает свой облик благодаря законам наследственности. Это тело становится носителем духа, который повторяет прежнюю жизнь в новом образе. Между обоими находится душа, ведущая замкнутую в себе, свою собственную жизнь. Ее склонности и антипатии, ее желания и вожделения служат ей; она ставит мышление себе на службу. Как душа ощущающая, она воспринимает впечатления внешнего мира; и она передает их духу, чтобы он извлек из них плоды для вечности (Dauer). Она как бы играет роль посредника, и ее задача исполнена, если она удовлетворяет этой роли. Тело формирует ей впечатления; она преобразует их в ощущения, сохраняет их в памяти как представления и передает их духу, чтобы он пронес их через вечность (Dauer). Собственно говоря, душа есть то, чем человек принадлежит своей земной жизни. Своим телом он принадлежит к физическому человеческому роду. Посредством него он является **членом** этого рода. Своим духом он живет в высшем мире. Душа временно связывает вместе оба эти мира.

Но физический мир, куда вступает человеческий дух, не является для него чуждой областью. В ней запечатлены следы его деятельности. Из этой области нечто уже принадлежит ему. Оно несет на себе отпечаток его существа. Оно родственно ему. Как

некогда душа передала ему впечатления внешнего мира, чтобы они пребывали в нем, так же точно, как его орган, она претворила полученные ею от него способности в поступки, которые также длительны в своих следствиях. Через это душа действительно влилась в эти поступки. В следствиях своих поступков душа человека продолжает жить второй самостоятельной жизнью. А это может дать повод к исследованию жизни в отношении того, каким образом в эту жизнь вступают процессы судьбы. Что-нибудь «постигает» человека. Вначале он склонен рассматривать это «постигшее», как вступающее в его жизнь «случайно». Однако он может заметить, что он сам есть результат подобных «случайностей». Кто рассматривает себя на сороковом году своей жизни и не хочет в вопросе о своем душевном существе ограничиться бессодержательным абстрактным представлением «Я», тот вправе себе сказать: я — ничто иное, как то, чем я стал благодаря тому, что до сегодняшнего дня «постигало» меня, как судьба. Разве не стал бы я иным, если бы, например, в двадцать лет, вместо постигших меня переживаний, я имел бы определенный ряд других? И он будет тогда искать свое «Я» не только в своих импульсах развития, исходящих «изнутри», но в том, что «извне» вторгается в его жизнь, давая ей облик. В том, что «с ним случается», он будет познавать свое собственное Я. Если отдался такому познанию непредвзято, то необходим лишь один дальнейший шаг действительно интимного наблюдения жизни для того, чтобы в том, что притекает к человеку через известные переживания судьбы, увидеть нечто, что так захватывает Я извне, как воспоминание действует изнутри, чтобы дать вновь ожить прошедшему переживанию. Так можно сделать себя способным воспринимать в переживаниях судьбы то, каким образом прежний поступок души находит путь к Я, подобно тому, как в воспоминании прежнее переживание находит путь к представлению, если к этому есть внешний повод. Как о «возможном» представлении было выше сказано, что **последствия поступка** могут снова встретиться с человеческой душой. В пределах отдельной земной жизни для известных последствий поступка **подобная** встреча невозможна потому, что эта земная жизнь была предрасположена к выполнению поступка. В этом-то выполнении и лежит переживание. Тогда известному **последствию** поступка так же невозможно встретиться с душой, как невозможно вспоминать о переживании, в котором еще пребываешь. В этом отношении речь может идти лишь о переживании таких последствий поступка, которые настигают «Я» с иными уже задатками, а не с теми, что присущи ему в этой земной жизни, в которой оно совершает поступок. Взгляд может обращаться лишь на последствия поступка из других земных жизней. Как только ощутишь, что то, что казалось бы «настигает» нас как судьба, также связано с Я, как и то, что образуется «изнутри» этого самого Я — так становится единственно возможной мысль, что в таком переживании судьбы имеешь дело с последствиями поступка из прежних земных жизней. Мы видим, что интимное, руководимое мышлением, понимание жизни приводит к парадоксальному для обычного сознания предположению, что переживания судьбы одной земной жизни находятся в связи с поступками предшествующих земных жизней. Всю свою полноту представление это может получить опять таки лишь через сверхчувственное познание. Без него оно остается силуэтом. Но, будучи приобретено из обычного со знания, это представление опять таки подготавливает душу к тому, чтобы она смогла созерцать его истину в подлинном сверхчувственном наблюдении.

Во внешнем мире находится лишь одна часть моего поступка; другая часть — во мне самом. Это соотношение между «Я» и поступком можно пояснить простым сравнением из естествознания. Животные, которые некогда пришли в пещеры Кентукки зрячими, утратили свою способность видеть из-за жизни в этих пещерах. Пребывание в темноте лишило глаза деятельности. Благодаря этому в этих глазах более не происходит та физическая и химическая деятельность, которая совершается во время зрения. Поток питания, который раньше шел на эту деятельность, теперь притекает к другим органам. Теперь эти животные могут жить лишь в этих пещерах. Своим поступком, своим переселением они создали

условия своей дальнейшей жизни. Это переселение сделалось частью их судьбы. Существо, которое некогда было деятельным, связало себя с последствиями своих поступков. Так и с человеческим духом. Душа могла передать ему известные способности лишь благодаря тому, что она была деятельна. И эти способности соответствуют поступкам. Благодаря совершенному душой поступку, в ней живет проникнутый силой задаток к возможности другого поступка, являющегося плодом предыдущего. Пока последний не совершится, душа несет в себе это как необходимость. Можно сказать также, благодаря поступку в душу заложена необходимость совершить последствия этого поступка.

Своими поступками человеческий дух действительно подготовил свою судьбу. В своей новой жизни он связан тем, что он творил в прошлой. — Можно, конечно, спросить: как возможно это, ведь при своем новом воплощении человеческий дух переносится в совсем иной мир, чем тот, который он однажды покинул? Такой вопрос указывает на очень поверхностное понимание сцеплений судьбы. Если свое поле действия я перенесу из Европы в Америку, я тоже окажусь в совершенно новой обстановке. И все же, моя жизнь в Америке будет вполне зависеть от моей предшествующей жизни в Европе. Если в Европе я был механиком, то моя жизнь в Америке устроится совсем иначе, чем если бы я служил в банке чиновником. В одном случае, в Америке я по всей вероятности буду иметь дело с машинами, в другом случае — с банковскими делами. Во всяком случае, моя предыдущая жизнь определяет окружающую обстановку; она как бы притягивает к себе из всего окружающего мира те вещи, которые родственны ей. То же самое и с Самодухом. В своей новой жизни он необходимо окружает себя тем, с чем он сроднился в прошедших жизнях. — И потому сон вполне подходящий образ смерти, что во время сна человек отрывается от поля действий, на котором ждет его судьба. Пока человек спит, события на этом поле действий текут дальше. Некоторое время человек не имеет никакого влияния на это течение. Все же жизнь каждого нового дня зависит от последствий дел прежних дней. Наша личность действительно каждое утро воплощается вновь в мире наших действий. То, что в течение ночи было отдельно от нас, днем снова находится вокруг нас. — То же и с делами прежних воплощений человека. Они связаны с ним как его судьба, так же, как жизнь в темных пещерах остается уделом животных, которые, благодаря своему переселению в эти пещеры, потеряли способность зрения. Как эти животные могут жить лишь в той среде, в которую они сами вступили, так и человеческий дух **может** жить лишь в той обстановке, которую он сам создал себе своими делами. То, что утром я вновь нахожу то же самое положение, которое я сам создал себе накануне, — об этом позаботилось непосредственное течение событий. То, что при своем новом воплощении я нахожу вокруг себя мир, соответствующий результатам моих действий в прошлой жизни, — об этом позаботилось сродство моего вновь воплощенного духа с вещами окружающего его мира. Отсюда можно себе составить представление, каким образом вчленена **душа** в существо человека. Физическое тело подчинено законам наследственности. Человеческий же дух должен все вновь и вновь воплощаться; и его закон состоит в том, что он переносит плоды прежних жизней в последующие. Душа живет в настоящем. Но эта жизнь в настоящем не независима от предыдущих жизней. Ведь воплощающийся дух приносит с собой свою судьбу из своих прежних воплощений. И эта судьба определяет жизнь. Какие впечатления сможет иметь душа, какие ее желания смогут быть удовлетворены, какие радости и печали выпадут на ее долю, с какими людьми она встретится — все это зависит от того, каковы были поступки в предшествующих воплощениях духа. Людей, с которыми душа была связана в одной жизни, она должна будет снова найти в одной из последующих, потому что совершенные между ними поступки должны иметь свои последствия. Как эта душа, так должны будут в одно время с нею стараться снова воплотиться и те, которые с нею связаны. Таким образом, жизнь души есть следствие судьбы, созданной самим же человеческим духом. Трояко обусловлено течение жизни человека в пределах между рождением и смертью. И трояким образом зависит оно благодаря этому от факторов,

которые лежат **по ту сторону** рождения и смерти. Тело подлежит закону **наследственности**; душа подлежит судьбе, созданной ею самой. Эту, самим человеком созданную судьбу, согласно древнему выражению, называют его **кармой**. Дух же подлежит закону перевоплощения, закону повторяющихся земных жизней. — В соответствии с этим соотношение между духом, душой и телом еще выразить так: дух непреходящ; смерть и рождение, согласно законам физического мира, господствуют над телесностью; душевная жизнь, подчиненная судьбе, является посредником между обоими в течение земной жизни. — Всем дальнейшим познаниям о существе человека должно предшествовать знакомство с «тремя мирами», к которым он принадлежит. Об этом мы будем говорить дальше.

Мышление, которое противопоставляет себя явлениям жизни и не боится проследить до конца цепь умозаключений живого размышления, может путем простой логики придти к представлению о повторяющихся земных жизнях и к закону судьбы. Насколько верно то, что перед видящим, обладающим открытым «духовным оком», прошедшие жизни лежат как раскрытая книга, как переживание, столь же верно, что эта истина может воссиять для познающего разума.*

Три мира

I. МИР ДУШ

Рассмотрение человека показало, что он принадлежит к трем мирам. Из мира физической телесности берутся те вещества и силы, которые строят его тело. Он познает этот мир через восприятия своих внешних физических чувств. Тот, кто доверяет **лишь этим** чувствам и развивает в себе только их способности восприятия, тот не может достичь понимания двух других миров, **душевного и духовного**. — Может ли человек убедиться в действительности какой-либо вещи или существа, зависит от того, есть ли у него для этого орган восприятия, чувство. — Легко, конечно, может выйти недоразумение, если называть, как в данном случае, высшие органы восприятия духовными **чувствами** (geistige Sinne). Ибо когда говорят о «**чувствах**», то невольно с этим связывают мысль о «физическом». Ведь именно физический мир называется также «чувственным», — в противоположность «духовному». Чтобы избежать недоразумения, надо иметь в виду, что здесь о «высших чувствах» говорится лишь в переносном смысле, для сравнения. Как физические чувства воспринимают физическое, так душевные и духовные — душевное и духовное. Выражение «чувство» употребляется только в значении «органа восприятия». Человек не мог бы иметь понятия о свете и цвете, если бы у него не было глаза, воспринимающего свет; он ничего не знал бы о звуках, если бы у него не было уха, воспринимающего звуки. В этом отношении вполне прав немецкий философ Лотце: «Без воспринимающего свет глаза и без воспринимающего звук уха весь мир был бы темным и немым. В нем также невозможен был бы свет или звук, как невозможна зубная боль без ощущающего боль зубного нерва». — Для того, чтобы правильно понять то, что здесь сказано, стоит лишь представить себе, насколько иначе, чем для человека, должен про являться мир для низших существ, у которых имеется лишь нечто вроде чувства осязания или ощущения, распространенного по всей поверхности их тела. Свет, цвет и звук для них во всяком случае не могут существовать в том же смысле как для существ, одаренных глазами и ушами. Колебания воздуха, вызванные ружейным выстрелом, могут и на них оказывать воздействие, если они достигают их. Для того, чтобы эти колебания воздуха открылись душе как выстрел, для этого необходимо ухо. И чтобы известные явления в тонком веществе, именуемом эфиром, проявились как свет и цвет, для этого необходим глаз. — Человек знает о каком-нибудь

* Сравните с этим сказанное в «отдельных примечаниях и дополнениях» в конце книги.

существо или вещи лишь потому, что через один из своих органов он ощущает их **воздействие**. Это отношение человека к миру действительного превосходно выразил Гете в следующем изречении: «Собственно говоря, мы напрасно стараемся выразить сущность какой-нибудь вещи. Мы воспринимаем **воздействия**, и полная история этих воздействий могла бы, пожалуй, обнять собой сущность этой вещи. Мы тщетно пытаемся описать характер человека: напротив, сопоставим его поступки, его действия, и перед нами выступит картина его характера. Цвета суть Деяния света, деяния и страдания. ... Хотя свет и цвет и стоят в ближайшем соотношении друг с другом, но мы должны мыслить обоих как принадлежащих всей природе; потому что это целиком она, которая тем самым хочет особенно раскрыться чувству глаза. Так же точно раскрывается природа какому-либо другому чувству ... Так говорит природа, нисходя к **иным чувствам**, к известным, **непризнанным, неизвестным чувствам**; так говорит она сама с собой и с нами, через тысячи явлений. **Для внимательного глаза она нигде не мертва и не нема**». Было бы неверно, если бы это изречение Гете мы захотели понять таким образом, что познаваемость **сущности** вещей благодаря этому становится спорной. Гете вовсе не говорит, что можно воспринимать лишь воздействие, а самая сущность вещи скрывается за ним. Скорее он думает, что о подобной сокровенной «сущности» совсем не следует говорить. Сущность не скрывается за своим проявлением; наоборот, именно в этом проявлении она и раскрывается. Но эта сущность часто столь **богата**, что может открываться еще и в иных обликах, иным чувствам. **То, что** раскрывается, принадлежит к сущности, — только, вследствие ограниченности чувств, — это не есть **вся** сущность. Это воззрение Гете вполне отвечает также подразумеваемому здесь духовно-научному воззрению.

Подобно тому, как в теле развиваются глаз и ухо как органы восприятия, как органы чувств для телесных явлений, так же может человек развить в себе душевные и духовные органы восприятия, через которые ему раскроется мир души и духа. Для того, кто не обладает такими высшими чувствами, эти миры «темны и немы», так же, как для существа без глаза и уха «темен и нем» телесный мир. Конечно, отношение человека к этим высшим чувствам несколько иное, чем к телесным. О том, чтобы эти последние вполне развились в нем, об этом заботится обыкновенно сама благодетельная мать-природа. Они образуются без его содействия. Над развитием своих высших чувств он должен работать сам. Он должен, если он хочет воспринять мир души и мир духа, развить душу и дух, так же, как природа развила его тело, чтобы он мог воспринимать окружающий его телесный мир и ориентироваться в нем. Подобное развитие высших органов, которых еще не развила сама природа, не неестественно; ибо **в высшем смысле**, все, что совершает человек тоже ведь принадлежит природе. Лишь тот, кто захотел бы утверждать, что человек должен пребывать на той степени развития, на которой оставила его рука природы, — лишь тот мог бы называть неестественным развитие высших чувств. Им «не признаны» эти органы и их значение в смысле вышеприведенного изречения Гете. Но такой человек должен был бы уже заодно противиться всякому воспитанию человека, так как и оно тоже ведь продолжает дело природы. И в особенности он должен был бы восставать против оперирования слепорожденных. Ибо почти то же самое, что происходит после операции со слепорожденным, бывает с тем, кто пробуждает в себе высшие чувства таким образом, как это будет изложено в последней части этой книги. Мир является ему с новыми свойствами, с явлениями и фактами, из которых физические чувства не раскрывали ему ничего. Ему ясно, что самовольно через эти высшие органы он ничего не прибавляет к действительности, но что без этих органов существенная часть этой действительности осталась бы для него **сокрытой**. Мир души и духа не суть нечто находящееся **рядом** или **вне** физического, они пространственно нераздельны с ним. Как для оперированного слепорожденного прежде темный мир сияет в свете и красках, так же и для духовно и душевно **пробужденного** вещи, которые прежде являлись ему лишь телесно, раскрывают свои душевные и духовные свойства. Конечно, этот мир пополняется еще явлениями и

существами, которые совершенно неизвестны тому, кто не пробужден душевно и духовно. — (Дальше, в этой книге будет точнее сказано о развитии душевных и духовных чувств. Пока здесь будет дано описание самих этих высших миров. Кто отрицает эти миры, тот говорит ничто иное, как то, что он еще не развил в себе высшие органы. Развитие человечества не замкнуто на какой-либо ступени; оно должно всегда идти вперед).

Часто невольно представляют себе «высшие органы» слишком подобными физическим. Но следовало бы уяснить себе, что в этих органах имеют дело с духовными или душевными образованиями. И поэтому нельзя и ожидать, чтобы то, что мы воспринимаем в высших мирах, было чем-то вроде туманно-утонченной вещественности. До тех пор, пока мы **ожидаем** нечто подобное, мы не сможем придти ни к какому ясному представлению о том, что собственно подразумевается здесь под «высшими мирами». Для многих людей было бы совсем не так трудно, как это есть в действительности, узнать кое-что об этих «высших мирах», — конечно, сначала самое элементарное — если бы они не представляли, что то, что они должны воспринимать, есть опять-таки нечто утонченно физическое. Так как они уже заранее предполагают нечто подобное, то в большинстве случаев они совсем и не хотят признавать того, о чем в действительности идет речь. Они считают это недействительным, не хотят принять это за нечто, что их может удовлетворить и т. д. Конечно, высшие ступени духовного развития трудно достижимы; но той, которая достаточна, чтобы познать сущность духовного мира — и это уже очень много — совсем не так трудно было бы достигнуть, если бы только сначала захотели освободиться от предрассудка, заключающегося в том, что душевное и духовное представляют себе опять-таки лишь как нечто более тонкое физическое.

Подобно тому, как мы не вполне знаем человека, если мы имеем представление только о его физической внешности, так не ведаем мы и окружающего нас мира, если мы знаем о нем лишь то, что открывают нам физические чувства. И как фотография становится для нас понятна и жива, когда мы настолько близко знакомимся с личностью, с которой снята фотография, что начинаем узнавать ее душу, так и телесный мир мы лишь тогда можем действительно понять, когда знакомимся с его душевной и духовной основами. Поэтому необходимо здесь сначала сказать о высших мирах, о душевном и духовном, и затем уже рассмотреть физический мир с духовно-научной точки зрения.

В современную культурную эпоху является в известном отношении много затруднений к тому, чтобы говорить о высших мирах. Ибо эта культурная эпоха сильна прежде всего в познании и господстве над телесным миром. Наши слова получили форму и значение главным образом по отношению к телесному миру. Но приходится пользоваться этими общепринятыми словами, чтобы была связь с известным. Благодаря этому тем, кто хочет доверять лишь своим внешним чувствам, широко открыт доступ недоразумениям. — Многое ведь пока может быть намечено и высказано лишь в сравнениях. Но это и должно быть так, ибо подобные сравнения являются средством, с помощью которого человек получает пока понятие об этих высших мирах и которое способствует его собственному восхождению туда. (Об этом восхождении будет сказано в одной из последующих глав, где будет указано на развитие душевных и духовных органов восприятия. Сначала человек должен ознакомиться с высшими мирами путем сравнений. А потом уже он может думать о том, чтобы самому получить доступ к ним).

Так же, как вещества и силы, которые составляют наш желудок, сердце, легкие, мозг и т. д., и управляют ими, происходят из телесного мира, так и наши душевные свойства, наши порывы, вожелания, чувства, страсти, желания, ощущения и т. д., происходят из мира душевного. Душа человека является членом в этом душевном мире так же, как его тело есть часть физического телесного мира. Если указывать на различие между телесным

миром и душевным, то можно сказать, что последний гораздо тоньше, подвижнее, пластичнее во всех своих предметах и существах, чем первый. Но нужно ясно понимать, что, входя в душевный мир, вступаешь в мир совершенно новый по сравнению с физическим. И поэтому, говоря о более грубом и более тонком в этом отношении, не надо терять из виду, что здесь для сравнения лишь **намекается** на то, что все же совершенно различно. Это же относится и ко всему, что, говорится о мире душ словами, заимствованными из мира физической телесности. Приняв в соображение все это, мы можем сказать, что образования и существа мира душ состоят точно так же из душевных веществ и точно так же управляются душевными силами, как это происходит в физическом мире, с физическими веществами и силами.

Как телесным образованиям свойственны протяженность и передвижение в пространстве, так душевным предметам и существам свойственна возбудимость, инстинктивное хотение. Поэтому мир душ называют также миром страстей или желаний, или же миром «стремлений». Эти выражения взяты из человеческого мира душ. Поэтому нужно твердо помнить, что предметы, находящиеся в тех частях мира душ, которые лежат вне человеческой души, настолько же отличаются от душевных сил в ней, насколько физические вещества и силы телесного внешнего мира отличны от частей, составляющих физическое человеческое тело. (Порывы, желания, стремления — это обозначения для вещественного в мире душ. Это вещественное назовем «астральным». Если обращается больше внимания на **силы** мира душ, тогда можно говорить о «существовании вождения». Но не должно забывать, что различие между «веществом» и «силой» здесь не может быть столь строгим, как в физическом мире. Порыв может быть назван одинаково и «силой» и «веществом»).

Кто впервые получает прозрение в душевный мир, на того смущающим образом действуют различия, проявляющиеся там по сравнению с физическим. Но ведь то же самое бывает и когда раскрывается какое-нибудь доселе бездействовавшее физическое чувство. Оперированный слепорожденный также должен сперва научиться ориентироваться в мире, который до сих пор был ему знаком через чувство осязания. Он видит, например, предметы сначала в своем глазу; затем он видит их вне себя, но сперва они представляются ему как бы нарисованными на плоскости. Лишь постепенно начинает он воспринимать глубину, пространственное расстояние между предметами и т. д. — В мире душ господствуют совсем иные законы, чем в физическом. Конечно, многие из душевных образований связаны с образованиями иных миров. Например, душа человека связана с физическим человеческим телом и с человеческим духом. Таким образом, те процессы, которые наблюдаются в ней, находятся в то же время и под влиянием телесного и духовного миров. Это надо принимать во внимание при наблюдении мира душ и нельзя считать душевными законами то, что происходит от воздействия другого мира. — Например, когда человек выражает желание, то оно поддерживает мыслью, представлением духа и следует его законам. Но совершенно так же, как можно определить законы физического мира, оставляя в стороне влияние, которое, например, имеет человек на ход явлений, так подобное же возможно и в отношении душевного мира.

Важным различием между душевными и физическими процессами оказывается то, что при первых — их взаимодействия являются гораздо более внутренними. В физическом пространстве царит, например, закон «удара». Если движущийся шарик из слоновой кости ударит другой, лежащий спокойно, то этот последний станет двигаться в направлении, которое может быть высчитано на основании движения и эластичности первого. В душевном пространстве взаимодействие двух встречающихся друг с другом образований зависит от их внутренних свойств. Если они родственны друг другу, они взаимно проникают друг в друга, как бы срастаются друг с другом. Если же эти существа враждебны

друг другу, они отталкиваются одно от другого. — В телесном пространстве существуют, например, определенные законы зрения. Отдаленные предметы мы видим в перспективном уменьшении. Если мы будем смотреть вдоль аллеи, то по законам перспективы кажется, что более отдаленные деревья находятся на меньшем расстоянии друг от друга чем ближайšie. В душевном же пространстве все, близкое и дальнее, представляется видящему в тех расстояниях, которые соответствуют их внутренней природе. Тем самым, естественно, дан источник всевозможных заблуждений для того, кто, вступая в душевное пространство, хочет там следовать правилам, принесенным им из физического мира.

Первое, что должно быть усвоено, чтобы ориентироваться в душевном мире, это умение отличать различные виды его образований, подобно тому, как в физическом мире мы различаем плотные, жидкие и воздушно или газообразные тела. Для того, чтобы достичь этого, надо узнать обе основные силы, являющиеся здесь наиболее важными. Их можно назвать **симпатией** и **антипатией**. Сообразно тому, как эти основные силы действуют в душевном образовании, определяется его вид. **Симпатией** должна быть названа та сила, благодаря которой одно душевное образование притягивает к себе другие, стремится слиться с ними, проявляет свое родство с ними. Напротив, **антипатия** есть та сила, посредством которой душевные образования отталкиваются друг от друга, исключают одно другое, утверждают свое собственное (Eigenheit). В какой степени эти основные силы находятся в душевном образовании, от этого зависит какую роль будет играть оно в душевном мире. Прежде всего, сообразно действию в них симпатии и антипатии надо различать три вида душевных образований. И эти виды отличаются друг от друга тем, что симпатия и антипатия в них стоят в совершенно определенных взаимоотношениях друг к другу. Во всех трех имеются обе основные силы. Возьмем сперва образование первого рода. Оно притягивает к себе другие образования из своего окружения благодаря господствующей в нем симпатии. Но кроме этой симпатии в нем в то же время есть и антипатия, в силу которой оно отталкивает от себя находящееся в его окружении. Вовне подобное образование представится таким, как будто оно обладает только силами антипатии. Но это неверно. В нем есть и симпатия и антипатия. Только последняя преобладает. Она берет верх над первой. Подобные образования играют **себялюбивую** роль в душевном пространстве. Многие вокруг себя они отталкивают, и лишь немногие притягивают к себе с любовью. Поэтому они как неизменные формы движутся через душевное пространство. Благодаря силе симпатии, которая в них есть, они являются **алчными**. Но **алчность** в то же время является ненасытной, как бы не находящей утешения, потому что преобладающая антипатия отталкивает столь многое из приходящего навстречу, что становится невозможным какое бы то ни было удовлетворение. Если сравнить душевные образования этого рода с чем-либо в физическом мире, то можно сказать: они соответствуют твердым физическим телам. Эта область душевной вещественности должна быть названа **пламенем вождлений**. — То, что из этого пламени вождлений примешано к душам животных и людей, определяет в них то, что именуется низшими **чувственными порывами**, преобладающими себялюбивыми инстинктами. — Второй род душевных образований – это те, в которых обе основные силы находятся в равновесии, значит, в которых с одинаковой силой действуют симпатия и антипатия. Они подходят к другим образованиям с известной нейтральностью; они действуют на них как родственные им, не притягивая и не отталкивая их особенно. Они как бы не ставят резкой границы между собой и окружающим миром. Они постоянно позволяют влиять на себя другим образованиям окружения; и поэтому их можно сравнивать с жидкими веществами физического мира. И в том, как эти душевные образования притягивают к себе другие, нет ничего от алчности. Воздействие, подразумеваемое здесь, бывает, например, когда человеческая душа ощущает цвет. Если у меня появляется ощущение красного цвета, то прежде всего из моего окружения я получаю **нейтральное** возбужденнее. Только когда к этому возбуждению присоединяется удовольствие от

красного цвета, возможно отметить еще иное душевное воздействие. То, что вызывает **нейтральное возбуждение**, — это душевные образования, стоящие в таких взаимоотношениях, при которых симпатия и антипатия уравниваются друг друга. Та душевная вещественность, о которой здесь идет речь может быть обозначена как совершенно пластичная, текучая. Не себялюбиво, как первая, движется она через душевное пространство, но так, что ее существование везде получает впечатления и оказывается родственной многому из того, что ей встречается. Наиболее подходящим для нее выражением было бы: **текучая возбудимость**. — Третья ступень душевных образований есть та, у которой симпатия берет верх над антипатией. Антипатия приводит к себялюбивому самоутверждению; но последнее отступает перед склонностью к вещам окружающего мира. Представим себе подобное образование внутри душевного пространства. Оно является центром притягательной сферы, распространяющейся на предметы окружающего мира. Подобные образования надо обозначить особо как **вещественность хотения**. Это наименование представляется правильным потому, что вследствие существующей, лишь более слабой по сравнению с симпатией, антипатии, притяжение действует все же так, что притягиваемые предметы должны быть введены в собственную область этого образования. Благодаря этому симпатия удерживает основной себялюбивый тон. Эта вещественность хотения может быть сравнима с газо- или с воздухообразными телами физического мира. Как газ стремится расшириться во все стороны, так распространяется по всем направлениям вещественность хотения.

Высшие ступени душевной вещественности характеризуются тем, что в них совершенно отступает назад одна основная сила, а именно антипатия, и собственно действующей является только симпатия. Она, прежде всего, может проявиться внутри частей самого душевного образования. Эти части действуют взаимно притягательно одна на другую. Сила симпатии внутри душевного образования выражается в том, что называют **радостью**. И каждое уменьшение этой симпатии есть **печаль**.^{*} Печаль есть лишь уменьшенная радость, как холод есть лишь уменьшенное тепло. Радость и печаль это есть то, что — в более узком смысле — живет в человеке как мир **чувств**. **Чувствование** есть пряжа (weben) душевного в себе самом. От того, как в душевном прядутся чувства радости и печали, зависит то, что мы называем его **довольством**.

К более высокой ступени принадлежат те душевные образования, у которых симпатия не остается заключенной в пределах собственной жизни. Эти душевные образования, так же как уже и четвертая ступень, отличаются от трех низших тем, что у них силе симпатии не приходится бороться с противодействующей ей антипатией. Лишь начиная с этих высших видов душевной вещественности многообразие душевных образований сливается в один общий душевный мир. Поскольку существует антипатия, душевное образование стремится к чему-либо иному ради своей собственной жизни, для того, чтобы усилить и обогатить себя самое при помощи другого. Где молчит антипатия, там иное воспринимается как откровение, как возвешение. Эта высшая форма душевной вещественности играет в душевном пространстве роль, подобную свету в физическом пространстве. Она обуславливает то, что одно душевное образование как бы впитывает в себя, ради них самих, бытие и сущность других, или, можно также сказать, дает им осенить себя. Лишь благодаря тому, что душевные существа черпают из этих высших областей, пробуждаются они к истинной душевной жизни. Их тупая жизнь во мраке раскрывается наружу, светится и сама излучается в душевное пространство; вялая, тупая жизнь во внутреннем,

^{*} Слова радость (Lust) и печаль (Unlust) можно перевести также как удовольствие и неудовольствие (Прим. ред.).

стремящаяся замкнуться благодаря антипатии, когда имеются одни лишь вещества низших областей, становится силой и подвижностью, которые исходят изнутри и, струясь, изливаются наружу. Текучая возбудимость второй области действует лишь при встрече образований. Тогда, правда, одно переливается в другое. Но здесь необходимо **прикосновение**. В высших областях царит свободное излучение, изливание. (Совершенно справедливо определяют сущность этой области как «излучение», ибо развиваемая симпатия действует так, что тут можно применить, как символ, — выражение, заимствованное от действия света). Как растение чахнет в погребке, так чахнут душевные образования без оживляющих их душевных веществ высших областей. **Душевный свет, деятельная душевная сила** и, собственно, **душевная жизнь** в тесном смысле принадлежат этим областям, и отсюда сообщаются душевным существам.

Таким образом мы должны различать три нижние и три верхние области душевного мира, и обе связаны четвертой, так что получается следующее разделение душевного мира:

- 1) область пламени вождлений
- 2) область текучей возбудимости
- 3) область желаний
- 4) область радости и печали
- 5) область душевного света
- 6) область деятельной душевной силы
- 7) область душевной жизни.

Благодаря первым трем областям душевные образования получают свои свойства в силу соотношения антипатии и симпатии; благодаря четвертой области ткет (webt) симпатия внутри самих душевных образований; благодаря трем высшим областям сила симпатии становится все более и более свободной; сияя и оживляя, реют душевные вещества этой области через душевное пространство, пробуждая то, что иначе без них должно было бы потерять себя в замкнутости личного бытия.

В сущности, это было бы совершенно излишним, но ввиду большей ясности, мы должны подчеркнуть здесь, что эти семь подразделений мира душ не представляют собой отделенных друг от друга областей. Так же, как в физическом мире твердое, жидкое и газообразное взаимно проникает друг друга, так же в душевном взаимно проникают друг друга пламя вождлений, текучая возбудимость и силы мира желаний. И подобно тому, как физическое тепло пронизывает тела, и свет озаряет их, то же самое происходит и в душевном с радостью и печалью и с душевным светом. Нечто подобное происходит и с деятельной душевной силой, и с собственной душевной жизнью.

II. ДУША В МИРЕ ДУШ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Душа есть связующий член между духом человека и его телом. Ее силы симпатии и антипатии, которые своим взаимоотношением обуславливают душевные проявления, как-то: вождление, возбудимость, желание, радость, печаль и т. д., — действуют не только между теми или другими душевными образованиями, они проявляются также и по отношению к существам других миров, — физического и духовного. Пока душа живет в теле, она до известной степени принимает участие во всем, что происходит в этом теле. Если физические отправления тела протекают правильно, в душе возникает радость и довольство, если же эти отправления нарушены, наступают неудовольствие и боль. — Так же принимает душа участие и в деятельности духа: одна мысль наполняет ее радостью, другая отвращением; верное суждение получает одобрение души, ложное — ее

неодобрение. — И ступень развития человека зависит от того, в ту или иную сторону направлены больше склонности его души. Чем больше душа человека симпатизирует проявлениям духа, тем человек совершеннее; и тем несовершеннее он, чем больше удовлетворения находят ее склонной в отправлениях тела.

Дух есть средоточие человека, тело — посредник, через который дух рассматривает и познает физический мир, и через который он действует в нем. Душа же есть посредник между обоими. Из возникающего для уха вследствие колебания воздуха физического впечатления она пробуждает ощущение звука, она переживает радость от этого звука. Все это она сообщает духу, который благодаря этому достигает понимания физического мира. Возникшая в духе мысль через душу преобразуется в желание осуществить ее и лишь тем самым с помощью телесного орудия может стать поступком. — Человек может выполнить свое назначение лишь тем, что он допускает направлению всей своей деятельности исходить от духа. Сама по себе душа может одинаково склоняться как к физическому, так и к духовному. Она словно простирает свои щупальца как вниз к физическому, так и вверх к духовному. Вследствие погружения в физический мир ее собственное существо проникается и окрашивается природой физического. Но так как дух может действовать в физическом мире лишь через ее посредство, то тем самым ему самому дается направлению к физическому. Его образования силами души притягиваются к физическому. Рассмотрим неразвитого человека. Склонности его души зависят от отправлений его тела. Он получает удовольствие лишь от тех впечатлений, какие производит на его чувства физический мир. И его духовная жизнь также всецело вовлечена этим в эту сферу. Его мысли служат лишь для удовлетворения физических потребностей его жизни. — По мере того, как духовное Я (Selbst) переживает воплощение за воплощением, оно должно все больше свое направление получать из духовного. Его познание должно определяться духом вечной истины, его поступки — вечной благодатью.

Смерть, рассматриваемая как факт физического мира, означает собой изменение отправлений тела. Со смертью оно перестает своей организацией быть посредником души и духа. В дальнейшем в своих отправлениях оно является всецело подчиненным физическому миру и его законам; оно переходит в него, чтобы в нем раствориться. Лишь эти физические процессы тела могут после смерти наблюдаться физическими чувствами. То, что происходит тогда с душой и духом, это ускользает от этих чувств. Ибо и в течение жизни душа и дух лишь постольку могут быть наблюдаемы чувственно, поскольку они достигают своего внешнего выражения в физических процессах. После смерти **такое** выражение более невозможно. Поэтому наблюдения физическими чувствами и основанная на них наука **не могут быть принимаемы в соображение** при суждении о судьбе души и духа после смерти. Тогда вступает в силу высшее познание, основанное на наблюдении явлений в мире души и духа.

Когда дух освободился от тела, он все еще связан с душой. И как в течение физической жизни тело приковывало его к физическому миру, так теперь душа к душевному. — Но в этом душевном мире нельзя найти его исконной сущности. Душевный мир должен только соединить его с полем его действия, с физическим миром. Для того, чтобы в новом воплощении явиться в более совершенном образе, он должен почерпнуть силу и крепость из духовного мира. Но благодаря душе он втянут в физический мир. Он связан с душевной сущностью, которая проникнута и окрашена природой физического, и вследствие этого сам он получил это направление. После смерти душа более не связана с телом, а только с духом. Она живет теперь в душевной среде. Поэтому только силы этого мира еще могут иметь на нее влияние. И с этой жизнью души в мире душ пока связан также и дух. Он так же связан с ней, как во время физического воплощения он связан с телом. Когда телу умереть, **это** определяется его законами. В общем надо сказать: не душа и дух оставляют

тело, но они отпускаются телом, когда его силы больше не могут действовать в смысле человеческой организации. Таково же отношение души и духа. Душа отпустит дух в высший духовный мир, когда ее силы не могут больше действовать в смысле человеческой душевной организации. Дух освобождается в мгновение, когда душа предала растворению то, что она может пережить только в теле и удержало лишь то, что может жить дальше с духом. Это удержанное, хотя и пережитое в теле, но что, как плод, может запечатлеться в духе, связывает душу с духом в чисто духовном мире. — Таким образом, для того, чтобы познать судьбу души после смерти надо рассмотреть процесс ее растворения. Ее задача была в том, чтобы дать духу направление к физическому. С момента, когда она исполнила эту задачу, она берет направление к духовному. Благодаря характеру своей задачи, она собственно должна была бы тотчас действовать исключительно духовно, как только от нее отпадает тело, когда, значит, она уже не может больше служить **связующим членом**. И она так и сделала бы, если бы вследствие своей жизни в теле, подпав под его влияние, она в своих склонностях не стремилась бы к нему. Без этой окраски, полученной ею в силу соединения с телесным, она тотчас же после развоплощения следовала бы одним только законам духовно-душевного мира, и не развивала бы дальше склонности к чувственному. И так было бы, если со смертью человек совершенно утратил бы всякий интерес к земному миру, если бы все вожеления, желания и т. д., связанные с существованием, которое он оставляет, были бы удовлетворены. Но поскольку это не так, за душу цепляется все оставшееся еще не изжитым в этом направлении. Здесь, чтобы не впасть в ошибку, мы должны делать тщательное различие между тем, что привязывает человека к миру так, что оно может быть сглажено в одном из следующих воплощений, и тем, что привязывает его к **одному** определенному воплощению, т. е. именно к последнему. Первое сглаживается законом судьбы, кармой; второе же может быть изглажено (abgestreift) душой только после смерти.

После смерти для человеческого духа наступает время, когда душа изглаживает свои склонности к физическому бытию, чтобы затем снова следовать одним законам духовно-душевного мира и освободить дух. Естественно, что это время будет длиться тем больше, чем более была привязана душа к физическому. Оно будет кратким для человека, который был мало привязан к физической жизни; и напротив, долгим у того, кто полностью связал свои интересы с этой жизнью, так что в момент смерти в его душе еще живет много вожелений, желаний и т. д.

О состоянии, в котором живет душа в ближайшее время после смерти, легче всего составить себе представление на основании следующего размышления. Возьмем для этого несколько грубый пример: чувство наслаждения гастронома. Он получает вкусовое наслаждение от еды. Это наслаждение, конечно, отнюдь не является телесным, но оно есть нечто душевное. В душе живет наслаждение, а также и вожеление к наслаждению. Но для удовлетворения этого вожеления необходим соответствующий телесный орган, небо и т. д. После смерти душа не сразу теряет это вожеление, но уже нет больше телесного органа, который является средством удовлетворить вожеление. И вот теперь — хотя по иной причине, но подобной и лишь действующей еще сильнее, человек испытывает то же, что он чувствовал бы, мучаясь палящей жаждой в местности, где кругом нет ни капли воды. Так испытывает душа жгучее страдание от лишения наслаждения, потому что больше нет телесного органа, который мог бы доставить ей наслаждение. То же самое и со всем, чего жаждет душа и что может быть удовлетворено лишь при посредстве телесных органов. Это состояние (жгучего лишения) продолжается до тех пор, пока душа не научится не желать больше того, что может быть удовлетворено лишь посредством тела. И то время, которое проходит в этом состоянии, можно назвать местом вожелений, хотя, конечно, не имеет ничего общего с «местом».

Вступая после смерти в душевный мир, душа подчиняется его законам. Эти законы влияют на нее и от этого влияния зависит, каким образом будет погашено в ней стремление к физическому. Влияния должны быть различны, сообразно видам душевных сил и душевного вещества, в область которых она теперь вводится. Каждый из этих видов проявит свое очищающее, просветляющее воздействие. Происходящий здесь процесс протекает таким образом, что в душе все антипатичное постепенно побеждается силами симпатии, и сама эта симпатия достигает своей вершины. Ибо через эту наивысшую степень симпатии ко всему остальному душевному миру душа как бы растворяется в нем, сольется с ним воедино; и вот тогда ее себялюбие вполне исчерпано. Она перестает существовать как существо, тяготеющее к физически-чувственному бытию: дух освобождается ею. Поэтому душа просветляется через вышеописанные области душевного мира до тех пор, пока она не соединится вполне с общим душевным миром в области совершенной симпатии. То, что дух до этого последнего мгновения освобождения его души сам с нею связан, происходит потому, что он своей жизнью совсем сроднился с ней. Это сродство гораздо большее, чем с телом. Ибо с последним он связан опосредованно через душу, с нею же он связан непосредственно. Ведь она его собственная жизнь. Поэтому дух связан не с истлевающим телом, а с постепенно освобождающейся душой. — Благодаря этой непосредственной связи духа с душой, он лишь тогда может почувствовать себя от нее свободным, когда сама она станет единой со всем душевным миром.

Поскольку душевный мир становится местом пребывания человека непосредственно после смерти, он может быть назван «местом вожделений». Различные религиозные системы, принявшие в свои учения осознание этих отношений, зовут это «место вожделений» — «чистилищем», «очистительным огнем» и т.д.

Низшая область душевного мира есть страна **пламени вожделений**. Посредством нее, после смерти в душе вытравляется все то, что имеется в ней самого грубого, связанного с себялюбивыми вожделениями и с низшей телесной жизнью. Ибо благодаря этим вожделениям она может воспринять воздействие сил этой душевной области. Неутоленные вожделения, оставшиеся от физической жизни образуют точку нападения. Симпатия таких душ простирается лишь на то, что может дать пищу их себялюбивому существу; и она далеко перевешивается антипатией, заливающей все остальное. Однако эти вожделения устремляются на физические наслаждения, которые не могут найти себе удовлетворения в душевном мире. Вследствие этой невозможности утоления алчность возрастает до высшей степени. Но вместе с тем, благодаря этой невозможности утоления, алчность должна постепенно угаснуть. Жгучие похоти мало-помалу сгорают; и душа познала, что в устранении таких похотей лежит единственное средство избежать страдания, которое происходит от них. В течение физической жизни ведь все же постоянно все снова и снова наступает удовлетворение. Благодаря этому боль палящей алчности закрыта как бы родом иллюзии. После смерти, в «очистительном огне», эта боль выступает без всякого покрова. Душа проходит через соответствующие переживания лишений. Мрачно то состояние, в котором пребывают благодаря этому души. Конечно, к этому состоянию могут придти только те люди, чьи вожделения в физической жизни были устремлены на грубейшие вещи. Те натуры, в которых мало похоти, проходят через это состояние, не замечая его, так как у них нет сродства с ним. Нужно сказать, что души будут тем дольше оставаться под влиянием пламени вожделений, чем более своей физической жизнью они сроднились с этим пламенем, и чем необходимее для них поэтому очиститься в ней. Нельзя назвать такое очищение страданием в том смысле, как в чувственном мире подобное же должно было бы ощущаться исключительно как страдания. Ибо душа после смерти требует своего очищения, потому что только этим путем может быть вытравлено существующее в ней совершенство.

Второй вид процессов душевного мира таков, что симпатия и антипатия находятся в них в равновесии. Поскольку после смерти человеческая душа находится в подобном состоянии, она будет некоторое время под влиянием этих процессов. Погружение в суету внешней жизни, радость от преходящих впечатлений чувств обуславливают это состояние. Люди живут в нем, поскольку оно обусловлено указанными выше душевными склонностями. Они позволяют влиять на себя каждой мелочи дня. Но так как их симпатия ни к чему в особенности не обращается, то эти влияния быстро скользят мимо. Все, что не принадлежит к этому ничтожному царству, антипатично таким людям. Когда после смерти душа переживает такое состояние, и здесь нет чувственно-физических предметов, не обходимых для его удовлетворения, то это состояние в конце концов должно погаснуть. Разумеется, царящее в душе перед этим полным погашением чувство лишения мучительно. Это мучительное положение есть школа разрушения иллюзии, которой человек окутан в течение физической жизни.

В-третьих, в мире душ встречаются явления, в которых преобладает симпатия, преобладает природа желаний. Их воздействие души испытывают благодаря всему тому, что сохраняет после смерти атмосферу желаний. Также и эти желания постепенно умирают вследствие невозможности их утоления.

Указанная выше как четвертая, область радости и печали в мире душ налагает на душу особые испытания. Пока она живет в теле, она принимает участие во всем, что касается этого тела. Движение (weben) радости и печали связано с ним. Оно причиняет душе наслаждение и блаженство, неудовольствие и отвращение. В течение своей физической жизни человек ощущает свое тело, как свою самость (Selbst). На этом факте основано то, что именуется **самоощущением**. И чем более человек погружен в чувственное, тем более принимает его самоощущение этот характер. — После смерти недостает тела как предмета этого ощущения. Поэтому душа, в которой осталось это чувство, чувствует себя как бы полрой. Ею овладевает чувство, словно она потеряла себя самое. Это продолжается до тех пор, пока не осознано, что не в физическом находится истинный человек. Поэтому влияния этой четвертой области разрушают иллюзию телесной самости. Душа научается познавать эту телесность уже как нечто несущественное. Она исцеляется, очищается от тяготения к телесности. Этим она преодолела то, что еще сильно привязывало ее к физическому миру, и она может полностью развернуть стремящиеся наружу силы симпатии. Она, так сказать, отошла от себя самой и полная сочувствия готова излиться в общий мир душ.

Здесь нельзя не упомянуть, что переживания этой области в особенной мере испытываются самоубийцами. Они искусственным путем покидают свое физическое тело, тогда как все чувства, связанные с ним, остаются неизменными. При естественной смерти вместе с разрушением тела происходит также и частичное умирание связанных с ним чувств. Для самоубийц же к тем страданиям, которые причиняет им чувство внезапной полости (Aushöhlung), присоединяются еще неутоленные вожелания и желания, из-за которых они покончили с собой.

Пятая ступень мира душ есть ступень душевного света. Симпатия к другому имеет на ней уже огромное значение. Ей родственны души, поскольку они в течение физической жизни не довольствовались удовлетворением низших потребностей, а находили радость и удовольствие в окружающем их мире. Здесь подлежит, например, очищению мечтательное отношение к природе, поскольку оно носит чувственный характер. Но этот вид мечтательного отношения к природе надо строго отличать от той высшей жизни в природе, которая духовна по натуре, и которая ищет дух, раскрывающийся в вещах и явлениях природы. Такого рода чувство природы относится к вещам, которые развивают сам дух и закладывают в этом духе нечто пребывающее, но от этого чувства природы должно

отличать то наслаждение природой, основание которого лежит во внешних чувствах. По отношению к нему душа также нуждается в очищении, как и относительно других склонностей, которые основаны только на физическом бытии. Многие из людей видят как бы род идеала в учреждениях, которые служат чувственному благополучию, в системе воспитания, прежде всего заботящейся о чувственном благоденствии. О них нельзя сказать, чтобы они служили лишь своим себялюбивым побуждениям. Но их душа все же направлена к чувственному миру и должна исцелиться при помощи господствующей в пятой области душевного мира силы симпатии, не имеющей этих внешних средств удовлетворения. Здесь душа постепенно узнает, что эта симпатия должна избрать иные пути. И эти пути обретаются в излиянии души в душевное пространство, происходящем благодаря симпатии души с душевным окружением. — Здесь также очищаются те души, которые требуют от религиозных обязанностей прежде всего повышения их чувственного благополучия. Все равно, будет ли их стремление (Sehnsucht) направлено к земному или небесному раю. «В стране душ» они найдут этот рай; но лишь для того, чтобы увидеть его ненужность. Все это, конечно, лишь единичные примеры очищения, которые совершаются в этой пятой области. При желании их можно продолжить.

В шестой области, в области **действенной** (tatigen) **душевной силы** происходит очищение той части души, которая жаждет дела, которая не носит эгоистического характера, но все же имеет свои мотивы в чувственном удовлетворении, которые доставляют ей поступки. Натуры, развивающие в себе подобные наслаждения поступками, внешне производят несомненно впечатление идеалистов; они проявляют готовность ко всяким жертвам. Но в более глубоком смысле это у них все же сводится к повышению некоего чувственного наслаждения. К ним принадлежат многие художественные натуры и те, которые предаются научной деятельности потому, что это им нравится. То, что приковывает их к физическому миру есть вера в то, что искусство и наука существуют ради таких наслаждений.

Седьмая область, область истинной **жизни души**, освобождает человека от его последних склонностей к чувственно-физическому миру. Каждая из предшествующих областей принимает от души то, что ей родственно. Что еще окружает дух, это убеждение, что его деятельность должна быть всецело посвящена чувственному миру. Есть высокоодаренные личности, которые не задумываются ни о чем ином, кроме явлений физического мира. Такой образ мыслей можно назвать материалистическим. Этот образ мыслей должен быть разрушен, и это происходит в седьмой области. Здесь души видят, что в истинной действительности предметов для материалистического образа мыслей не существует. Как лед на солнце, тает здесь это убеждение души. Отныне душевная сущность поглощена своим миром, — дух освободился от всех оков. Он устремляется в области, где он живет лишь в своем собственном окружении. — Душа исполнила свою предыдущую земную задачу, и после смерти отпало то, что еще оставалось от этой задачи, как оковы для духа. Душа, победив остатки земного бытия, возвращается сама в свою стихию.

Из этого описания видно, что переживания душевного мира, а вместе с тем и состояние душевной жизни после смерти, принимают все менее противный душе облик по мере того, как человек отрешается от того, что оставалось в нем от земной связи с физической телесностью, как непосредственное сродство с нею. — Сообразно с созданными в физической жизни условиями душа пребывает дольше или короче в той или другой области. Там, где она чувствует сродство, она остается до тех пор, пока оно не уничтожено. Там, где нет сродства, она, не ощущая, проходит через возможные воздействия дальше. Здесь мы хотели изобразить лишь основные свойства мира душ и представить в общих чертах характер жизни души в этом мире. То же самое и относительно последующего описания страны духов. Распространяться о дальнейших свойствах этих высших миров,

значило бы перейти границы, которые должны быть положены этой книге. Ибо ясно говорить о том, что сравнимо с пространственными соотношениями и ходом времени, которые здесь совершенно иные, нежели в физическом мире, можно лишь при условии весьма подробного изложения. Некоторые важные указания на этот счет можно найти в моем «Тайноведении».

III. СТРАНА ДУХОВ

Прежде чем мы последуем за духом в его дальнейшем странствии, должна сперва быть рассмотрена сама та область, в которую он вступает. Это есть «мир духа». Этот мир так не похож на физический, что все то, что может быть о нем сказано, должно показаться фантастическим тому, кто хочет доверять лишь своим физическим чувствам. И здесь в еще большей мере справедливо то, что уже было сказано при рассмотрении «мира души», а именно: чтобы описывать, нужно пользоваться сравнениями. Ибо наш язык, который по большей части служит лишь чувственной действительности, не богат выражениями непосредственно применимыми к «стране духов». И теперь в особенности необходима просьба, многое из того, что будет сказано сейчас, понимать лишь как **намек**. Все то, что здесь будет описано, настолько не похоже на физический мир, что его возможно изобразить лишь таким образом. Автор этого изложения сознает, что из-за несовершенства нашего языка, приспособленного лишь к физическому миру, его указания мало соответствуют опыту в этой области.

Прежде всего, необходимо указать, что этот мир соткан из того вещества (конечно и слово «вещество» употреблено здесь в переносном смысле), из которого состоит человеческая мысль. Но мысль так, как она живет в человеке, есть лишь тень, лишь схема своей действительной сущности. Как тень предмета на стене относится к действительному предмету, отбросившему эту тень, так же мысль, которая возникает в человеческой голове, относится к той сущности в «стране духов», которая соответствует этой мысли. Когда в человеке пробудилось **духовное** чувство, тогда он действительно воспринимает эту мысле-сущность так же, как чувственный глаз воспринимает стол или стул. Он странствует в окружении мысле-сущностей. Чувственное око воспринимает льва, а **мышление**, направленное на чувственное — лишь мысль о льве, как схему, как теневой образ. Духовное око видит в «стране духов» мысль о льве так же реально, как чувственное око видит физического льва. Здесь опять можно отослать к сравнению, уже употребленному нами относительно «страны душ». Как для оперированного слепорожденного окружающий мир приобретает вдруг новые свойства красок и света, так и для того, кто учится пользоваться своим **духовным оком**, все его окружение является наполненным новым миром, миром **живых** мыслей или **духо-сущностей**. — В этом мире прежде всего видны духовные **праобразы** (Urbilder) всех вещей и существ, находящихся в физическом мире и в душевном мире. Представим себе картину, заключенную в духе художника прежде, чем он написал ее. Тогда мы имеем подобие того, что подразумевается под словом **праобраз**. Здесь безразлично, имел ли художник этот праобраз в голове до того, как начал писать, или же праобраз лишь постепенно возникает по мере практической работы. В истинном «мире духа» подобные праобразы имеются для всех вещей, и физические предметы и существа суть лишь **отображения** этих праобразов. — Вполне естественно, если тот, кто доверяет лишь своим внешним чувствам, отрицает этот мир праобразов и утверждает, что праобразы суть лишь абстракции, которые сравнивающий рассудок получает от чувственных вещей; ибо он не может воспринимать в этом высшем мире; он знает мир мысли лишь в его схематической абстракции. Он не знает, что видящий духовно так же точно знаком с духовными существами, как он сам со своей собакой или кошкой; и что мир праобразов имеет бесконечно большую интенсивность реальности, чем чувственно-физический.

Правда, первый взгляд в эту «страну духов» действует еще более смущающе, чем взгляд в душевный мир. Ибо праобразы в своем истинном облике совершенно не похожи на свои чувственные отображения. Но так же несходны они и со своими **тенями**, с абстрактными **мыслями**. — В духовном мире все находится в постоянной подвижной деятельности, в непрестанном творчестве. Там нет покоя, остановки на одном месте, как они бывают в физическом мире. Ибо праобразы суть **творящие существа**. Они творцы всего того, что возникает в физическом и душевном мирах. Их формы быстро сменяются, и в каждом праобразе таится возможность принимать бесчисленные отдельные облики. Они как бы порождают из себя отдельные облики, и едва порожден один, как праобраз вновь стремится к тому, чтобы излить из себя следующий. И праобразы имеют между собой большие или меньшие родственные отношения. Они не действуют обособленно. Для своего творчества один требует помощи другого. Часто неисчислимы праобразы действуют сообща для того, чтобы возникло то или иное существо в душевном или физическом мире.

Кроме того, что в этой «стране духов» может быть воспринято «духовным зрением», там находится еще нечто иное, что можно рассматривать как переживание «духовного слуха». А именно, как только «ясновидящий» поднимается из страны душ в страну духов, воспринимаемые им праобразы становятся также и **звучащими**. Это «звучание» есть чисто духовное явление. Оно должно быть представлено без всякой примеси мысли о физическом звуке. Наблюдатель чувствует себя как бы в море звуков. И в этих звуках, в этом духовном звучании находят свое выражение существа духовного мира. В их созвучии, в их гармониях, ритмах и мелодиях запечатлены первозаконные (Urgesetze) их бытия, их взаимные соотношения и сродство. То, что в физическом мире рассудок воспринимает как закон, как идею, то для «духовного уха» является духовно-музыкальным. (Поэтому пифагорейцы называли такое восприятие духовного мира «музыкой сфер». Для обладающего «духовным ухом» эта «музыка сфер» не есть только нечто образное, аллегорическое, но хорошо знакомая **духовная** реальность). Но только для того, чтобы получить понятие об этой «духовной музыке», нужно отбросить все представления о чувственной музыке в том виде, как она воспринимается «материальным ухом». Ведь здесь речь идет о «**духовном** восприятии», следовательно, о таком, которое для «чувственного уха» должно оставаться немым. В последующих описаниях «страны духов» указания на эту «духовную музыку» опущены, ради простоты изложения. Надо лишь представить себе, что все, что будет описываться, как «образ», как нечто «свещающееся», в то же время является и **звучащим**. Каждому цвету, каждому световому восприятию соответствует духовный звук, и каждому взаимодействию цветов соответствует гармония, мелодия и т. д. Необходимо лишь представить себе, что там, где царит звучание, не прекращается и восприятие «духовного ока». Звучание только присоединяется к свечению. Там, где в последующем говорится о «праобразах», надо мыслить также и «первозвуки (Urtone). К этому присоединяются и иные восприятия, которые можно ради подобия обозначить как «духовный вкус» и т. д. Но здесь мы не станем вдаваться в обсуждение этих явлений, так как тут дело касается того, чтобы разбудить представление о «стране духов» посредством некоторых имеющихся в нас родов восприятия, извлеченных из целого.

Теперь прежде всего необходимо установить различие между разнообразными родами праобразов. И в «стране духов» для того, чтобы ориентироваться, также необходимо различать известное количество ступеней или областей. Как и в «стране душ», здесь не надо представлять себе отдельные области в виде пластов, лежащих один над другим, но как взаимно проникающие и пронизывающие друг друга.

Первая область содержит в себе праобразы физического мира, поскольку он не одарен жизнью. Здесь мы находим праобразы минералов; далее, праобразы растений, но лишь поскольку они являются исключительно физическими, т. е. поскольку мы оставляем в

стороне находящуюся в них жизнь. Здесь мы встречаемся также с физическими формами животных и людей. Этим не исчерпывается еще все, что находится в этой области; мы лишь поясняем близлежащими примерами. — Эта область образует остов «страны духов». Ее можно сравнить с твердой почвой нашей физической Земли. Это есть масса материка «страны духов». Его отношение к физически-телесному миру может быть описано лишь путем сравнения. Можно получить об этом представление, например, таким образом: вообразим себе какое-нибудь ограниченное пространство, заполненное физическими телами самого разнообразного вида. Теперь представим себе, что эти физические тела исчезли, а на их месте полые области, имеющие их формы. Промежутки же между ними, бывшие ранее пустыми, представим себе теперь заполненными разнообразнейшими формами, состоящими с прежними телами в различных соотношениях. — Нечто подобное является взору в низшей области мира праобразов. Вещи и существа, воплощенные в физическом мире, видны в ней как «полые области». А в промежуточном пространстве разыгрывается подвижная деятельность праобразов (и «духовной музыки»). Во время физических воплощений эти полые области как бы заполняются физической материей. Тот, кто одновременно смотрит в пространство физическим и духовным оком, тот видит физические тела и в промежутках между ними подвижную деятельность творческих праобразов.

Вторая область «страны духов» содержит в себе праобразы жизни. Но здесь эта жизнь представляет собой совершенное единство. Как текучий элемент струится она в мире духа, пульсируя повсюду подобно крови. Ее можно сравнить с морями и водами физической Земли. Однако ее распределение ближе подходит к распределению крови в животном теле, чем к распределению морей и рек. Текучая жизнь, образованная из материи мысли, — так можно было бы обозначить эту вторую ступень «страны духов». В этом элементе обретаются творческие первосилы (Urkraefte) всего, что в физической действительности возникает как живые существа. Здесь становится очевидным, что вся жизнь есть единство, что жизнь в человеке родственна жизни всех его собратий по творению.

Как **третья область** «страны духов» должны быть обозначены праобразы всего душевного. Здесь находишься в гораздо более тонком и прозрачном элементе, чем в обеих первых областях. Пользуясь сравнением, его можно определить как **воздушную сферу** «страны духов». Все, что совершается в душах обоих других миров, находит здесь свое духовное подобие. Все ощущения, чувства, инстинкты, страсти и т. д., еще раз появляются здесь в духовном виде. Атмосферические явления этой «воздушной сферы» соответствуют в других мирах страданиям и радостям творений. Как тихое дуновение проявляется здесь тоска человеческой души; как бурный вихрь — взрыв страсти. Кто может образовать себе представление о том, что здесь рассматривается, тот глубоко проникнет во вздох каждого создания, если он направит к нему свое внимание. Например, тут можно говорить о бурных грозах, со сверкающими молниями и с раскатами грома; и если углубиться дальше в исследование этого, то мы увидим, что в этих «духовных грозах» выражаются страсти какой-нибудь битвы, происходящей на Земле.

Праобразы **четвертой области** не имеют непосредственного отношения к другим мирам. Это в некотором роде существа, которые властвуют над праобразами трех нижних областей и способствуют их взаимодействию. Поэтому они заняты распределением и группировкой этих подчиненных праобразов. Поэтому из этой области исходит более всеобъемлющая деятельность, чем из нижних.

Пятая, шестая и седьмая области существенно отличаются от предыдущих. Ибо обитающие в них существа доставляют праобразам нижних областей **побуждения** к их деятельности. В них находятся творческие силы самих праобразов. Тот, кто может

подняться до этих областей, знакомится с «**замыслами**»*, которые лежат в основе нашего мира. Как живые зародышевые зерна (Keimpunkte) еще лежат здесь праобразы, готовые принять разнообразнейшие формы мысле-существ. Когда эти зародышевые зерна вводятся в нижние области, тогда они как бы начинают всходить и проявляются в самых различных обликах. Идеи, с помощью которых человеческий дух творчески выступает в физическом мире, суть лишь отражения, тени этих зародыше-мысле-существ (Keimgedankenwesen) высшего духовного мира. Наблюдатель, обладающий «духовным слухом», поднявшийся из нижних областей «страны духов» в эти верхние ее области, замечает, как звучание и звуки превращаются в «духовный язык». Он начинает воспринимать «духовное слово», через которое вещи и существа открывают ему свою природу уже в «словах», а не только через музыку. Они говорят ему, как это называют в Духовной науке, свои «**вечные имена**».

Надо представить себе, что эти мысле-зародышевые существа обладают сложной природой. Из элемента мира мысли берется, так сказать, лишь оболочка зародыша. И она обнимает собой истинное **зерно жизни**. Здесь мы подходим к границе «трех миров», ибо зерно (Kern) происходит из еще более высоких миров. Когда в предыдущем были описаны члены существа человека, то там было указано на это зерно жизни, и «Жизнедух» и «Духочеловек» были обозначены, как его составные части. И для других существ мира имеются подобные зерна жизни. Они происходят из высших миров и перемещаются в эти три указанные мира, чтобы исполнить там свою задачу. — Теперь мы должны проследить дальнейшее паломничество человеческого духа через «страну духов», между двумя воплощениями или инкарнациями. При этом перед нами еще раз ясно предстанут особенности и соотношения этой «страны».

IV. ДУХ В СТРАНЕ ДУХОВ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Когда на своем пути между двумя воплощениями человеческий дух прошел через «мир душ», то он вступает в «страну духов», чтобы пребывать там, пока он не созреет для нового телесного бытия. Смысл этого пребывания в «стране духов» становится понятен лишь тогда, когда мы сумеем правильно истолковать задачу жизненного паломничества человека через его воплощения. Пока человек воплощен в физическом теле, он действует и творит в физическом мире. И он действует и творит в нем, как **духовное существо**. То, что помыслит и выработает его дух, он запечатлевает в физические формы, в вещества и силы телесного мира. Таким образом, как вестник духовного мира, он должен воплотить дух в телесном мире. Лишь благодаря тому, что он воплощается, может человек действовать в телесном мире. Он должен принять физическое тело, как орудие для того, чтобы через телесное воздействовать на телесное, и чтобы оно могло действовать на него. Но то, что действует через эту физическую телесность человека, есть **дух**. От него исходят **намерения**, направления для деятельности в физическом мире. Но пока дух действует в физическом теле, он не может жить как дух в своем истинном облике. Он может лишь как бы просвечивать сквозь **покрывало физического** бытия. Дело в том, что человеческая жизнь мысли в действительности принадлежит духовному миру; и поскольку эта жизнь проявляется в физическом существовании, ее истинный облик пребывает сокрытым. Можно сказать также, что жизнь мысли физического человека есть лишь тень, отблеск истинного духовного существа, к которому она принадлежит. Таким образом, в течение физической жизни дух вступает во взаимодействие с земным, телесным миром на основе физического тела. Но хотя задача человеческого духа, пока он идет от воплощения к воплощению,

* Из сказанного выше о трудностях словесного выражения само собой понятно, что такие обозначения как «замыслы» (Absichten) подразумеваются тоже лишь как «подобия». О восстановлении старого «учения о целесообразности» здесь не мыслится.

именно и состоит в этом воздействии на физический, телесный мир, все же он никогда не мог бы исполнить соответствующим образом эту задачу, если бы он жил лишь в телесном бытии. Ибо намерения и цели земной задачи не строятся и не получаются во время земного воплощения, точно так же, как не сооружается план дома на строительной площадке, где работают рабочие. Подобно тому, как этот план разрабатывается в кабинете архитектора, точно так же и цели и намерения земного творчества создаются «в стране духов». — Дух человека должен между двумя воплощениями постоянно вновь обитать в этой стране, для того, чтобы вооружившись тем, что он оттуда приносит, снова иметь возможность приступить к работе в физической жизни. Подобно тому, как в своем рабочем кабинете архитектор без кирпича и извести готовит план дома, согласно строительным и прочим законам, так и архитектор человеческого творчества, дух, или высшее Я (Selbst), должен в «стране духов» развить способности и цели сообразно законам этой страны, чтобы потом перевести их в земной мир. Лишь когда человеческий дух все вновь и вновь пребывает в своей собственной области, он становится в состоянии переносить дух также и в земной мир при помощи физически-телесных орудий. — На физическом поприще человек учится познавать свойства и силы физического мира. Он собирает там, в процессе деятельности, сведения о том, какие требования предъявляет физический мир к тому, кто хочет работать в нем. Он учится там познавать свойства материи, в которой он хочет воплотить свои мысли и идеи. Сами же мысли и идеи он не может извлечь из материи. Таким образом, земной мир является одновременно полем деятельности и **учения**. Затем изученное преобразуется в «стране духов» в живую способность духа. Чтобы лучше разъяснить нашу мысль, можно вышеуказанное сравнение продолжить еще дальше. Архитектор разрабатывает план дома. Он реализуется. При этом архитектор приобретает богатейший опыт. Весь этот опыт увеличивает его способности. Когда он примется разрабатывать следующий план, весь этот опыт вольется в него. И по сравнению с предыдущим, этот последующий план окажется обогащенным всем тем, чему научил его предыдущий. То же самое происходит при следующих одна за другой человеческих жизнях. В промежутках между воплощениями дух обитает в своем собственном царстве. Он может всецело отдаться требованиям жизни духа; освобожденный от физической телесности, он работает над собой во всех направлениях и в это свое строительство он внедряет плоды опытов своих прежних жизней. Таким образом, его взор всегда направлен на поприще его земных задач, и так постоянно он работает над тем, чтобы провести Землю, поскольку она является полем его деятельности, через необходимое ей развитие. Он работает над собой, чтобы при каждом воплощении он мог соответственно состоянию Земли исполнять свое служение в земной жизни. — Но это, конечно, лишь **общая** картина последовательных человеческих жизней. И действительность никогда вполне не совпадает с этой картиной, а будет всегда лишь более или менее согласовываться с ней. Иногда обстоятельства могут сложиться так, что последующая жизнь человека будет гораздо более несовершенна, чем предыдущая. Но в общем такие несоответствия и неправильности в пределах определенных границ снова сглаживаются в течение последовательно сменяющихся воплощений.

Образование духа в «стране духов» происходит благодаря тому, что человек постепенно вживается в различные области этой страны. Его собственная жизнь в постепенной последовательности сливается с этими областями; он воспринимает на время их свойства. Тем самым они проникают его существо своим существом, для того, чтобы первое, усиленное вторым, могло действовать в земном. — В первой области «страны духов» человек окружен духовными праобразами земных вещей. В течение земной жизни он ведь учатся познавать лишь тени этих праобразов, которые постигаются им в его мыслях. То, что на земле лишь **думается**, то в этой области **переживается**. Человек странствует среди мыслей; но эти мысли суть **реальные существа**. То, что в течение земной жизни он воспринял своими чувствами, то теперь действует на него в своей мыслеформе. Но мысль является не как тень, скрывающаяся за вещами, она становится полной жизни

реальностью, которая рождает вещи. Человек как бы находится в мастерской мысли, в которой образуются и формируются земные вещи. Ибо в «стране духа» все есть полная жизни деятельность и подвижность. Здесь за работой мир мыслей, как мир живых существ, творящих и образующих. Здесь видно, как **создается** то, что было пережито нами в земном бытии. Подобно тому, как в физическом теле как действительность мы переживаем чувственные вещи, так теперь, будучи духом, мы переживаем как действительность духовные образующие силы. Среди мысле-существ, которые находятся здесь, существует и мысль собственной физической телесности. Чувствуешь себя оторванным от нее. Как сопринадлежную себе ощущаешь одну лишь духовную сущность. И когда, как бы в воспоминании, мы воспринимаем сброшенное тело уже более не как физическое, а как мысле-существо, тогда наглядно наступает его сопринадлежность внешнему миру. Его учатся рассматривать как нечто, принадлежащее ко внешнему миру, как некий член этого внешнего мира. Следовательно, **свою** телесность уже больше не отделяешь от остального внешнего мира как нечто более близкое самому себе. Чувствуешь единство во всем внешнем мире, включая а него собственные телесные воплощения. Здесь собственные воплощения сливаются воедино со всем остальным миром. Итак, здесь смотришь на пробразы физическо-телесной действительности, как на единство, к которому принадлежал и сам. Благодаря этому, путем наблюдения постепенно учишься узнавать свое сродство, свое единство с окружающим миром. Учишься говорить ему: то, что простирается здесь вокруг тебя, это был ты сам. — Но это одна из основных мыслей древнеиндийской мудрости Веданты. «Мудрый» уже в течение своей земной жизни усваивает то, что другие переживают после смерти, а именно понимание мысли, что он сам находится в сродстве со всеми вещами, мысли: «это — ты». В земной жизни, это идеал, к которому может стремиться жизнь мысли: в «стране духов» это есть непосредственный факт, становящийся для нас все яснее и яснее путем духовного опыта. — И сам человек в этой стране начинает все более и более сознавать, что своим действительным существом он принадлежит к миру духов. Он воспринимает себя, как дух среди духов, как одного из членов Перводуха (Urgeist), и сам чувствует в себе Слово Перводуха: «Я есмь Перводух». (Мудрость Веданты говорит: «Я есмь Брахман», т. е. я принадлежу, как член, к тому Первосуществу, из которого происходят все существа). — Мы видим: то, что в земной жизни воспринимается как туманная мысль, и куда устремляется всякая мудрость, то в «стране духов» переживается непосредственно. **Да и думаем** мы об этом в течение земной жизни именно **потому**, что это является фактом в духовном бытии.

Таким образом, во время своего духовного бытия человек, как бы извне, с более высокой точки зрения, видит отношения и факты, среди которых он стоит в течение своей земной жизни. И в самой нижней области «страны духов» так живет он по отношению к земным соотношениям, которые непосредственно связаны с физической телесной действительностью. — На земле человек рождается в определенной семье, в определенном народе; он живет в определенной стране. Всеми этими соотношениями определяется его земное бытие. Он находит себе того или иного друга потому, что так складываются обстоятельства в физическом мире. Он занимается теми или иными делами. Все это определяет его земные условия жизни. И все это — в течение его жизни в первой области «страны духов», выступает ему навстречу, как **живое** мысле-существо. Он, в некотором роде, вновь переживает все это. Но он переживает все это с деятельно-духовной стороны. Любовь к семье, которую он проявил, дружба, которую он выказывал, оживают в нем изнутри; и его способности усиливаются в этом направлении. Крепнет то, что действует в человеческом духе как сила семейной, дружеской любви. Оттого позднее он, в этом отношении, вступает в земное существование более совершенным человеком. — В известной степени, это — повседневные отношения земной жизни, которые, подобно плодам, зреют в самой нижней области «страны духов». И то в человеке, что своими интересами целиком погружено в эти повседневные отношения, будет чувствовать свое

сродство с этой областью самую долгую часть своей духовной жизни в промежутке между двумя воплощениями. — Людей, с которыми жил в физическом мире, вновь обретают в духовном мире. Точно так же, как отпадает от души все то, что было ей свойственно благодаря физическому телу, так и связь, соединявшая в физической жизни душу с душой, освобождается от условий, имеющих значение и действие лишь в физическом мире. Но все то, чем душа была для другой души в физической жизни, продолжается и за смертью, в духовном мире. Естественно, что слова, созданные для физических соотношений, лишь неточно могут передавать, то, что происходит в духовном мире. Но поскольку принимаешь это во внимание, можно признать вполне правильным, когда говорят: те души, которые в физическом мире принадлежали друг другу, вновь находят друг друга в духовном мире, дабы там соответствующим образом продолжать свою совместную жизнь. — Следующая область есть та, в которой **всеобщая** жизнь земного мира струится как мысле-существо, как текучий элемент «страны духов». Пока мир наблюдается в физическом воплощении, жизнь является привязанной к отдельным **живым существам**. В «стране духов» она освобождена от этого и протекает, подобно крови жизни, через всю страну. Она является там живым единством, разлитым во всем. В течение земной жизни человеку является только лишь отблеск этого. И он выражается в каждой форме почитания, которое человек несет навстречу Цельности, Единству и Гармонии мира. **Религиозная** жизнь людей происходит от этого отблеска. Человеку становится ясно, насколько всеобъемлющий смысл бытия лежит не в преходящем, не в единичном. Он смотрит на это преходящее как на «подобие» и отображение вечного, гармонического Единства. С благоговением и почитанием взирает он на это Единство. Ему приносит он в дар обряды религиозного культа. — В «стране духов» является не отблеск, но истинный облик, как живое мысле-существо. Здесь человек может действительно соединиться с тем Единством, которое он чтит на земле. В этой области выступают наружу плоды религиозной жизни и всего, что связано с ней. Человек учится теперь из духовного опыта познавать, что его отдельная судьба не должна быть оторванной от общности, к которой он принадлежит. Здесь образуется способность познавать себя как члена целого. Религиозные ощущения все, что уже в жизни стремилось к чистой, благородной морали, будет, в течение большей части духовного промежуточного состояния, черпать силу из этой области. И человек воплотится вновь с возросшими способностями в этом направлении.

Между тем, как в первой области находишься вместе с душами, с которыми был связан в предыдущей физической жизни посредством самых тесных связей, возможных в физическом мире, во второй области вступаешь в область всех тех, с которыми чувствовал себя единым в более широком смысле: благодаря общему почитанию, общему исповеданию и т. д. Надо заметить, что духовные переживания предшествовавших областей остаются в силе и в последующих. Так, человек **не** отрывается от созданных семьей дружбой и т. д. связей, когда он вступает в жизнь второй области и последующих областей. — А также области «страны духов» не лежат как «отделения» **одна вне** другой; они взаимно проникают одна другую, и человек переживает себя в новой области не потому, что он, в какой-либо форме, внешне «вступил» в нее, но потому, что в самом себе он достиг внутренних способностей воспринимать то, в пределах чего он раньше был не воспринимающим.

Третья область «страны духов» содержит в себе праобразы душевного мира. Все, что живет в этом мире, является здесь как живое мысле-существо. Здесь находишь праобразы вожелений, желаний, чувств и т. д. Но здесь, в мире духа, к душевному уже не примешивается ничего от себялюбия. Так же, как во второй области вся жизнь, так в этой, третьей, области все желание, страсть, вся радость и печаль образуют одно единство. Страсть, желание других не отличаются от моей страсти, от моего желания. Ощущения и чувства всех существ составляют один общим мир, который заключает в себе и окружает

собой все остальное, так же как наша физическая воздушная сфера окружает землю. Эта область есть как бы атмосфера «страны духов». Здесь приносит свои плоды все то, что человек сделал в земной жизни в служении общности, в бескорыстной отдаче себя другим людям. Ибо благодаря этому служению, благодаря этому самопожертвованию он жил в отблеске третьей области «страны духов». Великие благодетели человечества, натуры, полные самопожертвования, те, что совершают великие подвиги на общественном поприще, приобрели свои способности в этой области, после того, как в течение предшествовавших воплощений они приобрели себе возможность особого сродства с этой областью.

Ясно, что три вышеописанные области «страны духов» стоят в известном соотношении к мирам, стоящим ниже их, к физическому и душевному миру. Ибо они содержат в себе праобразы, живые мысле-существа, которые в этих мирах получают телесное или душевное бытие. Только четвертая область уже является «чистой страной духов». Но и эта область не такова еще в полном смысле этого слова. Она отличается от трех нижних областей тем, что в них встречаются праобразы тех физических и душевных отношений, которые человек находит в физическом и душевном мирах до того, как сам он начнет работать в этих мирах. Обстоятельства повседневной жизни связаны с вещами и существами, которые человек находит в мире; преходящие вещи **этого** мира направляют его взоры к их вечной первооснове; и те его собратья по творению, которым человек посвящает свое бескорыстное чувство, явились в мир не через него. Но через него явились в мир создания искусств и наук, техники, государственности и т. д., короче, все то, что он воплощает в мире как оригинальные творения своего духа. Без его содействия в мире не было бы физических отпечатков всего этого. В четвертой области «страны духов» и находятся праобразы этих чисто человеческих творений. — Что в течение своей земной жизни человек творит в области научных изобретений, художественных идей и образов, замыслов техники, — приносит свои плоды в этой четвертой области. Из этой области поэтому черпают художники, ученые, великие изобретатели свои импульсы во время своего пребывания в «стране духов», и здесь возвышается их гений, чтобы в новом воплощении в более сильной степени содействовать дальнейшему развитию человеческой культуры. — Не следует представлять себе, что эта четвертая область «страны духов» имеет значение лишь для особо выдающихся людей. Она имеет значение для **всех** людей. Все то, что в физической жизни интересует человека сверх сферы обыденной жизни, желания и воления, имеет свой первоисточник в **этой** области. Если бы человек не проходил через нее в период между смертью и новым рождением, то в следующей жизни у него не было бы интересов к общечеловеческому, выходящих за узкий круг личной жизни. — Выше было сказано, что и эта область не может быть названа в **полном** смысле «чистой страной духов». Это происходит потому, что в духовном бытии людей играет роль также и состояние культурного развития, в котором они оставили землю. В «стране духов» они могут вкушать плоды лишь того, что они могли совершить по своим личным талантам, и сообразно степени развития народа, государства и т. д., в котором они родились.

В еще более высоких областях «страны духов» человеческий дух освобождается от всех земных оков. Он возносится в «чистую страну духов», где он переживает те замыслы и цели, которые поставил себе дух земной жизнью. Все то, что уже осуществилось в мире, дает бытие высшим целям и замыслам лишь в более или менее слабом отпечатке. Каждый кристалл, каждое дерево, каждое животное и все, осуществленное в области человеческого творчества — все это дает лишь отпечатки того, что предначертывает дух. И человек в течение своих воплощений соприкасается лишь с этими несовершенными отблесками совершенных замыслов и целей. Таким образом, в границах одного из своих воплощений сам человек может стать лишь подобным отпечатком предначертанному ему в царстве духа. То чем он сам как дух, собственно является в «стране духов», это обнаруживается поэтому

лишь тогда, когда в промежутке между двумя воплощениями он поднимается в пятую область «страны духов». То, чем он является здесь, это есть действительно он сам. Это есть то, что в многообразных воплощениях получает внешнее бытие. В этой области истинное Я человека может свободно изживаться во все стороны. И это Я (Selbst) и есть то, что как единое все вновь появляется при каждом воплощении. Это Я приносит с собой способности, образовавшиеся в нижних областях «страны духов». Следовательно, оно переносит плоды прежних жизней в жизни последующие. Это есть носитель результатов прошлых воплощений.

Итак Я (Selbst), когда оно живет в пятой области «страны духов», находится в царстве замыслов и целей. Подобно тому, как архитектор на несовершенствах, которые обнаружились у него, учится и берет для своих новых планов лишь то, что из этих несовершенств он смог превратить в совершенства, так и Я в пятой области отбрасывает из результатов своих прежних жизней все то, что связано с несовершенствами нижних миров, и оплодотворяет замыслы «страны духов», с которыми оно живет отныне, результатами своих прежних жизней. — Ясно, что сила, которую можно черпать из этой области, будет зависеть от того, насколько Я, в течение своего воплощения, приобрело себе такие результаты, которые могут быть приняты в мире замыслов. Я, которое в течение земного бытия стремилось осуществить замыслы духа путем оживленной умственной жизни или путем мудрой деятельной любви, достигает больших прав на эту область. Но то, которое было всецело поглощено повседневными отношениями, которое жило исключительно в преходящем, оно не посеяло семян, которые могут сыграть какую-нибудь роль в замыслах вечного строя Вселенной. Лишь то небольшое, выходящее за пределы повседневных интересов, что было совершено им, может раскрыться как плод в этих верхних областях «страны духов». Но не надо думать, что здесь имеется, ввиду главным образом что-либо такое, что приносит «земную славу» или что-либо подобное. Нет, важно как раз то, что и в самом небольшом круге жизни приводит к сознанию, что для вечного становления бытия все имеет свое значение. Надо привыкнуть к мысли, что в этой области человек должен судить иначе, чем он это может делать в физической жизни. Если он, например, приобрел лишь небольшое, что родственно этой пятой области, то в нем возникает стремление запечатлеть в себе для следующей физической жизни импульс, который заставляет эту жизнь протечь таким образом, что в его **судьбе** (карме) выступает соответствующее **действие** этого недостатка. То, что затем в следующей земной жизни, с точки зрения этой жизни, представляется как горестная судьба — на которую, быть может, даже сильно сетуют, в этой области «страны духов» человек находит это как вполне необходимое для него. — Так как в пятой области человек живет в своем собственном Я, то он выведен также из всего того, что в течение воплощений обволакивает его из низших миров. Он является тем, чем он всегда был и всегда будет в течение своих воплощений. Он живет во власти замыслов, заложенных в эти воплощения, которые он внедряет в свое собственное Я. Он оглядывается назад на свое собственное прошлое, и чувствует, что все, что он пережил в нем, будет вложено в замыслы, которые ему предстоит осуществить в будущем. Вспыхивает род воспоминания о своих прежних жизнях и пророческое прозрение будущих. Видишь: то, что выше было названо «Самодухом», поскольку он развит, живет в этой области в соответствующей ему действительности. Он образуется и готовится к тому, чтобы в новом воплощении для него явилась возможность осуществления духовных замыслов в земной действительности.

Если этот «Самодух» в течение ряда пребываний в «стране духов» развился настолько, что может вполне свободно двигаться в этой стране, тогда он будет все больше и больше искать здесь свою истинную родину. Жизнь в духе делается ему так же близка, как земному человеку жизнь в физической действительности. Отныне точки зрения мира духов становятся тем мериллом, которое он более или менее сознательно или бессознательно

усваивает в течение следующих земных жизней. Я (Selbst) может чувствовать себя членом божественного мирового строя. Границы и законы земной жизни не касаются его в его внутренней сути. Из духовного мира приходят к нему силы для всего, что он творит. Но духовный мир есть единство. Тот, кто живет в нем, знает, как вечное творило прошедшее; и, исходя из вечного, он может определить направление для будущего. Взгляд на прошедшее расширяется до совершенного. Человек, достигший этой ступени, сам намечает себе цели, которые он должен достигнуть в следующих воплощениях. Из «страны духов» он влияет на свое будущее для того, чтобы оно свершалось в духе истинного и духовного. Человек в течение промежуточного состояния между двумя воплощениями пребывает в присутствии всех тех высоких существ, перед очами которых Божественная Мудрость лежит без покровов. Ибо он достиг той ступени, на которой он может понимать их. В шестой области «страны духов» человек во всех своих деяниях будет проводить то, что наиболее свойственно **истинной сущности мира**. Ибо он не может искать того, что полезно ему, но лишь то, что должно случиться согласно правильному ходу мирового строя. Седьмая область страны духа ведет к границе «трех миров». Человек стоит здесь лицом к лицу с «семенами жизни» (Lebenskernen), которые из высших миров перенесены в эти три вышеописанные области, чтобы там исполнить свои задачи. Будучи на границе трех миров, человек тем самым познал себя в своем собственном «зерне жизни» (Lebenskern). Это влечет за собой для него разрешение загадки этих трех миров. Итак, он созерцает всю жизнь этих миров. В физической жизни способности души, благодаря которым она испытывает в духовном мире описанные здесь переживания, не осознаются при обыденных отношениях жизни. В ее бессознательных глубинах они работают над телесными органами, которые создают сознание физического мира. Именно это и есть причина того, что они остаются невоспринимаемыми для **этого** мира. Так, глаз не видит **себя**, потому что в нем действуют силы, которые делают видимым другое. Если хотят судить о том, насколько человеческая жизнь, протекающая между рождением и смертью, может быть результатом предшествующих земных жизней, то нужно принять во внимание, что та, лежащая в пределах самой этой жизни, точка зрения, которую естественным образом занимают в начале, не дает никакой возможности суждения. Для подобной точки зрения одна земная жизнь могла бы, например, показаться полной горю, несовершенной и т. д., между тем как именно в **этом** виде с точки зрения, лежащей **вне** самой этой жизни, она, со всем ее горем и несовершенством, должна явиться результатом прежних жизней. Благодаря вступлению на путь познания, в том смысле, как это описано в одной из следующих глав, душа освобождается от условий телесной жизни. Благодаря этому она может **в образах** воспринимать переживания, через которые она проходит между смертью и новым рождением. Подобное восприятие дает возможность описывать явления «страны духов» так, как это было сделано тут в виде наброска. Если не упускать из виду, что все настроение души в физическом теле иное, чем в чисто духовном переживании, только тогда данное здесь описание предстанет в настоящем свете.

V. ФИЗИЧЕСКИЙ МИР И ЕГО СВЯЗЬ СО СТРАНОЙ ДУШ И ДУХОВ

Образования мира душ и страны духов не могут быть объектами внешнего, чувственного восприятия. Объекты этого чувственного восприятия должны быть поставлены рядом с вышеописанными двумя мирами как третий мир. И в течение своего телесного существования человек одновременно живет в трех мирах. Он воспринимает вещи чувственного мира и воздействует на них. Образования мира душ действуют на него своими силами симпатии и антипатии; а его собственная душа своими склонностями и отвращением, своими желаниями и вожделениями вызывает волны в душевном мире. Духовная же сущность вещей отражается в его мире мыслей; и сам он, как мыслящее духовное существо, является гражданином страны духов и собратом всего, что живет в этой области мира. — Из этого следует, что чувственный мир есть лишь часть того, что окружает

человека. Из всего мира, окружающего человека, эта часть является в известной степени самостоятельной, потому что она может быть воспринята чувствами, которые оставляют в стороне душевное и духовное, принадлежащее также к этому миру. Так же, как кусок льда, плавающий на поверхности воды, есть то же самое вещество окружающей его воды, но отличается от нее некоторыми свойствами, так и чувственные предметы суть вещество окружающего их мира душ и духов; но они отличаются некоторыми свойствами, которые делают их чувственно воспринимаемыми. Они — выражаясь до некоторой степени образно — уплотненные духовные и душевные образования; и уплотнение воздействует так, что чувства могут познавать их. И так же, как лед есть лишь форма, в которой существует вода, так и чувственные вещи лишь форма, в которой существуют душевные и духовные существа. Если понять это, станет понятно и то, что подобно тому, как вода переходит в лед, так же и мир духа может переходить в мир души, а этот последний — в чувственный мир.

С этой точки зрения становится также понятно, почему человек может создавать себе мысли о чувственных вещах. Ибо существует вопрос, который должен бы ставить себе каждый мыслящий человек, а именно: в каком отношении находится мысль, которую человек создает себе о камне, к самому этому камню? У людей, которые особенно глубоко всматриваются во внешнюю природу, перед их духовными очами со всей ясностью возникает этот вопрос. Они ощущают согласие человеческого мира мыслей со строем и порядком природы. Прекрасным образом, например, говорит об этой гармонии великий астроном Кеплер: «Воистину, в мире начертан божественный призыв, властно влекущий человека к изучению астрономии; начертан, конечно, не в словах и слогах, но по существу, в силу соразмерности человеческих понятий и чувств со сцеплением небесных тел и состояний». — Лишь оттого, что вещи чувственного мира суть не что иное, как уплотненные духо-существа, человек, поднимаясь своими мыслями к этим духо-существам, может постигать в своем мышлении предметы. Чувственные вещи происходят из мира духов, они лишь иная **форма** духо-сущест; и когда человек образует себе мысль о вещах, то лишь потому, что его внутреннее отвращено от чувственной формы и направлено к духовным праобразам этих вещей. Понять мыслью вещь есть процесс, который можно сравнить с тем, в котором твердое тело предварительно расплавляется в огне для того, чтобы химик мог затем исследовать его жидкое состояние.

В различных областях страны духов проявляются духовные праобразы чувственного мира. В пятой, шестой и седьмой областях эти праобразы встречаются еще как живые зародышевые зерна; в четырех нижних областях они преобразуются в духовные образования. Когда человеческий дух хочет посредством мышления приобрести, понимание чувственных вещей, он воспринимает эти духовные образования в теновом отблеске. Каким образом эти образования уплотнились до чувственного мира, вот вопрос для того, кто стремится к духовному пониманию окружающего мира. — Прежде всего, для чувственного человеческого взора этот окружающий мир расчленяется на четыре явственно различающиеся друг от друга ступени: минеральную, растительную, животную и человеческую. Минеральное царство воспринимается чувствами и постигается мышлением. Создавая мысль о каком-нибудь минеральном теле, имеют дело с двояким: с чувственной вещью и с мыслью. Сообразно этому нужно себе представить, что эта чувственная вещь есть уплотненное мысле-существо. Но одно минеральное существо действует внешним образом на другое. Оно сталкивается с ним и приводит его в движение; оно согревает его, освещает его, растворяет и т. д. Этот внешний способ воздействия можно выразить в мыслях. Человек создает себе мысли о том, как минеральные вещи внешне закономерно воздействуют друг на друга. Благодаря этому его отдельные мысли расширяются до мыслеобраза всего минерального мира. И этот мысле-образ есть отблеск праобраза всего минерального чувственного мира. Его можно найти в духовном мире **как целое**. — В

царстве растений к внешнему воздействию одной вещи на другую присоединяются еще явления роста и размножения. Растение растет и воспроизводит существа, себе подобные. К тому, что человек встречает в минеральном царстве, здесь еще присоединяется **жизнь**. Простое размышление над этим фактом приводит к заключению, проливающим на него свет. Растение обладает силой давать самому себе **живой облик** и воспроизводить этот облик в существе, себе подобном. И посередине между бесформенным видом минеральных веществ, какими они встречаются нам в газах, в жидкостях и т. д., и живым обликом растительного мира, находятся формы кристаллов. В кристаллах мы можем искать переход от бесформенного минерального мира к живой способности творения форм в растительном царстве. — В этом внешне-чувственном процессе образования — в обоих царствах, в минеральном и растительном — надо видеть чувственное уплотнение чисто духовного процесса, который происходит, когда духовные зародыши трех верхних областей страны духов преобразуются в духо-облики нижних областей. Процессу кристаллизации, как его праобраз в духовном мире, соответствует переход от бесформенного духо-зародыша к **принявшему облик** образованию. Если этот переход уплотнится настолько, что в результате его могут воспринять чувства, тогда он является в чувственном мире как минеральный процесс кристаллизации. — Но так же и в растительной жизни есть принявший облик духо-зародыш. Но здесь в принявшем облик существе еще осталась живая способность образования формы. В кристалле духо-зародыш, при своем образовании, потерял способность формообразования. Он изжил себя в сформировавшемся облике. У растения есть облик и, кроме того, еще способность образования формы. Свойство духо-зародышей в верхних областях страны духов сохранилось в растительной жизни. Итак, растение есть облик, так же как и кристалл и, сверх того, еще формообразующая сила. Кроме формы, которую прасущества приняли в растительном облике, над ним работает еще одна форма, несущая отпечаток духо-существ из верхних областей. Но чувственно в растении воспринимается лишь то, что изживает себя в законченном облике; созидающие существа, которые дают жизненность этому облику в растительном царстве, чувственно невоспринимаемы. Чувственный глаз видит сегодня маленькую лилию и через некоторое время ее же, ставшую больше. Силы формообразования, которые произвели ее из первоначальной формы, этот глаз не видит. Это образующее сило-существо есть чувственно-невидимая деятельность (*webende*) часть в растительном мире. Духо-зародыши спустились на одну ступень ниже, чтобы действовать в царстве обликов, духовная наука может говорить об элементарных царствах. Если не имеющие никакого облика праформы (*Urformen*) обозначить как **первое элементарное царство**, то чувственно-невидимые сило-существа, работающие над ростом растений, принадлежат ко **второму элементарному царству**. — В животном мире к способностям роста и размножения присоединяются еще ощущение и влечение. Это проявления душевного мира. Существо, одаренное ими, принадлежит к этому миру, получает от него впечатления и производит на него воздействие. Каждое же ощущение, каждое вожеление, возникающие в животном существе, исходят из подоснов души животного. Облик устойчивее, чем ощущение или влечение. Можно сказать, что так же, как изменяющийся облик растения относится к неподвижной форме кристалла, относится и жизнь ощущений к более устойчивому живому облику. Растение в известной степени прорастает посредством силы, формирующей облик; в течение своей жизни оно постоянно присоединяет новые облики. Сначала оно пускает корень, затем листья, потом цветы и т. д. Животное является в законченном облике и внутри него развивает изменчивую жизнь ощущений и влечений. И эта жизнь имеет свое бытие в душевном мире. Подобно тому, как растение есть то, что растет и размножается, так животное есть то, что ощущает и развивает свои влечения. Они являются для животного тем бесформенным, что постоянно развивается в новых формах. В конечном итоге их исходные процессы формирования находятся в высших областях страны духов. Но действуют они в мире душевном. Так, в животном мире к сило-существам, которые, как чувственно-невидимые, управляют ростом и размножением, присоединяются

еще иные, которые спустились еще одной ступенью ниже в душевный мир. В животном царстве работниками, приводящими в действие ощущения и влечения, являются лишенные формы существа, которые облакаются в душевные оболочки. Они и есть истинные строители животных форм. Ту область, к которой они принадлежат, в Духовной науке можно обозначить как **третье элементарное царство**. — Человек, кроме этих, присущих растениям и животным, способностей снабжен еще и другими, дабы перерабатывать ощущения в представления и мысли и, мысля, управлять своими стремлениями. Мысль, которая в растении является как облик, в животном — как душевная сила, выступает в нем как сама мысль в своей собственной форме. Животное есть душа; человек есть дух. Духо-существо спустилось еще на одну ступень глубже. У животного оно душеобразующе. У человека оно вошло в сам чувственно-вещественный мир. Дух присутствует внутри человеческого чувственного тела. И потому, что он является в чувственной одежде, он может проявляться лишь как тот призрачный отблеск, каким является мысль по отношению к духо-существу. В человеке дух проявляется благодаря физическому организму мозга. — Но зато дух сделался также внутренней сущностью человека. Мысль есть форма, принимаемая в человеке бесформенным духо-существом, подобно тому, как в растении оно принимает облик, а в животном становится душой. Поэтому для человека, поскольку он есть мыслящее существо, нет особого, лежащего вовне, создающего его элементарного царства. Его элементарное царство работает в его чувственном теле. Лишь поскольку человек является существом, обладающим обликом и ощущением, над ним работают элементарные существа того же рода, как те, которые работают над растениями и животными. Но организм мысли вырабатывается в человеке из самой внутренней глубины его физического тела. В духовном организме человека, в его выработанной до степени совершенного мозга нервной системе, мы чувственно-наглядно имеем перед собой то, что работает в растениях и животных как внечувственное сило-существо. Это причина того, что в животном проявляется самочувствие, а в человеке — самосознание. В животном дух чувствует себя душой; он еще не постигает себя как дух. В человеке же дух познает себя как дух, хотя — познавая через физические условия — только как теневой отблеск духа, как мысль. В этом смысле тройственный мир расчленяется следующим образом:

1. Царство первообразных, лишенных формы существ (первое элементарное царство);
2. Царство существ, творящих облики (второе элементарное царство);
3. Царство душевных существ (третье элементарное царство);
4. Царство созданных обликов (облики кристаллов);
5. Царство, которое становится чувственно воспринимаемым в обликах, но над которым работают существа, творящие облики (царство растений);
6. Царство, которое становится чувственно воспринимаемым в обликах, но в котором, кроме того, действуют еще существа творящие облики и изживающие себя душевно (животное царство) и
7. Царство, в котором облики чувственно-воспринимаемы, в котором действуют и существа, творящие облики, и изживающие себя душевно, и в котором сам дух образуется в форме мысли внутри чувственного мира (царство человеческое).

Отсюда можно видеть, как связаны с духовным миром основные составные части живущего во плоти человека. Физическое тело, эфирное тело, ощущающее душевное тело и душу рассудочную надо рассматривать, как уплотнившиеся в чувственном мире праобразы страны духов. Физическое тело возникает оттого, что праобраз человека уплотняется настолько, что может проявляться чувственно. Согласно этому, физическое тело можно также назвать существом первого элементарного царства, которое уплотнилось настолько, что стало доступным чувственному восприятию. Эфирное тело возникает благодаря тому, что этот возникший вышеописанным образом облик сохраняется подвижным благодаря

существу, которое простирает свою деятельность в чувственное царство, но само не может быть воспринято чувственно. Если бы мы захотели вполне определить это существо, то должны были бы сказать, что, прежде всего, оно берет свое начало из высших областей страны духов и затем во второй области преобразуется в праобраз жизни. Как праобраз жизни, оно действует в чувственном мире. Подобным же образом существо, которое строит ощущающее душевное тело, берет свое начало в высших областях страны духов, в третьей его области преобразуется в праобраз душевного мира и, как таковой, действует в чувственном мире. Душа же рассудочная образуется оттого, что праобраз мыслящего человека в четвертой области страны духов преобразуется в мысль и, в качестве таковой, непосредственно, как мыслящее существо действует в чувственном мире. — Таково место, занимаемое человеком в чувственном мире; так работает дух над его физическим телом, над его эфирным телом и над его ощущающим душевным телом. Так проявляется этот дух в душе рассудочной. — Итак, над тремя низшими членами человека работают и праобразы в форме существ, которые, в известном смысле, являются по отношению к нему внешними; в своей душе рассудочной он сам становится (сознательным) работником над самим собой. — И существа, которые работают над физическим телом, те же, что образуют и минеральную природу. Над его эфирным телом работают существа того же рода, как и в царстве растений; над его ощущающим душевным телом — подобные тем, которые чувственно невоспринимаемыми живут в животном царстве, но деятельность которых простирается на эти царства.

Так действуют сообща различные миры. Мир, в котором живет человек, есть выражение этой совместной работы.

При таком понимании чувственного мира таким образом открывается также и понимание существ иного рода, чем те, которые имеют свое бытие в описанных выше четырех царствах природы. Как пример таких существ, возьмем то, что называется духом народа (национальным духом). Он не проявляется непосредственно, чувственным образом. Он изживается в ощущениях, чувствах, склонностях и т. д., которые можно наблюдать как общие в пределах одного народа. Он есть существо, которое не воплощается чувственно, но подобно тому, как человек образует свое тело чувственно-воспринимаемым, так это существо образует свое тело из вещества душевного мира. Это душевное тело духа народа подобно облаку, в котором обитают члены народа, влияния которого проявляются в душах данных людей, но которое происходит не из самих этих душ. Тот, кто представляет себе дух народа не таким образом, для того он остается абстрактным мыслеобразом, без жизни и содержания, пустой абстракцией. — Подобное же можно было бы сказать и относительно того, что мы называем духом времени. Так наш духовный взор распространяется на многообразие иных, низших и высших существ, которые живут в окружающем человека мире, но не могут быть восприняты им чувственно. Обладающие же способностью духовного зрения могут воспринимать таких существ и могут их описывать. К низшим видам таких существ принадлежат все те, которых воспринимающие духовный мир называют саламандрами, сильфами, ундинами, гномами. Казалось бы, нет надобности говорить, что такие описания не могут приниматься за **отображение** лежащей в их основании действительности. Будь они таковыми, то подразумеваемый под ними мир был бы вовсе не духовный, но грубо-чувственный. Они есть наглядное пояснение духовной действительности, изобразить которую возможно именно лишь таким образом через подобия. Когда тот, кто доверяет лишь одному чувственному зрению, относится к этим существам как к порождению дикой фантазии и суеверия, то это вполне понятно. Для чувственного глаза, конечно, они никогда не могут стать видимыми, ибо у них нет чувственного тела. Суеверие заключается вовсе не в том, что таких существ считают

действительностью, а в том, что думают, что они проявляются чувственным образом. Существа подобного рода участвуют в строении мира, и с ними встречаешься тотчас же, как только вступаешь в высшие мировые области, закрытые для телесных чувств. — Суеверен не тот, кто видит в таких описаниях образы духовных реальностей, но тот, кто верит в чувственное бытие образов, а также тот, кто отвергает дух потому, что считает себя вынужденным отвергнуть чувственный образ. Надо упомянуть также и о тех существах, которые не нисходят до мира душ, но оболочка которых соткана лишь из образований страны духов. Человек воспринимает их, становится им сопричастен, когда он раскрывает для них духовное зрение и духовный слух. Благодаря такому раскрытию для человека становится понятным многое из того, что без этого он мог лишь созерцать, не понимая. Вокруг него становится светло; он видит причины того, что в чувственном мире отражается, как следствия. Он понимает то, что без этого духовного зрения он или совсем бы отрицал, или же по отношению к этому он принужден был бы удовольствоваться изречением: «На небе и земле есть многое, о чем не снилось вашей школьной мудрости». Люди, воспринимающие тоньше — в духовном смысле — начинают становиться беспокойными, когда предчувствуют вокруг себя иной, чем чувственный, мир, смутно воспринимают его и принуждены двигаться в нем ощупью, словно слепой среди видимых предметов. Лишь ясное познание этих высших областей бытия, полное понимания проникновение в то, что в них происходит, может действительно укрепить человека и привести его к его истинному назначению. Благодаря пониманию того, что скрыто для чувств, человек расширяет свое существо так, что свою жизнь до этого расширения он ощущает как «сновидения о виде».

VI. О МЫСЛЕФОРМАХ И О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АУРЕ

Было сказано, что создания каждого из трех миров становятся реальностью для человека лишь тогда, когда у него есть способности или органы для их восприятия. Известные явления в пространстве человек воспринимает как световые явления лишь потому, что у него есть хорошо устроенный глаз. В какой мере то, что действительно есть, может раскрыться для данного существа, это зависит от его способности восприятия. Поэтому человек никогда не должен говорить: реально лишь то, что я могу воспринять. Может быть реальным многое, для восприятия чего у него отсутствуют органы восприятия. — Мир душ и страна духов так же реальны, даже в гораздо более высоком смысле реальны, чем чувственный мир. Правда, никакой чувственный глаз не может увидеть чувства, представления, однако они реальны. И так же, как при посредстве своих внешних чувств человек, как восприятие, имеет перед собой телесный мир, так для его духовных органов становятся восприятиями чувства, порывы, инстинкты, мысли и т. д. Точно так же, как, например, пространственные явления могут быть восприняты чувственным глазом как цветные явления, так и вышеупомянутые душевные и духовные явления могут благодаря внутренним чувствам стать восприятиями, аналогичными чувственным цветным явлениям. Вполне понять, в каком смысле это сказано, может впрочем лишь тот, кто стал на описанный в последующей главе путь познания, и благодаря этому развил в себе свои внутренние чувства. Для него становятся сверхчувственно видимыми душевные явления в окружающем его душевном мире и духовные явления в духовной области. Чувства, которые он переживает в другом существе, для него излучаются от чувствующего существа словно световые явления; мысли, на которые он обращает свое внимание, подобны волнам в духовном пространстве. Для него мысль человека, относящаяся к другому человеку, не является чем-то невоспринимаемым, но является воспринимаемым процессом (Vorgang). Содержание мысли, как таковое, живет **только** в душе мыслящего; но в духовном мире это содержание вызывает воздействия. **Эти воздействия** являются для духовного взора воспринимаемым процессом. Как действительная реальность, струится мысль от одного человеческого существа, устремляясь к другому. И то, как эта мысль воздействует на

другого, переживается в духовном мире, как воспринимаемое явление. Таким образом, для того, чьи духовные чувства открыты, физически воспринимаемый человек есть лишь часть всего человека. Этот физический человек становится средоточием душевных и духовных излияний. Можно лишь дать намек на тот богатый, разнообразный мир, который раскрывается здесь перед видящим. Например, человеческая мысль, которая иначе живет лишь в мыслительном понимании слушающего, является как духовно воспринимаемое, красочное явление. Его окраска соответствует характеру мысли. Мысль, которая возникает из чувственного порыва человека, имеет иную окраску, чем мысль, направленная на служение чистому познанию, благородной красоте или вечному добру. В красных цветовых оттенках проносятся через мир душ мысли, порождаемые чувственной жизнью*. В прекрасном светло-желтом цвете является мысль, которой мыслитель поднимается к высшему познанию. Дивным, розово-алым сияет мысль, исходящая из полной самоотвержения любви. Как содержание мысли, так и большая или меньшая ее определенность находят выражение в ее сверхчувственной форме проявления. Точная мысль мыслителя является, как образование с определенными очертаниями; спутанное представление выступает как расплывчатое, облачное образование.

И душевное и духовное существо человека является, таким образом, как сверхчувственная часть **всего** человеческого существа.

Воспринимаемые «духовным» оком сияющие вокруг физического человека и обволакивающие его наподобие облака (как бы в форме яйца) красочные явления есть **человеческая аура**. Величина этой ауры различна у различных людей. Но все же — в среднем — можно представить, что **весь** человек вдвое длиннее и в четыре раза шире, чем физический человек.

В ауре волнуются самые разнообразные оттенки цветов. И это волнообразное движение есть верное изображение внутренней жизни человека. Отдельные цветовые оттенки так же изменчивы, как она. Но известные пребывающие свойства: таланты, привычки, свойства характера также выражаются в пребывающих основных красочных тонах.

У людей, которые пока еще далеки от переживаний «пути познания», описанного в последующей главе этой книги, могут возникать недоразумения о сущности того, что описано здесь как «аура». Можно представить себе, будто описанное здесь как «цвета», находится перед душой так же, как физический цвет пред глазом. Но подобный «душевный цвет» был бы ни чем иным как галлюцинацией. Духовная наука не имеет ничего общего с галлюцинациями. И во всяком случае не **они** подразумеваются в данном здесь описании. К верному представлению приходят, когда имеют в виду следующее. В **физическом цвете душа переживает** не только чувственное впечатление, но в нем есть и **душевное переживание**. Это душевное переживание иное, когда душа — через глаз — воспринимает желтую, иное, когда она воспринимает синюю поверхность. Назовем это переживание «жизнью в желтом» или «жизнью в синем». Теперь душа, которая вступила на путь познания, испытывает подобные «переживание в желтом» по отношению к активным душевным переживаниям других существ; «переживание в синем» — по отношению к самоотверженным душевным настроениям. Существенно не то, что «видящий», когда он представляет себе другую душу, так же видит «синее», как он видит это «синее» в физическом мире, но что он имеет переживание, которое дает ему право назвать представление «синим», подобно тому, как физический человек называет «синим»,

* Данные здесь объяснения, естественно, подвергнутся сильнейшим недоразумениям. Поэтому в этом новом издании необходимо в конце совсем кратко вернуться к ним в отдельном примечании. (Сравн. с помещенными в конце книги отдельными примечаниями и дополнениями).

например, занавес. И далее **существенно**, что «видящий» сознает, что этим своим переживанием он находится в переживании, свободном от телесного, так что получает возможность говорить о ценности и о значении жизни души в мире, восприятие которого **не** передается посредством человеческого тела. Если и надо непременно сообразоваться с этим смыслом изложения, то все же для «видящего» является само собой разумеющимся говорить о «синем», «желтом», «зеленом» и т. д. в «ауре».

Аура бывает очень различна, сообразно различным темпераментам и душевным задаткам людей; а также различна сообразно степеням духовного развития. У человека, который всецело предается своим животным побуждениям, совсем иная аура, чем у того, кто много живет мыслью. Существенно различается аура религиозно настроенной природы от ауры такой, которая всецело отдается обыденным переживаниям дня. Сверх того, в ауре находят свое выражение все сменяющиеся настроения, все склонности, радости и горести.

Чтобы научиться понимать значение цветовых оттенков, необходимо сравнить друг с другом ауры душевных переживаний различного рода. Возьмем сначала душевные переживания, проникнутые сильно выраженными аффектами. Их можно разделить на два различных рода, на такие, при которых душу к этим аффектам влечет преимущественно животная природа, и на такие, которые принимают более утонченную форму, так сказать, находятся под сильным влиянием размышления. При переживаниях первого рода ауру в определенных местах пронизывают преимущественно коричневые и красновато-желтые цветовые потоки всех оттенков. При переживаниях с более утонченными аффектами в тех же местах ауры проступают оттенки более светлого красно-желтого и зеленого цветов. Можно заметить, что по мере усиления интеллекта все чаще появляются зеленые цвета. Люди очень умные, но занятые всецело удовлетворением своих животных побуждений, обнаруживают много зеленого цвета в своей ауре. Но этот зеленый цвет будет всегда в большей или меньшей степени иметь налет коричневого или коричнево-красного цвета. У неинтеллигентных людей большая часть их ауры пронизана коричнево-красными, или даже темно-крово-красными потоками.

Существенно иной, чем при таких состояниях аффекта, является аура при спокойном, взвешивающем, вдумчивом душевном настроении. Коричневые и красноватые тона отступают, и наружу выступают различные оттенки зеленого. При напряженном мышлении аура имеет успокоительно действующий зеленый основной тон. Так выглядят преимущественно те природы, о которых можно сказать: они не теряются ни при каких жизненных обстоятельствах.

При самоотверженных душевных настроениях выступают синие красочные тона. Чем больше жертвует человек своим Я для служения какому-нибудь делу, тем значительнее становятся синие тона. Здесь тоже встречаются два совсем различных рода людей. Есть природы, которые не привыкли развертывать свою силу мышления, пассивные души, которые как бы не имеют ничего, что они могли бы бросить в поток мировых событий, кроме своего «доброе чувства». Их аура сияет прекрасным синим цветом. Такова же она и у многих самоотверженных религиозных натур. Подобную же ауру имеют сострадательные души и те, кто охотно проводит жизнь в благотворительности. Если же эти люди сверх того еще и интеллигентны, тогда чередуются синие и зеленые потоки или же синее само принимает зеленоватый оттенок. Отличительное свойство активных душ, в противоположность пассивным, состоит в том, что их синева изнутри наружу пронизана светлыми тонами. Изобретательные природы, которые имеют плодотворные мысли, излучают, точно из некоторого его внутреннего центра, светлые красочные тона. В высокой степени это наблюдается у тех личностей, которых называют «мудрыми», и именно у тех, которые исполнены плодотворных идей. Вообще все, что указывает на духовную

активность, имеет скорее вид лучей, распространяющихся изнутри, тогда как все, что берет начало из животной жизни, имеет форму неправильных облаков, которые проходят сквозь ауру.

Сообразно тому, служат ли представления, исходящие из активности души, своим собственным животным порывам, или идеальным деятельным (sachlicher) интересам — соответствующие аурические образования проявляют различные тона. Изобретательная голова, все свои мысли направляющая на удовлетворение своих чувственных страстей, являет темно-иссиня-красные оттенки; напротив, та, что бескорыстно отдает свои мысли интересам дела — дает светло-красно-синие цвета. Жизнь в духе, сопутствуемая благородной самоотверженностью и способностью самопожертвования, сказывается розово-красными или светло-фиолетовыми цветами.

Но не только основное настроение души, но и мимолетные аффекты, настроения и иные внутренние переживания проявляют в ауре свои цветковые волны. Внезапный взрыв сильного гнева порождает красные волны; оскорбленное чувство чести, которое проявляется во внезапном возмущении, можно воспринять в виде темно-зеленых облаков. — Но цветковые явления возникают не только в виде неправильных облачных образований, они проявляются также в виде определенно очерченных, правильно сформированных фигур. Например, замеченный у человека приступ страха виден в его ауре сверху донизу, как волнистые полосы синего цвета с красновато-синим отсветом. У лица, в котором заметно напряженное ожидание какого-нибудь события, можно видеть беспрестанно проходящие в ауре красно-синие полосы в виде радиусов, идущих изнутри наружу.

При наличии точного духовного восприятия заметно каждое ощущение, приходящее к человеку извне. В ауре людей, которые сильно волнуются от каждого внешнего впечатления, постоянно вспыхивают маленькие красновато-синие точки и пятнышки. У людей, не обладающих живостью чувства, эти пятнышки имеют оранжево-желтую или же красивую желтую окраску. Так называемая «рассеянность» выявляется в синеватых, переходящих в зеленое пятнах более или менее изменчивой формы.

Для более высокоразвитого «духовного видения», в этой лучащейся вокруг человека и омывающей (umflutend) его «ауре» различимы три рода цветковых явлений. Сначала здесь видны такие цвета, которые более или менее носят характер непроницаемости и тусклости. Однако если мы станем сравнивать эти краски с теми, которые видит наш физический глаз, эти краски покажутся скользкими и прозрачными. Внутри же самого сверхчувственного мира они делают заполняемое ими пространство сравнительно непроницаемым; они заполняют его как бы туманными образованиями. — Второй род цветов, это те, которые как бы всецело являются светом. Они просветляют пространство, которое они заполняют. Благодаря им это пространство само становится световым пространством. Цветные явления третьего рода совершенно отличны от двух предыдущих. А именно, они имеют сияющий, сверкающий, искрящийся характер. Они не просто пронизывают сиянием пространство, ими заполняемое, они заливают его лучами и сиянием. В этих цветах есть нечто деятельное, в самом себе подвижное. Другие имеют нечто в самом себе спокойное, лишенное блеска. Эти же, напротив, как бы постоянно рождаются вновь из самих себя. — Первые два рода красок как бы заполняют пространство тонкой жидкостью, которая спокойно в нем пребывает; третий заполняет его постоянно воспламеняющейся жизнью, неустанным движением.

Эти три рода красок не расположены в человеческой ауре непременно одна возле другой, они не находятся исключительно в отделенных друг от друга частях пространства; но они

пронизывают друг друга самым разнообразным способом. В одном месте ауры можно видеть все три рода красок, перемешивающихся друг с другом, как возможно одновременно видеть и слушать какое-нибудь физическое тело, например, колокол. Оттого аура становится необычайно сложным явлением. Ибо, собственно говоря, приходится иметь дело с тремя находящимися одна внутри другой, проникающими одна другую аурами. Но в этом можно разобраться, если попеременно устремлять свое внимание на одну из этих трех аур. При этом в сверхчувственном мире делают нечто подобное тому, как, например, в чувственном мире закрывают глаза, чтобы вполне отдаться впечатлению музыкального произведения. «Видящий» соответственно имеет три рода органов для трех родов цветов. И для того, чтобы наблюдать без помехи, он может открывать для впечатлений один или другой род органов и закрывать остальные. — У «видящего» может быть вообще сперва развит лишь один род органов для восприятия цветов первого рода. Тогда он может увидеть лишь одну ауру; две другие остаются для него невидимыми. Точно так же кто-нибудь может обладать способностью восприятия первых двух родов, третьего же не воспринимает совсем.— Более высокая ступень «дара ясновидения» состоит в том, что человек может наблюдать все три ауры и, в целях изучения, направлять свое внимание попеременно на одну или другую.

Троякая аура есть сверхчувственно видимое выражение существа человека. В ней находят свое выражение три члена: тело, душа и дух.

Первая аура есть зеркальное отражение влияния, которое оказывает на душу человека тело; вторая обозначает собой собственную жизнь души, которая поднялась над тем, что непосредственно возбуждает чувство, но еще не посвятила себя служению вечному; третья отражает в себе то господство, которое приобрел над преходящим человеком вечный дух. Когда, — как здесь, — даются описания ауры, то нужно отметить, что эти вещи трудны не только для наблюдения, но, главным образом, для описания. Поэтому никто не должен в этих описаниях видеть что-либо иное, кроме **побуждения**.

Таким образом, особенность душевной жизни выражается для «видящего» в свойствах ауры. Если ему встречается душевная жизнь, которая всецело предана преходящим чувственным порывам, вожделениям и мгновенным внешним возбуждениям, тогда он видит первую ауру в самых кричащих красочных тонах; напротив, вторая лишь слабо выражена. В ней видны лишь скудные красочные образования; третья же едва намечена. Лишь то там, то здесь появляется сверкающая цветовая искорка, указывающая, что и при таком душевном настроении в человеке живет вечное, как задаток, но, что оно оттесняется вышеуказанным влиянием чувственного. — Чем больше человек отстраняет от себя свою преданную порывам натуру, тем менее навязчивой становится первая часть ауры. Вторая часть ауры все более и более увеличивается и все совершеннее наполняет своей сияющей силой цветное тело, внутри которого обитает физический человек. А по мере того, как человек становится все больше «служителем вечного», проявляется дивная третья аура, та часть, которая свидетельствует о том, в какой мере человек является гражданином духовного мира. Ибо Божественное Я излучается через эту часть человеческой ауры в земной мир. Поскольку люди являют эту ауру, постольку они — светочи, посредством которых Божество освещает этот мир. Этой частью ауры они показывают, насколько они научились жить не для себя, но для вечной истины, благородной красоты и добра; насколько победой над своим ограниченным «Я» они достигли возможности принести себя в жертву на алтарь великой мировой деятельности.

Так отражается в ауре то, что сделал из себя человек в течение своих воплощений.

Во всех трех частях ауры находятся цвета самых разнообразных оттенков. Но характер этих оттенков меняется сообразно степени развития человека. — В первой части ауры можно видеть неразвитую жизнь инстинктов во всех оттенках от красного до синего. Тут эти оттенки имеют мутный, неясный характер. Навязчиво-красные оттенки указывают на чувственные вожеления, на плотские похоти, на жажду наслаждения нѣба и желудка. Зеленые оттенки заметны здесь преимущественно у тех низших натур, которые склонны к тупости, к равнодушию, которые жадно предаются каждому наслаждению, но все же боятся усилий, необходимых для их удовлетворения. Там, где страсти сильно стремятся к какой-либо цели, для достижения которой еще не хватает приобретенных способностей, выступают коричневато-зеленые и желтовато-зеленые аурические цвета. Некоторые условия современной жизни особенно способствуют развитию ауры именно этого рода.

Личное чувство самости, корнящееся всецело в низших влечениях и представляющее, таким образом, самую низшую ступень эгоизма, выражается в мутно-желтых, вплоть до коричневого, оттенках. Но ясно, что и преданная инстинктам животная жизнь тоже может принимать радостный характер. Существует чисто природная способность к самопожертвованию, уже в высокой степени встречающаяся в животном царстве. В природной материнской любви это проявление животного инстинкта находит свое прекраснейшее завершение. Эти самоотверженные природные порывы выражаются в первой ауре в светло-красноватых до розово-красных цветовых оттенках. Малодушный страх, пугливость перед чувственными впечатлениями проявляются в ауре коричнево-синими или серо-синими цветами.

Вторая аура обнаруживает опять-таки самые различные цветовые градации. Образования коричневого и оранжевого цвета указывают на сильно развитое чувство самости, гордость и честолюбие. Также и любопытство выражается в красно-желтых пятнах. Светлый желтый цвет отражает ясное мышление и интеллигентность; зеленый служит выражением понимания жизни и мира. Дети, которые легко схватывают, имеют много зеленого в этой части своей ауры. Хорошая память выявляется во второй ауре «зелено-желтым». Розово-красный цвет указывает на благожелательное, исполненное любви существо; синий — знак благочестия. Чем больше благочестие приближается к религиозному углублению, тем больше синее переходит в фиолетовое. Идеализм и серьезное отношение к жизни, в высшем значении этого слова, видимы как индиго синий цвет.

Основные цвета третьей ауры суть желтый, зеленый и синий. Светло-**желтое** проявляется, когда мышление исполнено высоких, всеобъемлющих идей, познающих частное исходя из целого божественного порядка мироздания. Когда мышление интуитивно и совершенно очищено от чувственных представлений, это желтое имеет золотистый отблеск. **Зеленое** выражает любовь ко всем существам; **синее** есть знак самоотверженного самопожертвования ради всех существ. Если эта способность к самопожертвованию вырастает до сильной воли, выражающейся в деятельном служении миру, тогда синее просветляется до светло-фиолетового. Если, несмотря на высокоразвитую душевную сущность, как последние остатки личного эгоизма, еще остаются гордость и честолюбие, рядом с желтыми оттенками появляются такие, которые переходят в оранжевый. — Надо заметить еще, что в **этой** части ауры цвета очень отличны от тех оттенков, которые человек привык видеть в чувственном мире. Здесь «видящему» являются такая красота и величие, с которыми не сравнимо ничто в обыкновенном мире. — Об этом описании «ауры» не может верно судить тот, кто не полагает главной ценности в том, что под «**видением ауры**» подразумевается **расширение** и **обогащение** того, что воспринято в физическом мире. Расширение, цель которого познать ту форму жизни души, которая имеет духовную реальность и вне чувственного мира. Это описание не имеет **ничего** общего с истолкованием характера или мыслей человека, исходящим из ауры, воспринятой как

галлюцинация. Он хочет расширить **познание** в сторону духовного мира и не хочет иметь ничего общего с сомнительным искусством толкования человеческих душ на основании их аур.

Путь познания

Познания в области духовной науки, о которой говорится в этой книге, может достичь **каждый**. Описания, подобные тем, что даются в этой книге, рисуют мыслительный образ высших миров. И в известном отношении они являются **первым шагом** к самостоятельному созерцанию. Ибо человек является мыслящим существом. И он может найти свой путь познания лишь тогда, когда он исходит из мышления. Когда его разуму дается картина высших миров, она не остается для него бесплодной даже в том случае, если в начале это лишь как бы повествование о высших фактах, созерцание которых еще не доступно его собственному зрению. Ибо мысли, которые даются ему, сами по себе представляют силу, которая продолжает действовать в мире его мыслей. Эта сила будет действовать в нем; она пробудит дремлющие задатки. Тот, кто думает, что излишне предаваться созерцанию подобного мыслительного образа, заблуждается. Ибо он видит в мысли лишь несущественное, абстрактное. Но в основе мысли лежит живая сила. И как для того, кто обладает познанием, она является непосредственным выражением того, что созерцаемо в духе, так в том, кому она сообщается, она действует как **зародыш**, рождающий из себя плод познания. Кто, пренебрегая работой мышления, захотел бы ради высшего познания обратиться к иным силам в человеке, тот упустил бы из виду, что именно мышление есть высшая из способностей, которыми обладает человек в чувственном мире. Итак, тому, кто спрашивает: как приобрету я сам высшие познания в духовной науке?, — надо ответить: прежде всего, изучай их по сообщениям других людей. И если он возразит: я хочу видеть сам, я не хочу ничего знать о том, что видели другие, на это ему надо ответить: именно в усвоении сообщений других и заключается первая ступень к собственному познанию. На это можно сказать но ведь тогда я вынужден сначала слепо верить. Но при сообщении дело идет вовсе не о вере или неверии, а лишь о непредвзятом принятии того, что слышат. Истинный духоиспытатель (Geistesforscher) никогда не говорит с ожиданием, что к нему отнесутся со слепой верой. Он всегда только имеет в виду: я пережил это в духовных областях бытия и я рассказываю об этих своих переживаниях. Но он знает также, что для другого человека восприятие этих переживаний и воздействие рассказанного на его мысли являются живыми силами для духовного развития.

То, о чем идет здесь речь, лишь тот увидит правильно, кто примет во внимание, как всякое знание о душевных и духовных мирах покоится в подосновах человеческой души. Вскрыто оно может быть через «путь познания». «Принять» же можно не только то, что открыто самим, но также и то, что открыто из душевных основ другим. Даже тогда, когда сам еще ничего не сделал для вступления на путь познания. Правильное духовное принятие пробуждает в незамутненном предрассудками уме (gemut) силу понимания. Бессознательное знание отзывается на духовный факт, найденный другим. И этот отзыв не есть слепая вера, но правильное проявление здорового человеческого рассудка. В этом здоровом понимании следовало бы видеть значительно лучший исходный пункт к самостоятельному познанию духовного мира, нежели в сомнительных мистических «погружениях» и т. п., в чем часто полагают обрести нечто лучшее, чем в том, что может признать здоровый человеческий рассудок, когда ему предлагается это подлинным духовным исследованием.

Невозможно переоценить то, насколько для желающего развить в себе высшие познавательные способности необходимо пройти через самую строгую работу мысли. Это

следует подчеркнуть тем более настоятельно, что многие люди, желающие стать «видящими», как раз слишком низко ценят эту серьезную и самоотверженную работу мышления. Они говорят: не может же мне помочь «мышление»; все дело в «ощущении», в «чувстве» или в чем-либо подобном. На это следует возразить, что **никто** не может стать «видящим» в высшем смысле (т. е. по настоящему), кто перед этим не вработался в жизнь мысли. У многих неблагоприятную роль играет здесь известное внутреннее удобство. Они сами не сознают этого удобства, так как оно облекается в презрение к «абстрактному мышлению», к «праздной спекуляции» и т. д. Но как раз тогда и не ценят мышления, когда смешивают его с праздными, абстрактными измышлениями. Подобное «абстрактное мышление» легко способно убить сверхчувственное познание; мышление, исполненное жизни, может стать для него основой. Конечно было бы гораздо удобнее, если бы было возможно достигнуть высшего дара видения, избегая работы мысли. Этого как раз и желали бы многие. Но здесь нужна внутренняя твердость, душевная уверенность, к которым может привести только мышление. Иначе является лишь бесцельное мелькание и вспыхивание образов, сбивчивая душевная игра, которая хотя и может кому-нибудь доставить наслаждение, но не имеет никакого отношения к действительному проникновению в высшие миры. — Если мы дальше обсудим, какие чисто духовные переживания происходят в человеке, который действительно вступает в высший мир, то мы поймем также, что тут есть еще и другое. «Видящий» должен в душевной жизни обладать абсолютным **здоровьем**. И нет лучшего ухода за этим здоровьем, чем подлинное мышление. Это здоровье может даже серьезно пострадать, если упражнения для высшего развития не будут построены на мышлении. Как верно то, что здраво и правильно мыслящего человека дар ясновидения сделает еще здоровее, еще приспособленнее к жизни, чем он является без него, так же верно и то, что всякое желание развиваться при боязни усиления мысли, всякая мечтательность в этой области способствует фантазерству, а также неправильному отношению к жизни. Кто будет стремиться к высшему познанию при соблюдении сказанного здесь, тому нечего бояться; но оно допустимо только при этом условии. Это условие имеет дело только с душой и духом человека; говорить при этом о вредном в каком-либо отношении влиянии на телесное здоровье — абсурд.

Необоснованное неверие во всяком случае является вредным. Ибо в воспринимающем оно действует, как отталкивающая сила. Оно мешает ему воспринимать оплодотворяющие мысли. Для раскрытия высших чувств требуется не слепая вера, но это восприятие мира мысли духовной науки. Духоиспытатель подходит к ученику с требованием: **не верить** должен ты тому, что я говорю тебе, а **мыслить** это, сделать это содержанием твоего собственного мира мысли, тогда мои мысли уже сами будут действовать в тебе так, что ты познаешь их в их истине. Таков подход духоиспытателя. Он дает толчок, сила же истинного понимания поднимается из собственной глубины воспринимающего. И надо искать духовнонаучные наблюдения в этом смысле. Тот, кто твердо решил погрузиться в них своим мышлением, может быть уверен, что рано или поздно они приведут его к собственному созерцанию.

Уже в сказанном намечается первое свойство, которое должен развить в себе тот, кто хочет придти к собственному созерцанию высших фактов. Это есть **беззаветная, непредвзятая отдача** тому, что раскрывает человеческая жизнь или же находящийся вне человека мир. Тот, кто к какому-либо явлению мира подходит с суждением, взятым из своей прежней жизни, отгораживает себя таким суждением от спокойного всестороннего влияния, которое могло бы оказать на него это явление. Учащийся должен уметь в каждый момент стать совершенно пустым сосудом, в который вливается чуждый мир. Мгновениями познания являются лишь те мгновения, когда молчит всякое суждение, всякая критика, исходящая от нас. Например, когда мы встречаемся с человеком, дело вовсе не в том, мудрее ли мы его. И самое неразумное дитя может открыть нечто величайшему из мудрецов. И когда он со

своим, премудрым суждением подходит к ребенку, тогда его мудрость, словно мутное стекло, встает перед тем, что должно ему открыть дитя*. Для этой отдачи откровениям чуждого мира необходима полная внутренняя самоотрешенность. И когда человек начинает испытывать себя, до какой степени обладает он этой отдачей, он придет к удивительным открытиям в самом себе. Тот, кто хочет вступить на путь высшего познания, должен упражняться в том, чтобы в любой момент уметь погасить себя, со всеми своими предубеждениями. И пока он погашает себя, в него вливается иное. Лишь высокая степень такой самоотрешенной отдачи делает способным к восприятию высших духовных фактов, которые повсюду окружают человека. Можно целеустремленно воспитать в себе эту способность. Например, стараться воздержаться от всякого суждения об окружающих людях. Погасить в себе мерило привлекающего и отталкивающего, глупого и умного, которое привык прилагать, и попытаться без этого масштаба понимать людей только из них самих. Лучше упражнения проделывать среди людей, к которым питаешь отвращение. Нужно попытаться насильно побороть это отвращение и предоставить непредвзято влиять на себя тому, что они делают. — Или же когда находишься в обстановке, которая вызывает то или иное суждение, то побороть суждение и непредвзято отдаться впечатлениям†. — Надо предоставить вещам и событиям больше говорить **о себе**, чем самому говорить о них. И надо распространить это также и на свой мир мысли. Побороть **в себе** то, что образует ту или другую мысль, и предоставить вызывать мысли только тому, что находится вовне. — Лишь когда подобные упражнения производятся со священной серьезностью и настойчивостью, они приводят к высшей цели познания. Тот, кто не придает значения этим упражнениям, ничего не знает об их ценности. Тот же, у кого есть опыт в подобных вещах, знает, что отдача и непредвзятость суть действительные источники силы. Подобно тому как тепло, собранное в паровом котле, преобразуется в двигающую силу локомотива, так упражнения в самоотрешенной духовной отдаче претворяются в человеке в силу зрения в духовных мирах.

Благодаря этому упражнению, человек делает себя способным к восприятию всего того, что его окружает. Но к этой способности восприятия должна присоединиться верная оценка. Пока человек еще склонен переоценивать самого себя в ущерб окружающему миру, до тех пор он заграждает себе доступ к высшему познанию. Тот, кто к каждой вещи или к событию внешнего мира относится с точки зрения той радости или печали, которую они доставляют ему, тот предается такой переоценке самого себя. Ибо из своей **радости** и своей **печали** он ничего не узнает о вещах, а лишь нечто о себе самом. Когда я чувствую симпатию к человеку, то, прежде всего, я чувствую лишь **мое** отношение к нему. Если в моем суждении, в моем отношении я нахожусь в зависимости исключительно от этого чувства радости, симпатии, то этим я выдвигаю на первый план свою личную природу; я навязываю ее миру. Я хочу, таким как я есть, включить себя в мир, а не принять мир свободно, предоставляя ему жить сообразно действующими в нем силами. Иными словами, я терпим лишь к тому, что соответствует моей личной природе. Ко всему же остальному я проявляю отталкивающую силу. Пока человек пленен чувственным миром, он с особой враждебностью отталкивает от себя все нечувственные влияния. Учащийся должен развить в себе качество относиться к людям и вещам сообразно их особенности, предоставить каждому действовать сообразно его ценности, его значению. Симпатия и антипатия, радость и печаль должны получить совсем новые роли. Не может быть и речи о том, что человек должен искоренить их, должен стать глухим к симпатии и антипатии. Наоборот,

* Именно из этого видно, что при требовании «беззаветной отдачи» дело не в отказе от собственного суждения или отдаче слепой вере. Ведь по отношению к ребенку подобное не имело бы никакого смысла.

† Эта непредвзятая отдача не имеет ничего общего со «слепой верой». Дело не в том, чтобы слепо во что-либо верить, но в том, чтобы не ставить «слепое суждение» на место живого впечатления.

чем больше он разовьет в себе способность не сразу отвечать суждением или поступком на всякую симпатию и антипатию, тем более утонченную чувствительность разовьет он в себе. Он узнает на опыте, что симпатии и антипатии становятся высшего рода, когда он обуздывает в себе тот их род, который уже есть в нем самом. Самый несимпатичный предмет имеет в себе скрытые качества; он раскрывает их, если человек в своем отношении не следует своим себялюбивым чувствам. Кто работал над собой в этом направлении, тот воспринимает все во всех отношениях тоньше, чем другие, ибо он не позволяет себе становиться невосприимчивым. Каждая склонность, которой следуют слепо, мешает видеть в верном свете окружающие вещи. Следуя склонности, мы как будто врываемся в окружающее, вместо того, чтобы открыться ему и почувствовать его в его ценности.

И когда на каждую радость, и на каждую горе, на каждую симпатию и антипатию человек не будет более давать своего эгоистического ответа, своего эгоистического отношения, он станет также независимым и от **сменяющихся** впечатлений внешнего мира. То наслаждение, которое мы получаем от вещи, ставит нас тотчас в зависимость от нее. В вещи теряют себя. Человек, который сообразно сменяющимся впечатлениям теряет себя в радости или горе, не может идти путем высшего познания. Со **спокойствием** должен принимать он радость и горе. Тогда он перестает терять себя в них; зато тогда начинает он их понимать. Радость, которой я отдаюсь, поглощает мое бытие в момент отдачи. Но я должен использовать радость лишь для того, чтобы через нее прийти к пониманию вещи, которая доставляет мне радость. Для меня не должно иметь значения то, что вещь дает мне радость: я должен познать радость и через радость сущность вещи. Для меня радость должна служить лишь возвещением о том, что в этой вещи кроется свойство, способное доставлять радость. Это свойство должен я научиться познавать. Если я останавливаюсь на радости, если я всецело отдаюсь ей, то я являюсь лишь собой, изживающим себя; если радость является для меня лишь поводом пережить какое-либо свойство вещи, то этим переживанием я обогащаю мой внутренний мир. Для познающего наслаждение и страдание, радость и горе должны быть поводом, благодаря которому он учится у вещей. От этого исследующий не становится тупым к радости и горю; но он возвышается над ними, чтобы они раскрыли ему природу вещей. Тот, кто развивается в этом направлении, увидит, какими учителями являются радость и горе. Он будет чувствовать вместе с каждым существом и благодаря этому воспринимать откровение его внутреннего мира. Исследующий никогда не говорит себе только: о, как я страдаю, как я радуюсь, но всегда: как говорит страдание, как говорит радость. Он отдает себя для того, чтобы дать наслаждению и радости внешнего мира влиять на себя. Благодаря этому развивается в человеке совершенно новое отношение к вещам. Раньше на то или иное впечатление он отвечал тем или иным поступком, потому что эти впечатления его радовали или доставляли печаль. Теперь же он позволяет радости и печали быть органами, посредством которых вещи говорят ему, какова их собственная сущность. Радость и горе из простых чувств становятся **в нем** органами чувств, посредством которых воспринимается внешний мир. Подобно тому, как глаз, когда он что-либо видит, не действует сам, но заставляет действовать руку, так и радость и горе не действуют сами в том, кто исследует духовное, поскольку он их применяет как средство познания, но воспринимают впечатления, и то, что мы узнали через радость и печаль, это и является причиной поступка. Когда человек обращает радость и печаль лишь в органы—проводники, тогда в его душе они строят те настоящие органы, посредством которых ему раскрывается душевный мир. Глаз может служить телу лишь потому, что он орган-проводник чувственных впечатлений; радость и горе развиваются в **очи души**, когда они перестают быть лишь чем-то самодовлеющим и начинают раскрывать нашей душе чужую душу.

Благодаря вышеуказанным свойствам познающий получает возможность без препятствий со стороны своей личности предоставить себя воздействию того, что реально существует в окружающем его мире. Но и себя самого он должен поставить в правильное отношение к окружающему его духовному миру. Ведь, как существо мыслящее, он является гражданином духовного мира. Он лишь тогда сможет надлежащим образом стать им, когда он будет, в момент духовного познания, давать своим мыслям направление, соответствующее вечным законам истины, законам страны духов. Ибо только таким образом может эта страна влиять на него и раскрывать ему свои факты. Человек не достигает истины, пока он предаётся лишь постоянно проходящим через его Я мыслям. Ибо тогда эти мысли принимают направление, к которому их вынуждает то, что они возникают в пределах телесности. Беспорядочным и спутанным является мыслительный мир человека, предающегося духовной деятельности, обусловленной, прежде всего, его телесным мозгом. Возникает одна мысль, обрывается, вытесняется другой мыслью. Тот, кто внимательно прислушивается к разговору между двумя людьми, кто беспристрастно наблюдает за самим собой, может получить некоторое представление об этой, подобной блуждающим огням, массе мыслей. До тех пор, пока человек посвящает себя исключительно задачам чувственной жизни, его спутанное течение мыслей будет постоянно направляться на верный путь фактами действительности. Я могу думать самым запутанным образом: повседневность принуждает меня в моих поступках к закономерности, соответствующей действительности. Мои представления о городе могут быть самыми произвольными: если я захочу пройтись по городу, я должен буду сообразоваться с существующими фактами. Механик может входить в свою мастерскую с самыми хаотическими представлениями; законы его машин заставят его действовать должным образом. В пределах чувственного мира факты постоянно вносят свои поправки в мышление. Если я составлю себе ложное представление о каком-либо физическом явлении, или о каком-либо растении, действительность выступит против меня и исправит мое мышление. Совсем иное, когда я рассматриваю свое отношение к высшим областям бытия. Они раскрываются мне только в том случае, если я вступаю в их миры уже со строго упорядоченным мышлением. Там мое мышление должно дать мне правильное первое побуждение; иначе я не найду надлежащих путей. Ибо те духовные законы, которые изживаются в этих мирах, не уплотнились до физически-чувственного состояния, и потому не производят на меня вышеуказанного давления. Я могу следовать этим законам лишь в том случае, если они родственны моим собственным — законам мыслящего существа. Здесь я сам должен быть себе верным путеводителем. Таким образом, познающий должен сделать свое мышление строго упорядоченным. Понемногу его мысли должны совсем отвыкнуть следовать обыденному направлению. Они должны во всем своем течении принять внутренний характер духовного мира. Он должен быть в состоянии наблюдать за собой в этом отношении и держать себя в руках. Мысли не должны у него произвольно нанизываться одна на другую, но лишь так, как это соответствует строгому содержанию мира мысли. Переход от одного представления к другому должен соответствовать строгим законам мышления. Как мыслитель, человек должен являться как бы отражением этих законов мысли. Все, что не вытекает из этих законов, он должен запретить ходу своих представлений. Встретилась ему по пути излюбленная мысль — он должен отстранить ее, если она нарушает правильное течение. Если какое-нибудь личное чувство желает насильственно придать его мыслям направление, не вытекающее из них самих, он должен подавить его. — Платон требовал от тех, кто хотел поступить в его школу, чтобы сначала они прошли курс математического обучения. И действительно, математика с ее строгими законами, которые не следуют обыденному течению чувственных явлений, очень хорошая подготовка для ищущего познания. Он должен, если хочет продвинуться в ней, отказаться от всякого личного произвола, от всякого нарушения. Ищущий познания подготавливает себя к своей задаче тем, что он по своей воле преодолевает всякий самостоятельно проявляющийся произвол мышления. Он учится следовать исключительно требованиям мысли и он должен научиться так поступать

в мышлении, которое должно служить познанию духа. Эта **жизнь мысли** сама должна стать отображением неизменных, математических суждений и заключений. Куда бы он ни шел и где бы ни стоял, он должен стремиться уметь мыслить именно таким образом. Тогда в него вливаются закономерности духовного мира, которые бесследно проходят мимо него и сквозь него, когда его мышление носит обыденный, беспорядочный характер. Исходя из верных предпосылок, упорядоченное мышление приводит его к самым сокровенным истинам. Подобные указания, однако, не надо понимать односторонне. Хотя математика и способствует хорошей дисциплине мышления, но можно придти к чистому, здоровому и полному жизни мышлению и не занимаясь математикой.

И того же, чего ищущий познания добивается для своего мышления, должен он добиваться и в своих поступках. Они должны следовать законам благородной красоты и вечной истины, вопреки мешающим влияниям со стороны его личности. Эти законы должны иметь возможность давать ему направление. Если он начинает делать что-либо, что он признал правильным, и если при этом не удовлетворено его личное чувство, все же **из-за этого** он не должен покидать пути, на который вступил. Но также не должен он и следовать ему лишь потому, что он доставляет ему радость, если он найдет, что это не согласуется с законами вечной красоты и истины. В обыденной жизни люди в своих поступках руководствуются тем, что их лично удовлетворяет, что приносит **им** плоды. Благодаря этому они навязывают течению мировых явлений направление своей личности. Они не осуществляют истинное, предначертанное в законах духовного мира; они осуществляют требования своего произвола. Лишь тогда действуюешь в согласии с духовным миром, когда следуешь исключительно его законам. Из того, что совершается лишь из личного, не вырастают силы, которые могут заложить основание для познания духа. Ищущий познания не может только спрашивать: что принесет мне пользу, чем достигну я успеха, но он должен также быть в состоянии поставить вопрос: что я познал как благо? Отречение личности от плодов действия, отречение от всякого произвола: вот те строгие законы, которые он должен мочь себе предписать. Тогда он вступает на путь духовного мира, все его существо проникается этими законами. Он становится свободным от всякого давления со стороны чувственного мира: его Духочеловек поднимается над чувственной оболочкой. Так вступает он в развитие, направленное к духовному; так одухотворяет он себя самого. Нельзя говорить: что пользы мне в намерении всецело следовать законам истины, если быть может, я заблуждаюсь относительно этой истины? Все дело в стремлении, в образе мыслей. Даже тот, кто заблуждается, в своем стремлении к истине обладает силой, которая отклоняет его от неверного пути. Если он заблуждается, эта сила овладевает им и выводит его на верный путь. Уже отговорка: ведь я могу и ошибаться, — является разрушительным неверием. Оно показывает, что человек не имеет никакого доверия к силе истины. Ведь дело именно в том, чтобы он не вздумал ставить себе цели со своей эгоистической точки зрения, но чтобы он бескорыстно отдавал себя и предоставлял духу определять себе направление. Себялюбивая человеческая воля не может давать предписания истине; наоборот, **сама эта истина** должна стать властителем человека, должна проникнуть насквозь все его существо, сделать его отображением вечных законов страны духа. Он должен преисполниться этими вечными законами, чтобы излить их в жизнь. — Так же строго, как за своим мышлением, должен ищущий познания наблюдать и за своей волей. Благодаря этому он становится со всей скромностью — без гордости — вестником мира истины и красоты. И тем самым он возвышается до того, что принимает участие в жизни мира духа. Благодаря этому он поднимается с одной ступени развития на другую. Ибо нельзя достичь духовной жизни посредством одного лишь созерцания; ее надо достичь путем переживания.

Если ищущий познания соблюдает эти описанные законы, то душевные переживания, относящиеся к духовному миру, примут у него совершенно новый облик. Он не будет жить

только **в них**. Они не будут больше иметь значения исключительно для его собственной жизни. Они разовьются в душевные восприятия высшего мира. Наслаждение и отвращение, радость и печаль претворятся в его душе в душевные органы точно так же, как в его теле глаза и уши живут не только своей собственной жизнью, но бескорыстно пропускают через себя внешние впечатления. И благодаря этому в настроение души, ищущей познания, вселяются **покой** и **уверенность**, необходимые для исследования в духовном мире. Большая радость уже не заставит его только ликовать, но сможет быть для него вестницей свойств мира, которые от него до сих пор ускользали. Она оставит его спокойным и благодаря спокойствию для него раскроются признаки существ, приносящих радость. Горе уже не наполнит его всецело только скорбью, но сможет рассказать ему, какие свойства имеет существо, причиняющее горе. Как глаз ничего не желает для себя самого, а только указывает человеку направление пути, по которому ему надлежит идти, точно так же радость и горе поведут душу верным путем. Это и есть состояние душевного равновесия, к которому должен придти познающий. Чем меньше радость и горе исчерпываются в волнах, которые они вздымают во внутренней жизни познающего, тем успешнее будут они образовывать глаза для сверхчувственного мира. Пока человек живет в радости и страдании, до тех пор он не **познает** через них. Когда **благодаря** им он научится жить, когда он высвобождает из них свое самоощущение, тогда они становятся его органами восприятия, тогда он видит, тогда он познает через них. Неправильно думать, что познающий становится сухим, бесстрастным человеком, не способным к радости и страданию. Радость и страдание живут в нем, но если он исследует в духовном мире — то в преображенном виде они стали «глазами и ушами».

Пока человек живет в мире личными интересами, до тех пор вещи открывают лишь то, что связывает их с нашей личностью. Но это их преходящее. Если мы сами удаляемся от своего преходящего, и нашим самоощущением, нашим «Я» живем в нашем пребывающем, тогда наше преходящее становится посредником; и то, что раскрывается через него, есть непреходящее, вечное в вещах. Это соотношение между вечным в нем (Seines eigenen Ewigen) и вечным в вещах должно быть твердо установлено у познающего. Еще прежде, чем приступить к другим упражнениям, вроде приведенных выше, и выполняя их, он должен устремлять свой разум на это непреходящее. Когда я наблюдаю камень, растение, животное, человека, я должен помнить, что в них во всех выражается вечное. Я должен мочь спрашивать себя, что живет, как пребывающее, в преходящем камне, в преходящем человеке? Что переживет преходящее чувственное явление? — Не надо думать, будто подобное направление духа к вечному уничтожает в нас чуткое (hingebungsvolle) рассмотрение и понимание повседневности и отчуждает нас от непосредственной действительности. Напротив. Каждый листик, каждая букашка откроют нам неисчислимые тайны, если на них будет устремлен не только наш **глаз**, но **через глаз** устремлен и дух. Каждый отблеск, каждый оттенок цвета, каждый звук останутся живыми и воспринимаемыми для чувств; ничто не утратится; только к этому еще присоединится безграничная, новая жизнь. И кто не может увидеть «самого малого», тот придет лишь к бледным бескровным мыслям, а не к духовному видению. — Все зависит от того **образа мыслей**, который мы усваиваем в этом направлении. Как далеко мы в нем продвинемся, это зависит от наших способностей. Мы должны лишь поступать правильно; остальное же предоставить развитию. Вначале для нас будет достаточно устремлять наше чувство к пребывающему. **Именно благодаря этому**, нам раскроется познание пребывающего. Мы должны ждать, пока нам не будет дано. И в свое время дается каждому, кто терпеливо ждет и работает. — Делая эти упражнения, человек вскоре замечает, сколь огромное превращение происходит в нем. Он научается определять большее или меньшее значение вещи лишь соответственно тому, каким познал он отношение этой вещи к пребывающему, вечному. Он приходит к иной оценке и иному почитанию мира, чем раньше. Его чувство становится в совсем иные отношения ко всему окружающему миру. Преходящее уже

больше не привлекает его только ради себя самого, как это было раньше; оно становится для него еще и членом и символом вечного. И он научается любить это вечное, которое живет во всех вещах. Оно становится близко ему, как раньше ему было близко преходящее. И благодаря этому он не отчуждается от жизни, он лишь научается каждую вещь оценивать сообразно ее истинному значению. Даже суетная мелочь жизни не пройдет мимо него бесследно; но человек, ищущий духовного уже более не теряется в ней, а познает ее в ее ограниченной ценности. Он видит ее в истинном свете. Тот, кто захотел бы лишь витать в облаках и потерял бы из виду жизнь, был бы очень плохим познающим. Истинно познающий, благодаря ясному кругозору и правильному ощущению всего, со своей высоты сумеет найти место для каждой вещи.

Таким образом, познающему открывается возможность не следовать больше одним лишь неуправляемым влияниям внешнего чувственного мира, которые направляют его желание то в ту, то в другую сторону. Благодаря познанию он заглянул в вечную сущность вещей. Благодаря преобразованию своего внутреннего мира он обретает способность воспринимать эту вечную сущность. Для познающего получают еще особую важность следующие мысли. Когда он действует из себя самого, то он сознает, что действует, исходя из вечной сущности вещей. Ибо вещи высказывают **в нем** эту свою сущность. Таким образом, когда, исходя из этого вечного, живущего внутри него, он дает направление этой своей деятельности, он действует в духе вечного мирового порядка. Он знает благодаря этому, что не только вещи управляют им; он знает, что сам управляет вещами согласно заложенным в них законам, которые стали законами его собственного существа. — Эта деятельность изнутри может быть лишь идеалом, к которому стремятся. Достижение цели лежит в бесконечной дали. Но познающий должен иметь волю ясно видеть этот путь. Это есть его **воля к свободе**. Ибо свобода есть поступок из самого себя. А из себя смеет поступать лишь тот, кто побуждения к действию черпает из вечного. Существо не поступающее так, действует по иным побуждениям, чем те, которые заложены в самих вещах. Такое существо восстает против мирового порядка. И тогда этот порядок должен взять верх над ним. То есть: не может такое существо исполнить то, что предписывает своей воле. Оно не может стать свободным. Произвол единичного существа уничтожает себя самого последствиями своих поступков.

Тот, кто таким образом способен воздействовать на свою внутреннюю жизнь, продвигается в духовном познании со ступени на ступень. Плодом его упражнений явится то, что его духовному восприятию откроются просветы в сверхчувственный мир. Он научается понимать истины, относящиеся к этому миру, и путем собственного опыта получит их подтверждение. Когда эта ступень достигнута, тогда к нему близится нечто, что может стать переживанием лишь на этом пути. Неким образом, значение которого лишь теперь может стать ему ясным, он получает так называемое посвящение (инициацию) от «Великих духовных руководящих Сил человеческого рода». Он становится «учеником Мудрости». Чем меньше в подобном посвящении будут видеть нечто, заключающееся во внешних человеческих отношениях, тем правильнее будет составленное о нем представление. Здесь возможен лишь намек на то, что происходит тогда с познающим. Он получает новую родину. Благодаря этому он становится сознательным обитателем в сверхчувственном мире. Отныне источник духовного прозрения струится к нему из более высокой сферы. Теперь свет познания не светит ему извне; но он сам переносится в источник этого света. Загадки, которые задает мир, получают в нем новое освещение. Отныне он говорит уже не с вещами, которые созданы духом, а с самим созидющим духом. Тогда собственная жизнь личности в моменты духовного познания остается лишь для того, чтобы быть сознательным символом вечного. Сомнения относительно духа, которые прежде еще могли возникнуть в

нем, исчезают; ибо сомневаться может лишь тот, кого вещи еще могут вводить в обман относительно господствующего в них духа. А так как «ученик Мудрости» может беседовать с самим духом, перед ним исчезает также всякий обманчивый облик, под которым он прежде представлял себе дух. Обманчивый облик, в котором себе представляют дух, есть суеверие. Посвященный выше суеверия, ибо он знает, каков истинный облик духа. **Свобода** от предрассудков личности, от сомнения и суеверия, — вот признаки того, кто на пути познания достиг ученичества. Нельзя смешивать это единение между личностью и всеобъемлющей жизнью духа, с уничтожающим личность растворением во «всеобщем духе». Такое «исчезновение» не может произойти при истинном развитии личности. И в отношении духовного мира она остается как личность. Происходит не преодоление личности, а ее наивысшее выявление. Если искать сравнения для этого слияния единичного духа со всеобщим духом, то нельзя для этого брать различные круги, совмещающиеся в один, чтобы в нем исчезнуть, но надо взять образ многих кругов, из которых каждый имеет совершенно определенный оттенок цвета. Эти разноцветные круги совпадают один с другим, но каждый отдельный оттенок сохраняет полностью свою сущность. Ни один не теряет полноты своих собственных сил.

Здесь не может быть дано дальнейшего описания «Пути». Насколько это возможно, оно дано в моем «Тайноведении», которое составляет продолжение этой книги.

То, что здесь сказано о духовном пути познания, можно, **благодаря ошибочному пониманию**, очень легко принять за совет, происходящий из тех душевных настроений, которые влекут за собой уклонение от непосредственного, радостного и деятельного переживания бытия. В опровержение этого необходимо подчеркнуть, что то настроение души, которое делает ее способной непосредственно переживать действительность духа, не может быть распространено на всю жизнь, как общее требование. Исследователь духовного бытия может приобрести власть над тем, чтобы приводить для этого наследования душу в необходимую отрешенность от чувственной действительности так, чтобы в общем эта отрешенность не делала бы его человеком, чуждым миру — А с другой стороны надо отметить, что познание духовного мира, и не только то познание, которое приобретает благодаря вступлению на путь, но также и то, которое приобретает через понимание духовно-научных истин непредубежденным здоровым человеческим рассудком, ведет к более высокому нравственному образу жизни, к истинному познанию чувственного бытия, к жизненной уверенности и к внутреннему душевному здоровью.

Отдельные примечания и дополнения

К главе «Существо человека. Тело, душа и дух».

Еще недавно говорить о «жизненной силе» считалось признаком ненаучного мышления. В настоящее время в науке снова то здесь, то там перестают отрицать идею «жизненной силы» в том виде, как ее признавали в более старые времена. Но тот, кто следит за направлением современного научного развития, найдет более последовательной логику тех, которые, исходя из этого развития, не желают ничего знать о «жизненной силе». «Жизненная сила» ни в коем случае не принадлежит к тому, что в настоящее время называется «силами природы». И тот, кто не желает от привычек мышления и образа представлений современной науки перейти к более высоким, тот не должен бы говорить о «жизненной силе». Лишь образ мышления и предпосылки духовной науки дают возможность, избегая противоречий, касаться подобных вещей. Даже такие мыслители, которые свои воззрения хотят обосновать исключительно на естественнонаучной почве, отказались в настоящее время от убеждения, которое во второй половине 19-го столетия

допускало и для объяснения жизненных явлений существование только таких сил, которые действуют также и в безжизненной природе. Книга столь значительного естествоиспытателя, как Оскар Гертвиг: «Развитие организмов. Опровержение Дарвиновской теории случайностей» является весьма значительным научным явлением. Оно опровергает предположение, что лишь одно взаимодействие физических и химических законов может создавать живое. — Значительно также и то, что в так называемом неовитализме выражено воззрение, снова допускающее для живого начала существование особенных действий силы подобно тому, как это делали прежние приверженцы «жизненной силы». — Но в этой области тот не выйдет из схематически абстрактных понятий, кто не сможет признать, что действующее в живом сверх неорганических сил достижимо лишь при таком восприятии, которое восходит к **созерцанию** сверхчувственного. Речь идет не о привнесении в область жизни способа познания, подобного естественнонаучному, но о том, чтобы приобрести другой вид **познания**.

Когда здесь говорится о «чувстве осязания» низших организмов, то под этим словом подразумевается не то, что определяется этим выражением в обыденном понятии «чувство». О правильности этого выражения можно было бы даже многое возразить с точки зрения Духовной науки. Здесь под «чувством осязания» подразумевается скорее **всеобщее восприятие** внешнего впечатления в противоположность **частичным** восприятиям, зрению, слуху и т. п.

Может показаться, что данное в этой изложении расчленение человеческого существа основано на чисто произвольном различии частей в единой душевной жизни. Против этого можно возразить, что это расчленение единой душевной жизни подобно появлению семи цветов радуги при прохождении света сквозь призму. То, что производит физик для объяснения световых явлений, изучая этот переход и семь цветовых оттенков в их последовательности, производит соответствующим образом и духоиспытатель для существа души. Семь душевных членов являются не только результатом абстрагирующего рассудка. Этим они являются столь же мало, как и семь цветов по отношению к свету. В обоих случаях различие основано на внутренней природе фактов. Только в свете семь цветов становятся видимыми с помощью внешнего прибора, а семь членов души путем наблюдения, направленного на существо души в согласии с законами духа. Истинная сущность души не может быть понята без познания этого расчленения. Ибо тремя членами: физическим телом, жизненным телом, душевным телом душа принадлежит миру преходящему; другими четырьмя членами она коренится в вечном. В «единой душе» неразлично связано преходящее и вечное. Не видя этого расчленения, нельзя познать отношения души к общему миру. Можно употребить еще одно сравнение. Химик разлагает воду на водород и кислород, оба эти вещества нельзя наблюдать в «единой воде». Но они имеют свою собственную сущность. И водород, и кислород дают соединения с другими веществами.

Так, в смерти три «низшие члена души» соединяются с преходящей сущностью мира; четыре высших присоединяются к вечному. Тот, кто не хочет допустить расчленения души, подобен химику, который ничего бы не хотел знать о том, что вода разлагается на водород и кислород.

Духовно-научные описания должны быть принимаемы совершенно точно. Ибо они имеют ценность лишь при точной формулировке идей. Кто, например, во фразе: «У него (т. е. у животного) они (ощущения и т. д.) не переплетаются с самостоятельными, переходящими за пределы непосредственных переживаний мыслями», оставит без внимания слова: «самостоятельными, переходящими за пределы непосредственных переживаний», тот легко мог бы впасть в заблуждение, будто здесь утверждается, что в ощущениях или в

инстинктах животных не содержится никаких мыслей. Но именно истинная духовная наука и стоит на почве познания, которое говорит, что всякое внутреннее переживание животных (как и все бытие вообще) переплетено с мыслями. Только мысли животных являются не самостоятельными мыслями обитателя в животном «Я», но мыслями группового Я животных, которое мы должны рассматривать как существо, управляющее животным извне. Это групповое Я не находится в физическом мире, подобно Я человека, но действует на животное из мира душ. (Более подробно об этом можно найти в моем «Тайноведении»). Что же касается человека, то **в нем** мысли приобретают самостоятельное бытие, так что и душевно переживаются не косвенно в ощущении, но непосредственно, как мысли.

Когда упоминается о том, что маленькие дети говорят: «Карл хороший», «Мария хочет этого», то нужно принять во внимание, что дело не в том, как рано начинают дети употреблять слово «Я», а в том, когда с этим словом они связывают соответствующее понятие. Когда дети слышат это слово от взрослых, то они могут употреблять его, не имея представления о «Я». Но употребление этого слова, возникающее **в большинстве** случаев поздно, указывает на важный факт в развития, а именно на постепенное раскрытие Я-представления из Я-чувства.

Описание истинной сущности «интуиции» можно найти в моей книге «Как достигается познание высших миров?» и в моем «Тайноведении». При невнимательном отношении к предмету легко можно найти противоречие между употреблением этого слова в указанных двух книгах и тем, которое встречается в этой книге. Оно исчезает, если точно принять во внимание, что то, что из духовного мира, благодаря интуиции, в полноте реальности раскрывается для сверхчувственного познания, в своем **низшем** проявлении открывается Самодуху так же, как внешнее бытие физического мира открывается в ощущении.

К главе «Перевоплощение духа и судьба».

Относительно изложения этой главы надо принять во внимание, что здесь сделана попытка из мыслительного рассмотрения самого хода человеческой жизни, не принимая во внимание духовно-научных познаний, изложенных в других главах, приобрести представление о том, в какой мере человеческая жизнь и судьба сами в себе несут указание на повторяющиеся земные жизни. Само собой разумеется, что эти представления должны будут показаться весьма рискованными тому, кто «прочно обоснованными» считает лишь обычные представления о единственной жизни. Однако следует также принять во внимание, что данное здесь изложение стремится обосновать мнение, что именно такой обычный способ представления не может привести к познанию основ жизни. Поэтому **нужно** искать другие представления, которые **кажутся** противоречащими обычным. И только тогда не ищут эти иные представления, когда принципиально отклоняют такое же применение мыслительного рассмотрения к ходу событий, понимаемых исключительно душевно, как это применяется к тому, что происходит в физическом мире. При подобном отклонении не придают, например, никакого значения тому факту, что удар судьбы, постигающий Я, в ощущении оказывается родственным с тем, когда воспоминание сталкивается с переживанием, родственным этому воспоминанию. Но кто попытается воспринять, каким образом действительно переживается удар судьбы, тот сможет отличить **это переживание** от тех, которые должны возникнуть, если точка зрения берется во внешнем мире, благодаря чему всякое живое отношение удара к Я, разумеется, отпадает. При такой точке зрения удар кажется либо случаем, либо predetermined извне. Так как бывают **также и такие** удары судьбы, которые в известной мере в человеческой жизни являются лишь так сказать, первоначальным вкладом, последствия же обнаружатся только позже, то тем больше искушение обобщить то, что относится только к этим случаям, а на другую возможность совершенно не обратить внимания. Обращать внимание начинают

лишь тогда, когда жизненный опыт дает такое направление способности представления какое обнаруживается у друга Гете — Кнебеля, который в одном письме пишет: «при точном наблюдении найдут, что в жизни большинства людей обнаруживается известный план, который, благодаря ли их собственной природе или благодаря обстоятельствам, которые их ведут, им как бы предначертан. Как бы ни были изменчивы и непостоянны состояния их жизни, в конце концов обнаруживается все же цельность, позволяющая заметить известную согласованность... Как бы скрыто не действовала рука определенной судьбы, хотя бы она и двигалась благодаря внешнему воздействию или внутреннему побуждению, все же обнаруживается: даже противоречивые силы часто движутся в ее направлении. Как бы ни было запутанно течение, все же всегда сквозит основание и направление». Подобное наблюдение может легко встретиться с возражениями в особенности таких людей, которые **не хотят** вникнуть в наблюдение душевных переживаний, из которого оно происходит. Но автор этой книги полагает, что в изложении идей о повторяющихся земных жизнях и судьбе он точно очертил границу, в пределах которой можно составить себе представления о причинах, формирующих жизнь. Он указал на то, что воззрение, к которому ведут эти представления, определяется ими лишь «силуэтно», что они могут лишь **мыслительно подготовить** к тому, что должно быть найдено Духовной наукой. Но эта мыслительная подготовка является внутренней душевной работой, которая, — если она свое значение не оценивает ложно, если она не хочет «доказывать», а лишь «упражнять» душу, — делает человека непредвзято восприимчивым для познаний, которые без подобной подготовки кажутся ему безумием.

К главе «Три мира. Мир душ».

Более подробное описание «духовных органов восприятия», о которых лишь вкратце сказано в главе «Путь познания», можно найти в моих книгах «Как достигается познание высших миров?» и «Тайноведение».

К главе «Три мира. Страна духов».

Было бы неправильным заключить отсюда, что в духовном мире царит непрекращающееся **движение**, так как в нем нет «покоя, остановки на одном месте, как это бывает в физическом мире». Там, где находятся «праобразы, творящие существа», нет, правда, того, что можно назвать «покоем на одном месте», но все же есть иной покой, духовного рода, который может согласовываться с деятельной подвижностью. Его возможно сравнить со спокойным удовлетворением и блаженством духа, открывающимся в деятельности, а не в бездействии.

По отношению к побуждающим Властям мирового развития приходится употребить слово «замыслы», хотя тем самым попадают в искушение представить эти Власти просто, как человеческие замыслы. Это искушение может быть устранено, если при этих словах, которые приходится брать все же из области человеческого мира, подняться к тому их значению, в котором откинуто все, что они имеют узкоограниченно-человеческого, а взамен придать им то, что приблизительно дает им человек в тех случаях своей жизни, когда он в известной степени поднимается над самим собой.

Дальнейшее о «духовном слове» можно найти в моем «Тайноведении».

К главе «Три мира. Дух в стране духов после смерти».

Когда говорится: «...из вечного он может определить направление для будущего», то это есть указание на особый род душевного строя человека в соответствующее время между смертью и новым рождением. Постигающий человека в жизни в физическом мире удар судьбы может, для настроения души **в этой** жизни, казаться чем-то, что совершенно противоположно воле человека; в жизни между смертью и рождением душой владеет сила, подобная воле, дающая человеку направление к переживанию этого удара судьбы. Душа до известной степени видит, что к ней из прежней земной жизни пристало несовершенство. Несовершенство, проистекающее от некрасивого поступка или некрасивой мысли. В душе между смертью и рождением возникает, подобный воле импульс, — изжить это несовершенство. Поэтому она принимает в свою сущность тенденцию в следующей земной жизни «броситься» в несчастье, чтобы на пути страдания произвести выравнивание. После рождения в физическом теле душа, которую встречает удар судьбы, не чувствует, что она в чисто духовной жизни до рождения дала самой себе направление к этому удару судьбы. Итак, то, что с точки зрения земной жизни является совсем **нежелаемым**, было **желаемо** душой в сверхчувственном. «Из вечного человек определяет себе будущее».

К главе «Три мира. О мыслеформах и о человеческой ауре».

Она является той главой, которая легче всего даст повод к недоразумениям, противники именно в этих рассуждениях ощущают лучший случай для своих нападков. Например, действительно очень легко требовать, чтобы свидетельство видящего в этой области было доказано опытами, соответствующими естественнонаучному образу представления. Можно требовать, чтобы известное количество людей, утверждающих, что они видят духовные ауры, дало бы ауре других людей воздействовать на себя. Тогда пусть видящие скажут, какие мысли, ощущения и т. д. они видят у наблюдаемых людей, как ауру. Если затем их показания совпадут друг с другом и если окажется, что наблюдаемые люди действительно имели указанные видящими ощущения, мысли и т. д., тогда можно согласиться и поверить в существование ауры. Это, конечно, вполне соответствует естественнонаучному мышлению. Однако необходимо принять во внимание следующее: работа духоиспытателя над собственной душой, дающая ему способность духовного видения, направлена к тому, чтобы **приобрести именно эту способность**. Воспринимает ли он затем в отдельном случае нечто в духовном мире и **что** он воспринимает, это зависит не от него. Это притекает к нему, как **дар** из духовного мира. Он не может его вынудить, он должен ждать, пока оно будет дано. **Его намерение** вызвать восприятие никогда не может принадлежать к причинам возникновения этого восприятия. Но именно **этого намерения** требует для эксперимента естественнонаучный образ представления. А духовный мир не терпит повелений. Если бы опыт совершился, то он должен был быть предпринят из духовного мира. Некое существо должно было бы возыметь намерение раскрыть одному или нескольким видящим мысли одного или нескольких человек. Затем, по «духовному побуждению», эти видящие должны были бы быть соединены для наблюдения. Тогда их показания, несомненно, совпали бы друг с другом. Как ни парадоксально все это может показаться естественнонаучному мышлению, но все же это так. Духовные «эксперименты» не могут производиться подобно физическим. Когда к видящему, например, приходит незнакомое лицо, то он не может просто «поставить себе целью» наблюдать ауру этого лица. Но он видит ауру, когда в духовном мире есть повод к тому, чтобы она ему раскрылась. — Этими немногими словами должно быть только указано на недоразумения, заключенные в вышеприведенных возражениях, Духовная наука должна показать, на каком пути человек приходит к видению ауры: то есть, на каком пути он сам может на опыте убедиться в ее существовании. Итак, тому, кто хочет познавать, эта наука может только ответить: обрати условия видения на свою собственную душу и ты будешь видеть.

Было бы конечно удобнее видеть выполненным вышеупомянутое требование естественнонаучного рода представления; однако тот, кто ставит его, показывает, что по-настоящему он не изучил самых первых результатов Духовной науки.

Данным в этой книге описанием «человеческой ауры» не имеется в виду угодить жажде сенсации, направленной на «сверхчувственное» и получающей в отношении духовного мира лишь тогда удовлетворение, когда под видом «духа» ей предлагают нечто, что в представлении не отличается от чувственного, и она таким образом со своим представлением может удобно пребывать в этом чувственном. Сказанное о том, как своеобразно надо представлять аурические цвета, могло бы, возможно, оградить это писание от подобного недоразумения. Точно так же должно было бы быть ясно, тому, кто стремится в этой области правильно видеть, что, когда человеческая душа имеет **переживание** духовного и душевного, она безусловно **созерцает** аурическое духовно, а не чувственно. Без такого **созерцания** переживание остается в бессознательном. Не следует смешивать образное созерцание с самим переживанием; но нужно себе также уяснить, что в этом образном созерцании переживание находит вполне соответствующее выражение. Не такое, которое созерцающая душа образует произвольно, но которое **само себя** образует в сверхчувственном восприятии. Естествоиспытателю в настоящее время прощается, если он вынужден говорить о своего рода «человеческой ауре» так, как это делает проф. Мориц Бенедикт в своей книге «Rutenund Pendellehre»: «Существуют, хотя и в относительно небольшом числе, люди, которые являются «приспособленными к темноте» (dunkelangepasst). Сравнительно большая часть этого меньшинства видит в темноте очень много предметов без красок и только сравнительно очень немногие видят предметы также красочно... Многие ученые и врачи были исследованы в моей темной камере двумя моими классическими представителями «приспособленных к темноте», и у исследованных ими лиц не могло остаться никакого сомнения в правильности наблюдения и описания... Приспособленные к темноте и воспринимающие краски видят лоб и темя спереди в синем, остальную правую половину также в синем, а левую в красном, или некоторые... в оранжево-желтом. Это распределение и эта окраска те же и сзади». Но духовному исследователю не так легко простят речи об «ауре». Здесь не имеется в виду какая-либо позиция относительно изложения Бенедикта — принадлежащему к интереснейшему в современном учении о природе — нет и стремления воспользоваться дешевым случаем, которым многие так охотно пользуются, чтобы естественной наукой «извинить» Духовную науку. Имелось лишь в виду указать на то, как естествоиспытатель, при случае может придти к утверждениям, не столь уж несходным с утверждениями Духовной науки. Но при этом необходимо подчеркнуть, что та, постигаемая духовно аура, о которой идет речь, в этой книге есть нечто совершенно иное, нежели аура, исследуемая физическими средствами, о которой идет речь у Бенедикта. И, конечно, впадают в грубое заблуждение, если думают, что «духовная аура» доступна исследованию внешними естественнонаучными средствами. Она доступна только духовному зрению, прошедшему через путь познания (как он описан в последней главе этой книги). Но было бы также основано на недоразумении требование, чтобы действительность духовно воспринимаемого была доказана тем же способом, как и действительность чувственно воспринимаемого.